علیشیر نوایی
АЛИШЕР 575 НАВОИЙ

ИСКУССТВО
НАУКА И СПОРТ

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»**

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВГБИЛ

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

И
В
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСАА
1956

ГПИБ
России

ГИМ

ИМЛИ РАН

Государственный
МУЗЕЙ
ВОСТОКА

НЕ МОГУТ ЛЮДИ
ВЕЧНО БЫТЬ
ЖИВЫМИ,
НО СЧАСТЛИВ ТОТ,
ЧЬЕ БУДУТ ПОМНИТЬ
ИМЯ.

АЛИШЕР НАВОИ

РУКОПИСИ И ЛИТОГРАФИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛИШЕРА НАВОИ В МОСКОВСКИХ СОБРАНИЯХ

Каталог

Москва
Центр книги Рудомино
2016

УДК 811.522
ББК 84(0)4—5
Р 85

В подготовке каталога участвовали:
И.Э. Круговых — координатор проекта
И.В. Зайцев — автор-составитель
И.И. Меланьин — дизайнер

Автор-составитель выражает признательность
Т.А. Аникеевой (Институт востоковедения РАН),
М.В. Меланьиной (Центр восточной литературы
Российской государственной библиотеки),
Т.К. Мкртычеву (Государственный музей Востока),
М.В. Решетниковой (Библиотека Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД РФ)
за помощь в работе над изданием.

Р 85 Рукописи и литографированные издания произведений Алишера Навои в московских собраниях. Каталог. / Составитель и автор описания рукописей и литографий — доктор исторических наук И.В. Зайцев. М.: Центр книги Рудомино, 2016. — 208 с.: ил.

ISBN 978-5-00087-095-2

В Каталоге, выпуск которого приурочен к 575-летию классика узбекской литературы Алишера Навои, представлены рукописи и литографированные издания его произведений, сохранившиеся в собраниях Москвы. В московских библиотечных и музейных коллекциях находится 14 рукописей XVIII—XIX вв. и 12 литографированных изданий XIX — начала XX в. Ранее московские списки произведений великого поэта не подвергались изучению.

УДК 811.522
ББК 84(0)4—5

© Зайцев И.В. (составление, вступительная статья, описания рукописей и литографий, примечания), 2016.
© Российская государственная библиотека, 2016.
© Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, 2016.
© ООО «Центр книги Рудомино», 2016.

ISBN 978-5-00087-095-2

Содержание

И.Э. Круговых
К читателям 10

А.Б. Куделин
К 575-летию со дня рождения Алишера Навои
(итоги и перспективы изучения жизни и творчества) 14

А. Каюмов, Д. Азизова
Великий поэт в сердцах людей 24

И.В. Зайцев
Рукописи и литографированные издания Алишера Навои в Москве 34

Рукописи

Научно-исследовательский отдел рукописей
Российской государственной библиотеки 41

Государственная публичная историческая библиотека России 61

Государственный музей Востока 65

Институт востоковедения Российской академии наук 69

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации 73

Отдел письменных источников Государственного исторического музея 85

Литографированные издания

Российская государственная библиотека 101

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации 131

Приложение

Алишер Навои
Избранные стихи. Подстрочный перевод Н.Ф. Лебедева 137

Указатели

Указатель имен 200

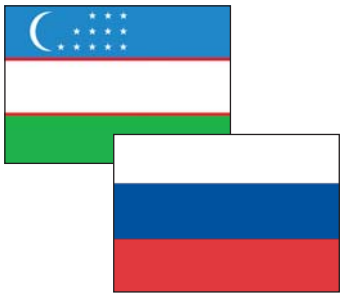
Указатель географических названий 202

Указатель печатей и штампов 203

Московские списки произведений Навои в хронологическом порядке 204

Список сокращений 205

Библиография 206



Общество дружбы и сотрудничества России с Узбекистаном

К читателям

Уважаемые читатели! Общество дружбы и сотрудничества России с Узбекистаном уже более десяти лет отмечает дни рождения Алишера Навои, чьи поэтические и философские труды не просто заложили основы, но и пронесли сквозь века и сохранили национальный язык, самобытную литературу и культуру узбекского народа. Поэтому творчество Навои всегда современно, оно формирует духовные и нравственные ориентиры поколений.

День Алишера Навои отмечают не только в Москве и не только в Татарстане и Башкирии, где его творчество — такая же часть национальной культуры, языка и литературы, как в Узбекистане, но практически во всех регионах страны. Это свидетельствует о едином цивилизационном поле, общем историческом и национальном наследии наших народов.

Нельзя не вспомнить в этой связи слова президентов наших стран.

Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Отношения между Россией и Узбекистаном поступательно развиваются, носят подлинно дружеский, взаимовыгодный характер. В их основе — богатая общая история, тесные связи между нашими народами».

Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов: «Мы в Узбекистане всегда были и остаемся открытыми для России. Общие интересы и совпадение долгосрочных целей сотрудничества во благо наших людей, исторически тесно связанных между собой, сближает и соединяет нас и сегодня. Именно эти непреходящие ценности обуславливают заинтересованность сторон в дальнейшем продвижении добрых традиций сотрудничества и широких контактов в культурно-гуманитарной сфере на основе долгосрочных программ и проектов».

Отмечая День Алишера Навои, день узбекского языка и литературы в Москве, мы всегда направляем приветствие участникам празднования Дня А.С. Пушкина, дня русского языка и литературы в Ташкенте, сохраняя тем самым заложенный нашими великими предшественниками и основанный на принципах правды и справедливости наш общий мир и будущее наших народов.

В 2016 году отмечается 575-летие Алишера Навои — выдающегося поэта, философа, государственного деятеля Узбекистана и всего средневекового тюркского мира. Этой дате посвящен наш Каталог рукописей и литографированных изданий произведений Алишера Навои. В его основе — списки произведений великого узбекского поэта, хранящиеся в разных государственных коллекциях Москвы, которые, к сожалению, до сих пор не были известны не только почитателям творчества поэта, но и специалистам. Теперь наш юбилейный

каталог «Рукописи и литографированные издания произведений Алишера Навои в московских собраниях» сделает эту частичку исторического наследия узбекского народа известной не только в Москве и России, но и на родине поэта.

Лишь немногим поэтам и мыслителям прошлого, не принадлежащим России, установлены памятники в Москве. Алишер Навои — из их числа. В 2002 году на Серпуховской площади был открыт памятник Навои работы талантливого узбекского скульптора Равшана Миртаджиева. По представлению нашего Общества Равшан Миртаджиев был награжден Почетным знаком Московской городской думы. Столица России благодарна за замечательный памятник, пополнивший культурную сокровищницу нашего города и ставший неотъемлемой частью наследия многонациональной Москвы, значимым вкладом в культуру народов России и Узбекистана, славянского и тюркского миров.

Гениальное творчество Навои спустя почти шесть столетий остается актуальным, показывает пути разрешения многих проблем. Поэт, учёный и государственный деятель, он дорог нам прежде всего демократической, гуманистической направленностью своего творчества. Замечательные по своей художественной силе произведения поэта отражают то, что мы называем традиционными духовными ценностями.

В XXI веке многие народы именно духовно-нравственные критерии ставят, наряду с материальными благами, в основу общественного прогресса, что непосредственно перекликается с идеями Навои, высказанными сотни лет назад. Ориентация на традиционные ценности характерна сегодня для России, Узбекистана и для всех стран, заботящихся о сохранении своего духовно-нравственного суверенитета.

Мы не случайно включили в наш Каталог воспоминания о том, как в блокадном Ленинграде отмечалось 500-летие великого узбекского поэта. Мне запомнились слова академика Орбели, который сказал: «После Победы, а она обязательно придет, отпразднуем юбилей пышно и более торжественно. Но это заседание под аккомпанемент пушек, надеюсь, останется у всех в памяти. Несмотря ни на что, поэзия живет и торжествует. Так окунемся же в ее пленительный мир...». Нельзя без волнения читать эти строки. Мы сумели спустя 75 лет протянуть невидимую нить связи времен между блокадным юбилеем 1941 года и празднованием Дня Алишера Навои сегодня. Как знать, может быть, на 600-м юбилее Поэта вспомнят и наши имена.

Поистине пророческие слова сказал Алишер Навои: «Не могут люди вечно быть живыми, но счастлив тот, чье помнить будут имя». Мы помним и чтим.

С уважением —

И.Э. Круговых,
председатель Общества дружбы и сотрудничества
России с Узбекистаном

صورت امیر کبیر میر علی شیر
علی محمود مذنب

Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.
И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.
О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

Алишер Навои

**Портрет Навои в старости.
Худ. Махмуд Музаххиб.
Бухарская школа,
середина XVI в.**

К 575-летию со дня рождения Алишера Навои
(итоги и перспективы изучения жизни и творчества)

2016 год — год двух памятных дат: 575 лет со дня рождения и 515 лет со дня кончины великого сына узбекского народа Алишера Навои.

Когда мы говорим об Алишере Навои как о родоначальнике узбекского литературного языка и узбекской литературы, мы, конечно же, не упускаем из виду того, что воздействие его творчества не ограничивалось узкими национальными рамками. Многочисленные исследования показывают, сколь велики были масштабы его влияния на литературы тюркских народов Средней Азии и других регионов вплоть до начала XX века.

В 1948 году, подводя итоги исследования жизни и творчества Навои, выдающийся востоковед Е.Э. Бертельс писал о нем: «<...> Мудрый политический деятель, крупнейший ученый, мыслитель, художник, музыкант, несравненный мастер слова. Нет такой области культуры, которая была бы ему чуждой. Такой многогранностью обладают только величайшие гении, как Шекспир, Гёте, Пушкин...» (Бертельс, 1965, с. 204).

В юбилейный год по-новому и актуально звучат слова ученого: «Творчество Навои не музейный экспонат, не кусок истории. Оно живет и будет жить и дальше. Мы изучаем его, но изучили пока еще далеко не достаточно. И дело чести узбекского народа — свято чтить память своего великого сына и неустанно изучать его творения» (Бертельс, 1965, с. 204). Сказанное можно лишь уточнить вполне в духе Е.Э. Бертельса, что изучение творчества Навои — дело не только узбекского народа, поскольку его великие произведения являются достоянием всей мировой культуры.

В приведенном высказывании Е.Э. Бертельса об истории изучения жизни и творчества Алишера Навои определяются две важные составляющие — достижения и новые задачи, итоги и перспективы. Вначале коротко скажем об итогах.

Навоиведение уже давно стало значимой частью мировой науки. Одно перечисление имен выдающихся ученых, отдавших дань изучению жизни и творчества Алишера Навои, заняло бы много времени и места. Написаны исчерпывающие исследования об эпохе Навои, изучены факты биографии поэта и творческая история главных его произведений, решено большинство важных текстологических проблем его основных сочинений, что стало надежной базой для публикации текстов Навои, разработаны принципы их комментирования, наконец, — и это один из главных итогов — основные его сочинения переведены на многие языки мира.

Труды о жизни и творчестве Алишера Навои выдающихся отечественных ученых хорошо известны, и в настоящей публикации их можно не называть. Однако, чтобы не быть голословным, скажу о некоторых из важнейших публикаций сочинений Алишера Навои и биобиблиографических трудов в области навоиведения. Огромный труд большого коллектива ученых, переводчиков и издателей завершился публикацией самого полного на нынешний день печатного издания трудов Алишера Навои в оригинале в 15 томах (Ташкент, 1963—1968) и десятитомного издания его сочинений в переводе на русский язык (Ташкент, 1968—1970). Среди биобиблиографических трудов и описаний наиболее значительных по количеству собраний рукописей укажем в хронологическом порядке: *Семенов А.А.* Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. Ташкент, 1940; *Свидина Е.Д.* Алишер Навои. Библиография (1917—1966). Ташкент, 1968; Рукописи сочинений Алишера Навои в коллекции Института востоковедения АН УзССР. К.М. Муниров и А. Насиров. Ташкент, 1970. Здесь же необходимо указать и том XI (под редакцией А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1987) получившего мировое признание многотомного фундаментального Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.

Теперь перейдем к перспективам изучения жизни и творчества Алишера Навои. Уже давно отечественное литературоведение в целом преодолело вульгарно-социологические импульсы при интерпретации ключевых моментов жизни и творчества Навои. Так, в свое время Е.Э. Бертельс отмечал определенные издержки в понимании проблемы *Навои и религия* «как борьбы против религии вообще» (Бертельс, 1965, с. 67). Живучи в определенной мере и прежние попытки «<...> модернизировать образ Навои, изображая его каким-то революционером» (Бертельс, 1965, с. 137). Нуждаются в корректировке и некоторые прежние представления по относительно более частным вопросам. Так, предлагается уточнить мнение В.В. Бартольда, считавшего, что расхождения между Навои и Султан-Хусайном выглядели «как систематическая травля султаном своего вазира» (Бертельс, 1965, с. 68). Конечно же, не выглядит частным и вопрос о мере и масштабах воздействия и проявления суфийского учения в творчестве Навои, вопрос, который, по мнению Е.Э. Бертельса, нельзя считать решенным окончательно (Бертельс, 1965, с. 104). Мы говорим об этих вопросах изучения жизни и творчества Алишера Навои сегодня, поскольку отголоски прежних взглядов, критиковавшихся в свое время еще Е.Э. Бертельсом, иногда дают о себе знать и в относительно свежих работах.

Развитие литературоведческой теории в последние десятилетия создало новую ситуацию и в изучении творчества

Навои. Переосмысление известных историко- и теоретико-литературных представлений в свете новых подходов дает новый импульс и для переосмысления больших проблем литературного процесса на региональном и межрегиональном уровнях и малых проблем творчества отдельных представителей этого процесса. Старые проблемы выглядят по-новому в контексте нового подхода к средневековой литературе как *особому* периоду в истории мировой литературы со своим *особым* типом художественного сознания и связанными с этим принципиально новыми воззрениями на традиционалистский канон, на статус средневекового автора, статус средневекового сочинения и пр. и пр.

Поясним нашу мысль небольшими замечаниями относительно двух элементов творчества Алишера Навои.

Отечественное и мировое востоковедение уже давно отказалось от взгляда на Навои как на подражателя персидско-таджикских поэтов. Подобный взгляд во многом основывался на том, что значительная часть произведений Алишера Навои создана по методу *назира*. В этой связи актуальным до нашего времени остается вопрос об определении степени творческой свободы Навои в рамках данного метода. В практическом, историко-литературном плане этот вопрос, можно сказать, решен в конкретном сопоставительном анализе произведений Навои с произведениями предшественников, выявившем несомненный оригинальный характер сочинений узбекского автора. Однако в теоретико-литературном, поэтологическом аспекте данный вопрос, по нашему мнению, нуждается в более основательном рассмотрении.

В свое время подробнее других на данной стороне *назира* остановился Е.Э. Бертельс. Ученый считает неверным называть авторов *назира* «подражателями», ибо это свидетельствует об антиисторическом подходе и непонимании специфики литературы феодального общества. В этом обществе выбор тем был «крайне ограничен» «узостью интересов, замкнутостью жизни, медленностью самого ее темпа». По этой причине авторы, даже имевшие возможности обновить тематику, не стремились выходить за пределы намеченного традицией круга тем. Узость тематики при интенсивной литературной жизни привела к «чрезвычайной чувствительности к культуре слова» и разработке представлений, близких к концепции «искусство для искусства», поскольку «часто целью произведения был лишь показ мастерства в обработке хорошо известного сюжета». Вместе с тем было бы неверно полагать, что при таком взгляде на литературу значительно умаляется ее общественная ценность, поскольку «талантливый писатель и в этих трудных, сковывающих полет его мысли условиях, сумеет воздействовать на мысли и чувства читателя и раскрыть перед ним новые, ему дотоле неизвестные стороны человеческой души» (Бертельс, 1965а, с. 435—436).

Суждения Е.Э. Бертельса о «трудных, сковывающих полет... мысли условиях», в которых средневековый автор создавал свои *назира*, были данью теоретико-литературным представлениям определенной эпохи и сегодня нуждаются в корректировке. Средневековые литературы Востока и Запада отличаются ярко выраженным традиционализмом, обусловливающим специфику их художественной системы. Произведения типа *назира* были распространены не только на Ближнем и Среднем Востоке. В сборниках вагантов, например, встречаются многочисленные стихотворения, разрабатывающие сходные мотивы и образы. Каждое такое произведение было результатом не переделок, а «подражания, это не “порча текста”, а творческое соревнование» — настаивает М.Л. Гаспаров (Гаспаров, 1975, с. 471—472). Разные виды «подражания» в средневековой литературе объединялись общей нацеленностью на творческое отношение к «первоисточнику», на *соперничество* и *соревнование* с ним.

Понятие *состязания* было одним из центральных для системы мировой литературы Средних веков. Оно зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания. Произведения древнерусской литературы «жили многими столетиями», «в письменности было “одновременно”, а вернее вневременно всё, что написано сейчас или в прошлом», — говорит Д.С. Лихачёв (Лихачёв, 1979, с. 20, 94—95). Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях: временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал ученых, оценивавших результаты «состязания», не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только разным эпохам, но и разным литературам и культурам.

Непременным условием *состязания* в средневековую эпоху было твердое убеждение авторов-«соперников» в единственности и неизменности во времени (сколь бы продолжительным оно ни было) самой цели, к которой они стремились. Идея «абсолюта», недосягаемого жанрового или стилистического канона создавала базу для корректных сопоставлений. Оригинальный автор, создавший первое произведение на какую-либо тему, рассматривался всеми как человек, совершивший необходимый шаг к единой для всех цели.

Эти особенности определили характер отношения к произведению-«образцу» в литературной практике. Ни один, даже самый выдающийся «образец» не квалифицировался средневековыми учеными и авторами как раз и навсегда установленное лучшее достижение на пути к абсолюту. Последователи чувствовали себя обязанными совершенствовать «первооткрытие», чтобы еще дальше продвинуться по пути к абсолюту. Варьирование «образцов» в «подражаниях» последователей приобретало, таким образом, особый смысл. Именно поэтому *назира* нельзя квалифицировать как «подражание»,

а авторов *назира* называть «подражателями», «копиистами» и — тем более — «эпигонами»[1].

Второй элемент творчества Алишера Навои, на котором хотелось бы заострить внимание, не находил до сих пор подобающего ему места в исследованиях ученых, хотя и занимает видное положение в его наследии. Здесь нам необходимо напомнить об общем фоне, на котором развертывалось творчество великих современников — Джами и Навои. Е.Э. Бертельс неоднократно напоминает о нем: « <...> Одностороннее развитие персидской поэзии в XV в. привело к невероятнейшим формальным ухищрениям и полному презрению к содержанию стихов. Если поэт ставил себе задачей поразить читателя головоломной техникой, то понятно, что содержание большой роли играть не могло, да и изложить его более или менее удобопонятно становилось почти невозможно» (Бертельс, 1965, с. 125). Аналогичные процессы проходили в XV веке и в поэзии на тюрки, а ранее, начиная с X—XI веков, — и в арабской поэзии.

Сделаем выписку из труда Е.Э. Бертельса лишь об одном из таких «формальных ухищрений» — о *му'амма*, что, однако, дает хорошее представление обо всей «головоломной технике». «*Му'амма* — стихотворение из одного-двух бейтов, в котором, помимо его внешнего смысла, зашифровано еще какое-то слово, обычно имя собственное, — пишет Е.Э. Бертельс. — Это не загадка, так как загадка называет какие-то признаки предмета и предлагает догадаться, что это за предмет. Здесь же стихи содержат намеки на буквы арабского алфавита, из которых данное имя сложится. Поэтому му'амма вне арабского шрифта уже теряет смысл и не может быть понята... Бывают му'амма, где... преобразований и переводов нужно сделать чуть ли не десяток, брать то цифровое, то буквальное значение, читать то по-персидски, то по-арабски. Не удивительно поэтому, что разгадка, т. е. самое имя, обычно уже сообщалось заранее читателю и ему нужно было только догадаться, как это имя можно получить из данной строки» (Бертельс, 1965, с. 41—42).

Согласно характеристике Е.Э. Бертельса, *му'амма* — не искусство, но «забава», которая, впрочем, увлекла, как признает ученый, «даже весьма и весьма серьезных людей», «выдающегося историка» Йазди (ум. 1454), великого поэта Джами, «глубокого мыслителя» Навои. Причем никто из перечисленных авторитетов вовсе не считал *му'амма* «забавой» или «игрой». Последнее подтверждается такими фактами, как то, что Джами написал комментированное извлечение из трактата Йазди и три своих собственных работы о *му'амма*; сам же Навои говорит о себе, что в его диване «много разных видов стихов», в том числе

---

[1] Подробнее см.: (Куделин, 1998, с. 256—264).

и «около пятисот (!) *му'амма*» и что Джами дал всем им (включая и *му'амма*) самую высокую оценку (Навои, 1970, с. 132).

Непоследовательность в оценках Е.Э. Бертельса выявляется при сопоставлениях, когда ученый пытается доказать, что Джами и Навои «борются за смысл, за содержание поэзии, стремятся подчеркнуть, что только значительная по содержанию литература ценна» в условиях, когда «одностороннее развитие персидской поэзии в XV в. привело к невероятнейшим формальным ухищрениям и полному презрению к содержанию стихов» (Бертельс, 1965, с. 125—126).

Приведенные здесь оценки выдающегося востоковеда были данью (вновь необходимо сказать об этом) литературоведческим представлениям определенной эпохи. Они были «общим местом» в трудах востоковедов. Вспомним, что писал о подобных «формальных ухищрениях» в арабской поэзии другой выдающийся востоковед, И.Ю. Крачковский. «<...> Весь период, начиная с X—XI в., несмотря на блестящие единичные исключения, представляет безнадежный упадок, — пишет ученый. — <...> Иногда отходит на задний план даже слуховое значение стихов и проявляется стремление к зрительному впечатлению... Особенный интерес вызывают мелкие формы — загадки и хронограммы, распространяющиеся в громадном количестве. Стихотворцы проявляют всячески свою ловкость во владении языком и метрикой, не заботясь о содержании...» (Крачковский, 1956, с. 25).

Проблема интерпретации *му'амма* и иных произведений, основанных на «головоломной технике», сложна и, на наш взгляд, не могла быть удовлетворительно поставлена в свете прежних подходов. Приходится признать, что старые критерии оценки поэтики и эстетики средневековой литературы не обладают достаточной разрешающей силой для объяснения значительной по объему части классического наследия и что современное литературоведение нуждается в разработке новых подходов, новой исследовательской парадигмы.

Не претендуя на сколько-нибудь полное введение в изучение проблемы, попытаемся лишь наметить контуры возможного к ней подхода в свете медиевистских исследований последних десятилетий.

Но начнем с классической мысли Гегеля о том, что конкретное рассмотрение лирической поэзии «возможно только при историческом подходе», «поскольку почти ни в одном другом искусстве своеобразие времени и национальности, равно как и неповторимость субъективного гения не составляют в такой мере определяющего момента содержания и формы художественных произведений» (Гегель, 1971, с. 527—528).

В поэтике Средневековья поиски новых художественных ресурсов зачастую связываются с интенсивным развитием экспрессивных возможностей фигуративной речи. Многие стилистические приемы были рассчитаны на зрительное

восприятие, что свидетельствует о возрастании значения графического уровня текста, который средневековые арабские, персидские и тюркские поэты вовлекали в сферу художественной активности и в определенных случаях превращали в семантически значимый. Однако при этом было бы очень неверно трактовать их как «формалистические ухищрения», «экстравагантные риторические игры», как самоценные и якобы свидетельствующие о безусловном примате «формы» над «содержанием». Отметим в этой связи, что именно в этот период арабская литературная теория например, парадоксальным образом, как могло бы показаться многим современным ученым, выдвигает наиболее последовательное учение о главенстве содержания над формой, которое господствовало, оставаясь теоретической основой всех позднейших поэтик и риторик, до конца средневековой эпохи. Мы имеем в виду учение, разработанное ʻАбд ал-Кахиром ал-Джурджани (ум. 1078), согласно которому поэтика фигуративных средств, как и средств грамматической стилистики, была нацелена на создание неповторимых содержательных характеристик произведений классической арабской поэзии и прозы[1].

Дополним эти наблюдения средневековыми рассуждениями общего характера об арабской графике, составляющей непосредственный и главный элемент многих стилистических средств. В «Трактате о каллиграфах и художниках» (1596—1597) иранского ученого Кази-Ахмеда декларируется ставшее общепринятым к тому времени в мусульманском мире положение о священном происхождении арабского письма, которое обосновывается ссылкой на «предание (хадис) от Пророка»: «Первое, что сотворил Господь, — калам (перо. — *АК.*)». Вслед за этим в трактате формулируется восприятие процесса писания как магического действия, связанного не только с техникой, умением и способностями мастера, но и с его духовно-нравственным обликом. Эта мысль наиболее определенно звучит в высказывании, приписываемом Кази-Ахмедом Платону: «Письмо — геометрия души (возможен перевод: “геометрия духа”), а проявляется посредством телесных органов» (Кази-Ахмед, 1947, с. 56, 59)[2]. Суммируя представления средневековых мусульманских ученых относительно арабской графики, современный европейский исследователь с достаточными основаниями говорит о «священном характере письма в исламе», о том, что оно даже «стало священным символом ислама» (Роузентал, 1978, с. 152—153).

Онтологическая функция арабской графики, проявляющаяся, в частности, в возрастании значения графического уровня текста, имеет многочисленные параллели с типоло-

---

[1] Подробнее см.: (Куделин, 1983, с. 150—164, 195—197; Куделин, 1994, с. 253—256).

[2] Подробнее см.: (Заходер, 1947, с. 35 и сл.).

гически сходными явлениями мировой культуры. Не вдаваясь в эту обширную тему, отметим лишь одну характерную параллель с европейским барокко. Для представителей последнего видимая реальность была системой знаков, символов, прочтение и расшифровка которых вели к постижению духовного, вечного, нормативно-ценностного, истинного, идеального[1]. Поэтому для барочной поэзии характерно «слияние», «единство» смысловой и материальной сторон текста, осмысление же, «видение смысла» текста происходит «через неотрывный от него графический облик» (Михайлов, 1988, с. 650). Анализируя стиль русского барочного поэта Симеона Полоцкого (1629—1680), известный русист пишет, что его «стихи можно было не только читать, но и рассматривать, как рассматривают здание или картину»[2].

Хочется надеяться, что опыт изучения близких *му'амма* жанров в мировой литературе позволит исследователям не только глубже проникнуть во внутренний мир значительного по объему класса произведений, но и внести соответствующие коррективы в представления о литературном процессе на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века[3].

На двух примерах нам хотелось показать справедливость слов Е.Э. Бертельса о том, что творчество Алишера Навои изучено «пока еще далеко не достаточно». Но такова судьба всех выдающихся деятелей мировой культуры: анализ их жизни и творчества в принципе не может быть завершенным, поскольку меняются научные ориентиры, находятся новые документы и факты... Алишер Навои не является в этом отношении исключением. Исследовательский процесс продолжается. В этом процессе историко- и теоретико-литературные исследования идут рука об руку, в тесном взаимодействии с кропотливыми текстологическими, источниковедческими, биобиблиографическими и другими штудиями. Выше были названы некоторые из самых объемных по охвату материала биобиблиографические издания. К ним можно добавить менее объемные, но также важные работы С.Л. Волина и Л.В. Дмитриевой (Волин, 1946; Дмитриева, 2002). К числу последних следует отнести и представляемое читателю описание московских рукописей и литографий произведений Алишера Навои, выполненное опытным востоковедом И.В. Зайцевым. Издание это, несомненно, послужит расширению наших познаний о судьбе наследия великого узбекского поэта Алишера Навои.

А.Б. Куделин,
академик РАН, научный руководитель
Института мировой литературы РАН

---

[1] Подробнее см.: (Сазонова, 1991, с. 86).
[2] Высказывание И.П. Еремина цит. по: (Сазонова, 1991, с. 77).
[3] Подробнее данная тема рассматривается в книге: (Куделин, 2003, с. 240—254).

За темнотой придет сиянье света,
Ты в этой вере будь неколебим.
Есть в этом мире верная примета:
Над пламенем всегда завесой — дым.

Алишер Навои

**Портрет Алишера Навои и Мирзо Чучука (фрагмент).
Тебризская школа (?), XVI в.**

Великий поэт в сердцах людей

В 1441 году в Герате, столице Хорасанского государства, родился мальчик, получивший звучное имя Алишер[1]. Семья его отца Гиясиддина Баходира была близка семейству правителей династии Тимуридов.

Во время чтений, посвященных 525-летию со дня рождения Навои, из зала высокого собрания мне задали такой вопрос: «Но кто же она — та счастливая мать, родившая такого сына, как Алишер Навои?» И хоть этот вопрос прозвучал в 1966 году, я по сей день не могу найти на него ответ.

Сам поэт так писал в своих *бейтах*[2] о родителях:

Отам шу остоннинг Хорбези,
Онам ҳам шу сароб бўстон негизи.

Отец мой жизнь свою служил тому порогу,
Мать — корешок тех горных цветников.

Перевод Д. Азимовой

С детства он знал наизусть поэму Фарида ад-Дин Аттара «Мантик ут-тайир» («Логика птиц»), а вскоре и сам стал писать стихи на староузбекском языке (тюрки). В 13—14 лет стихи его стали известны любителям поэзии. Юный Алишер как-то прочитал свое раннее стихотворение поэту Лютфи:

И лишь укроешь ты лицо свое под темным покрывалом,
Из глаз моих польются слезы — такой печалью я охвачен небывалой.
Вот так же звезды появляются на небосводе млечном,
Как Солнце скроется за горизонтом вечным.

Изумленный мэтр воскликнул: «С какой охотой обменял бы я все 14 тысяч своих бейтов на один только вот этот стих, и — клянусь Аллахом — считал бы я себя только выгадавшим при этом обмене!»

Стихи юного Навои[3], распространившись по Герату, дошли до ушей правителя страны Абу-л-Касыма Бабур-мирзы. Тот пригласил Навои на службу, стал оказывать ему покровительство. Но — увы! — удача не бывает продолжительной. Бабур-мирза и Гиясиддин Баходир, отец Алишера Навои, вскоре один за другим покинули сей бренный мир и ушли в обитель вечную настоящей любви. В Хорасане разгорелась борьба за власть. Не остался в стороне и Хусейн Байкара — друг и единомышленник Алишера, на стороне

---

[1] *Али* — статный, могучий, *шер* — лев

[2] *Бейт* — двухстрочная строфа, минимальная строфическая единица персидской и тюркской поэзии. В переводе с арабского означает «дом».

[3] *Навои* — поэтический псевдоним молодого поэта, что означает «мелодичный».

которого было все семейство Навои. Алишеру пришлось уехать в Самарканд, где он три года учился в медресе Ходжи Фазлуллаха. Именно там у него возник замысел крупного поэтического произведения, подобного «Шахнаме» или «Хамсе» («Пятерице»). Но в тот момент у него не было ни условий для работы, ни вдохновения.

В 1469 году к власти в Хорасане пришел Хусейн Байкара. Султан тут же призвал Алишера Навои в Герат, предназначив для него высокую государственную должность. В стране начинаются славные времена, вписанные, в историю узбекской культуры золотыми страницами. Это время связано с творчеством великого поэта.

На небе — круглая луна четырнадцатой ночи месяца. Мир во власти звезд. В саду, за низким письменным столом, освещенным свечами, вдохновенно творит поэт. Дни он посвящает службе — погружается в людские заботы, беспокойства, обиды и недовольства — и только по ночам возвращается к любимому занятию, успевая написать 40—50 двустиший. В этом главное удовольствие его души, полной желания служить любезным его сердцу ценителям поэзии. Только это занятие приносит поэту подлинное наслаждение.

Так появились сборники стихов Навои. Среди них четыре *дивана* (сборника стихов) — «Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины среднего возраста», «Полезные советы старости», объединенные в книге объемом более 45 тысяч строк под названием «Сокровищница мыслей».

Ветерок, скажи любимой о терпящем столько бед,
Посылает кипарису мой согбенный стан привет.
Боль моя, мое терпенье — всё тебе, но не смотри
Много ль слез моих, иль мало, — им сейчас и счета нет.
Если умереть я должен, ты любви уж не скрывай,
Но и многомудрым людям не дано твой знать секрет.
Стреломёт, который многих мог на свете поразить,
Он теперь стрелу бросает в тень мою, в мой силуэт.
Душу я отдал как выкуп за того из них,
Кто вручит письмо признанья, той, кто жизнь моя и свет.
На пиру любви я согнут, словно чанг[1], о, милый друг.
Саз[2] мой каждою струною слезный шлет тебе ответ.
Навои, когда ты любишь, бед и мук не избежать,
Ведь для любящего сердца от беды спасенья нет.

Перевод Вс. Рождественского

---

[1] *Чанг* — национальный музыкальный струнный инструмент, имеющий трапециевидную форму деревянного корпуса; звук извлекается с помощью ударных палочек (тростниковых или бамбуковых).

[2] *Саз* — национальный щипковый музыкальный струнный инструмент с глубокой грушевидной формой деревянного корпуса.

Главным произведением Навои является «Хамса» (собрание пяти поэм), в которую поэт включил философско-дидактической трактат «Смятение праведных», поэмы «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь странников» и философский труд «Стена Искандера». Навои начал писать «Хамсу» в 1483 году, а через три года уже была завершена «Стена Искандера» — последняя поэма сборника.

Нельзя говорить о Навои, не отдав дань уважения его наставнику Абдурахману Джами (1414—1482). В гератской литературной среде Джами был самым выдающимся персоязычным поэтом, духовным лидером и ведущим ученым. Им посчастливилось стать близкими друзьями, единомышленниками, вдохновляющими друг друга на создание новых литературных творений. Однажды Джами показал Навои произведение «Дары благородным» — собрание стихотворных наставлений на фарси. Именно этим сборником начинается цикл его поэм «Хафт авранг» («Семь престолов»). Тем самым Джами натолкнул Навои на мысль о создании большого и сложного произведения. В том же 1483 году он написал первую книгу своей «Хамсы» — «Хайратул-аброр» («Смятение праведных»). Все двадцать глав этой поэмы — свод высоких правил о том, чем надлежит руководствоваться человеку в жизни.

Показательным здесь является рассказ о султане и старухе. Во время битвы победоносного шаха с врагами погиб храбрый юноша — единственный сын одинокой женщины. Султан одержал победу, его власть установилась, и тут вдруг к нему пришла бедная мать, требуя отмщения за своего сына. Султан отвечает женщине:

«Не дрогну, жизнь тебе отдав,
Когда твой иск по шариату прав!»

И вот на суд к исламскому кази
Пришли — старуха и султан Гази.

Был весь народ смятеньем обуян,
Когда, как подсудимый, сел султан.

Рассудив их, судья вынес свое решение, сказав:

«Иль кровью заплати
За кровь, или потерю возмести!»

Султан ответил: «Я, без дальних слов,
По шариату жизнь отдать готов!»

Мешок динаров золотых открыл
И меч старухе плачущей вручил;
Сказав: «Казною жизнь не возместить...
И ты вольна мне голову рубить.

В бою убил я сына твоего,
Но жизнь тебе отдам за жизнь его!»
Потупила старуха скорбный взгляд,
Увидев тот прославленный булат.

В смятении, она к ногам царя
Упала, так сквозь слезы говоря:
«Мой сын против тебя пошел на бой,
Я ж за тебя пожертвую собой!»

Подводя итог, Навои пишет:

Так у всего народа на глазах
Явил святую справедливость шах.

Забудь обиды жгучие свои
Пред блеском солнца правды, Навои!

Перевод В. Державина

Во второй книге «Пятерицы» — поэме «Фархад и Ширин» — поэт ведет рассказ о китайском принце Фархаде. Юноша влюбился в армянскую красавицу Ширин, увидев ее изображение в таинственном зеркале. После долгих странствий и невзгод он добирается до Армении и находит там свою возлюбленную. Когда Ширин увидела Фархада, пробившего дорогу через горы, в ее сердце зародилось ответное чувство. Казалось бы, теперь, когда они нашли друг друга, когда их чувство оказалось взаимным, любовь торжествует. Но тут появляется иранский шах Хосров Парвиз. Он хочет получить в жены принцессу Ширин. Отвергнутый шах затевает военный поход в Армению и окружает столицу. Фархад занимает оборону в горах. Он мог бы уничтожить войско Хосрова камнепадом, но не желает этого, задумав сбросить корону с головы Хосрова одним ударом. Но коварный и хитрый соперник берет Фархада в плен. Апогеем поэмы является допрос, который Хосров учинил своему пленнику:

Хосров. Кто ты, безумец, и родился где?
Фархад. Что для безумца родина? Нигде.
Хосров. Каким владеешь в жизни ремеслом?
Фархад. Горением любви. Враждой со злом.
Хосров. Кто ж ремеслом таким бывает сыт?
Фархад. Горящий сыт огнем — любовь гласит.
Хосров. Не сказка ли — любовь твоя навек?
Фархад. То знает лишь горящий человек.
Хосров. А в чем же суть горенья твоего?
Фархад. Порфироносец не поймет его.
Хосров. Давно ль твое горенье началось?
Фархад. Когда душа и тело были врозь.
Хосров. Не отречешься от любви своей?
Фархад. Сам отрекись от этих слов скорей.

Этот диалог — триумф духовной силы одухотворенного любовью Фархада, его превосходства над лжевлюбленным, захватчиком и деспотом Хосровом.

События в поэме развиваются по своей внутренней логике. Узнав, что Фархад — не простой смертный, а китайский принц, Хосров на некоторое время откладывает исполнение приговора, обманом и коварством добивается его смерти. Но самого Хосрова настиг злой рок — он пал от руки собственного сына. Ширин, оплакивая Фархада, прощается с жизнью. Юные влюбленные погибают. Однако любовь их живет, передавая свой свет и свое негасимое пламя людям.

Следущие поэмы «Пятерицы» — «Лейли и Меджнун» и «Семь странников» — также о любви.

Лейли, дочь вождя знатного рода из Аравии, и Кайс, сын главы другого рода, связаны узами любви. Любовь Кайса к избраннице доходит до исступления, за что люди стали называть его Меджнун (то есть «одержимый, утративший разум»). В Лейли также пламенеет неугасимый огонь любви к Кайсу, но, как подобает восточной девушке, она ведет себя сдержанно. Ее отец не принимает сватов Кайса, заявляя, что ни за что не отдаст свою дочь в жены безумному. Поэт подробно описывает злоключения, которые выпадают на долю молодых влюбленных, ставших жертвой невежества и злобного преследования.

В одних носилках понесли двоих,
С невестой рядом возлежал жених.

Два тела вместе в саван облеклись,
В едином теле две души слились,

Две грани здесь кристаллины одной,
Две косточки миндалины одной.

О нет, не косточки! — одно зерно:
Из долей двух оно сотворено. —

Не двойственное видим существо,
Единства здесь мы видим торжество.

Два тела, как зерно, слились в одно:
Не в саване, а в кожуре зерно!..

Душа, соединенная с душой,
Они покрыты шелком и парчой.

Два путника нашли приют в земле:
Луна и солнце спрятались во мгле.

Перевод С. Липкина

Поэма «Семь странников» рассказывает о падишахе Бахрам Гуре, влюбленнном в свою рабыню Диларам. Оставив дела государства, которое приходит в упадок, он проводит с ней дни и ночи. Но постепенно он стал понимать, что своим счастьем с Диларам обязан лишь своей шахской власти. А лишись он власти — лишится и всего, что имеет. Причиной тому будет Диларам. И вот в минуту гнева он оставляет свою рабыню в степи на милость хищных зверей.

Ироничный Навои подмечает:

Несовместим с любовью царский сан.
Цари болтают о любви? — Обман!

Когда властители разъярены,
Бегите, жители, из их страны!

На другой день Бахрам ищет свою возлюбленную, и ему напоминают о том, что произошло накануне. Он не находит места, винит и истязает себя. Наконец осознает, что не может жить без Диларам. Исхудавший Бахрам становится безразличен ко всему, он живет лишь памятью о своей любимой. Придворные ищут способ исцелить его. Под началом великого живописца и архитектора Мани возводится семь дворцов, где семь красавиц — дочерей правителей соседних стран — поджидают прихода Бахрам Гура. Там же устраиваются празднества и пиршества. Наконец к шаху приводят путников, которые рассказывают ему о своих приключениях. Истории этих скитальцев оживляют поэму, придают ей полифоничность.

Странник из Хорезма поведал Бахрам Гуру о дивной музыкантше, появившейся во дворце хорезмского шаха. Она поразила слушателей мастерской игрой на музыкальных инструментах. Это и была Диларам.

Услышав о своей возлюбленной, Бахрам возвращается к жизни. Окрыленные счастьем, влюбленные встречаются вновь. Они ведут праздную жизнь, заполненную развлечениями, не обращая внимания на страдания простых людей. И приходит беда. Во время очередной охоты гремит гром, поднимается страшная буря и шах погибает. Его кровь закипает в ручьях, превращая землю в бушующее болото. Земля поглощает беззаботных влюбленных. Навои предостерегает: печальная участь ждет тех, кто живет в этом мире одним мгновением.

В поэме «Стена Искандера», завершающей «Пятерицу», поэт рассказывает о жизни великого завоевателя Искандера Зулькарнайна (Александра Македонского). Он пишет о его борьбе за овладение морем, сушей, и даже дном океана. Искандер даже опускается в стеклянном сундуке (своего рода прообраз подводной лодки) на дно океана. Выдвигая добрые дела Искандера на первый план, поэт далек от того, чтобы провозглашать его идеальным правителем. Он говорит

и о его недостатках, главный среди которых — стремление установить господство над миром.

Самым значительным и благородным делом Искандера поэт считает строительство вала, препятствующего проникновению злых сил — *яджужей* и *маджуджей*. Воздвигнув его, правитель спас население прекрасной долины от ежегодных нашествий враждебных племен, принес людям мирную жизнь.

Завершается поэма рассказом о том, как завоеватель Искандер почувствовал приближение смерти. Расскаиваясь в задуманных им бесполезных делах, он пишет письмо матери:

Владела мной бессмысленная страсть —
Навеки утвердить над миром власть.

Но мысль была незрелой в глубине,
Я чашу осушил — и яд на дне...

Хорош я был иль плох, мой путь свершен,
Разящей жизнью я не пощажен.

Чего я здесь достиг с таким трудом?
Что пользы всем в раскаянье моем?

Властитель обращается к матери с мольбой о прощении:
«Я — сын дурной — с тобой бы должен жить,
По рабски должен был тебе служить!

Что всё величье царства моего
Пред пылью у порога твоего?»

Перевод В. Державина

В том письме слышна боль сердца, терзавшая самого Навои.

Поэмы Навои не заканчиваются «Пятерицей». Следуя примеру Фарида ад-Дин Аттара, автора «Мантик ут-тайир», он создает в конце жизни поэму «Язык птиц». В ней описывается, как в поисках своего вождя птицы отправились в далекое путешествие. Многие не выдержали трудного странствия и возвратились назад, некоторые погибли. Самые стойкие достигли заветной горной вершины. Но там никого не оказалось, только пронзительный ветер свистел в темных ущельях. Измученные, перенесшие столько трудностей птицы поняли, кем является таинственная птица Симург. Ведь именно так на языке фарси называется стая, состоящая из тридцати птиц. Кто был разочарован, кто растерян, но постепенно все птицы пришли к выводу, что, преодолев бесчисленные трудности, можно достичь совершенства, которым обладает желанный вождь.

Через образы птиц поэт показывает человеческие судьбы и человеческий характер — ведь именно человек занимает главное место в его творчестве. Поэт возвеличивает человека, его совершенство, его способность познавать мир. Создание человека он считает великой заслугой Творца.

Сделал он человека вершиной творенья,
Нет в созданьях земных человеку сравненья.
Силу знания в сердце его заключил он,
И в тайник свое существо заключил он.
Стал казной сокровенной тот дивный тайник,
И величье творца он, как тайну, постиг.
Талисман ты хранишь тот тайник величаво
О душа, твоему сотворению — слава!

И коль скоро человек является высшим созданием, его действия и дела должны быть достойны высокого предназначения.

Когда султан Хусейн Байкара занял трон в Хорасане, он обратился к поэтам с призывом писать свои произведения на родном тюркском языке. Одни не хотели, другие не могли. И только Навои ответил на призыв своего султана. Все свои эпические произведения Навои написал на староузбекском языке. Раньше никто на это не отваживался. Но самое загадочное в том, что и после него — а ведь прошло с тех пор уже более пяти веков — никто не смог повторить этот творческий подвиг.

Вот почему мы называем Навои родоначальником узбекского литературного языка, основоположником узбекской литературы. Навои хотел показать миру красоту, поэтичность, благозвучие родного языка, поднять его уровень, мечтал о создании крупных эпических произведений на родном языке.

Свой труд «Рисола» («Трактат») султан Хусайн Байкара посвятил творчеству Навои и Джами. Он писал о том, что в его время были державы и властители, владевшие более значительными богатствами, чем Хорасан. Но Байкара почитает себя самым счастливым на том основании, что во время его правления в Хорасане процветали поэзия и наука, творили такие великие поэты, как Навои и Джами.

В знак признательности и благодарности за «Рисолу» Навои создает стихотворный перевод мудростей пророка Али с арабского на староузбекский язык и преподносит султану эту работу:

Когда живешь в дворцах своей любви
Пустырь на улице своей любимой ты цветником зови!
При виде друга взор наполнит солнца свет
Подругу повстречав, любви лучами очи светятся в ответ.

Перевод Д. Азимовой

Да будет прославлено имя великого поэта в сердцах людей, озаряя их светом любви и счастья!

Азиз Каюмов, академик АН Узбекистана
Динора Азимова, профессор
Ташкент, 2016

И в тысяче ответов будь правдив:
Лишь истина одна — для всех приют.
Один калям ста букв ведет извив,
На тысячу баранов — общий кнут.

Алишер Навои

Юные Алишер Навои и Султан Хусайн в школе (фрагмент).
Худ. Бехзад.
Гератская школа,
80-е гг. XV в.

Рукописи и литографированные издания Алишера Навои в Москве

В 2016 году отмечается 575 лет со дня рождения классика узбекской литературы Алишера Навои. Он родился 17 рамазана 844/9 февраля 1441 года в Герате, скончался там же 12 джумада II 906/3 января 1501 года.

Ученые разных стран уже не одно столетие обращаются к творчеству великого поэта. Первая научная работа о Навои на русском языка увидела свет в Санкт-Петербурге в 1856 году. Это была магистерская диссертация М. Никитского «Эмир-Низам-ад-дин Али-Шир», в которой достаточно полно для своего времени освещаются жизнь и творчество поэта и государственного мужа. Таким образом, наследие Навои изучается в России уже на протяжении 160 лет. За этот период в нашей стране было создано немало выдающихся трудов о Навои, среди которых следует прежде всего указать работы В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, А.К. Боровкова, С.Л. Волина, Л.В. Дмитриевой, С.Н. Иванова.

Настоящим научным подвигом можно назвать празднование 500-летия великого поэта в декабре 1941 года в осажденном Ленинграде. Ленинградские востоковеды подготовили сборник статей «Алишер Навои», но в условиях блокады его невозможно было напечатать. Сборник вышел в свет только в 1946 году и стал одной из важнейших вех в истории изучения жизни и творчества великого поэта. В этой книге, в частности, была опубликована статья С.Л. Волина «Описание рукописей произведений Алишера Навои в ленинградских собраниях».

10 и 12 декабря 1941 года в Школьном кабинете Эрмитажа состоялись чтения в честь 500-летия великого Навои. Ему же посвящалось состоявшаяся уже 29 декабря научная сессия в Институте востоковедения. Вступительное слово произнес директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели. «В необычное время, переживаемое нашим городом и всей Советской страной, в невероятной обстановке собрались мы, чтобы отметить замечательную дату в жизни советских народов, вспомнить оставшееся бессмертным имя великого поэта и просветителя Алишера Навои, — сказал он. — Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде осажденном, обреченном на страдания голода и стужи, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе народа, о его несломленной воле, о вечно живом гуманном сердце советской науки». Голод бродил по осажденному городу, холод замораживал истощенных голодом людей. А в Школьном кабинете Эрмитажа изможденные люди читали и слушали научные доклады

о жизни и деяниях узбекского поэта, творившего в XV столетии (Варшавский, Рест, 1987, с. 147).

Кроме И.А. Орбели выступали отпущенные из своих частей на короткий срок фронтовики — поэт В.А. Рождественский и востоковед А.Н. Болдырев. Художник М.Н. Мох выставил расписанный им к этим дням фарфор. Будущий директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский написал в эрмитажном «Боевом листке»: «Это — не простая форма самоуспокоения, ухода от действительности, замыкания в монастырскую келью науки. Это работа по изучению культуры народов Советского Союза, сплотившихся в единую братскую семью, способствующая развитию этой культуры, победить и поработить которую не в силах никакие военные и технические средства, оказавшиеся в руках врагов нашей Родины» (Варшавский, Рест, 1987, с. 150).

Через день, 12 декабря, заседание продолжалось. С докладом о связях поэм Навои с древневосточной литературой выступил Б.Б. Пиотровский. Затем свои переводы читал талантливый востоковед-тюрколог, переводчик тюркоязычных классиков и фольклора Николай Федорович Лебедев (1901—1941). Как вспоминал тогдашний директор Эрмитажа академик И.А. Орбели, «у Лебедева была последняя степень дистрофии — в зал его внесли друзья. Когда начался обстрел, никто не покинул заседание. Больше нигде в Советском Союзе в том году день рождения Навои не отмечали». Лебедев, по словам Б.Б. Пиотровского, «выступал уже фактически полуживым, от истощения он еле двигался, но его приходилось удерживать от слишком большого количества стихов, которые он отобрал для чтения. После второго заседания, 12 декабря, он слег и не смог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то, несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи» (Пиотровский, 1995, с. 196).

Мы разыскали подстрочные переводы газелей Навои, выполненные Николаем Федоровичем Лебедевым. Они были изданы в Москве, в Союзе советских писателей, на стеклографе тиражом всего 50 экземпляров в 1940 году, когда страна готовилась к 500-летнему юбилею Навои. В память о бессмертном подвиге ленинградских востоковедов этот подстрочник Н.Ф. Лебедева из дивана Алишера Навои, хранящийся в фондах Российской государственной библиотеки, мы помещаем в качестве приложения к Каталогу.

* * *

Вполне возможно, что Навои начал свой творческий путь с создания лирических произведений на персидском языке. Однако вершиной его поэзии стали стихи на староузбекском

языке — тюрки, как его тогда называли. В собраниях нашей страны и за её пределами в изобилии представлены рукописи тюркских стихотворных собраний Навои — *диванов*. По составу эти рукописи весьма отличаются друг от друга как по начальным и конечным стихам, так и по числу и порядку произведений.

Сам поэт составил как минимум три редакции своего тюркского «Собрания стихов»:

1. Два первых дивана — Бадā'и‘ ал-бидāйа и Навāдир ан-нихāйа, созданные в период между 873/1468—1469 и 897/1491—1492 или 896/1490—1491 годами.

2. Четыре хронологических дивана («Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины средних лет» и «Назидания старости»), созданные на материале двух первых диванов в их первоначальной редакции с добавлением новых стихов. Все четыре дивана были составлены между 897/1491—1492 и 904/1498—1499 годами.

3. Так называемый «сборный» диван Ҳазā'ин ал-ма‘āнū, который был составлен по материалам четырех диванов второй редакции.

Кроме авторских редакций дивана Навои существуют и многочисленные неавторские сборники стихов поэта, которые, в основном, строятся на материале первого дивана поэта или на его ранних стихах. Как доказано, эти сборники составлялись и до того, как Навои сам стал собирать свои стихи в диван, и после его смерти, вплоть до XIX века, когда были переписаны самые поздние рукописи.

Совсем недавно был опубликован один из таких неавторских сборников — уникальный диван поэта, составленный его читателями и почитателями в государстве Ак-Коюнлу. Эта рукопись была переписана, скорее всего, в Ширазе в 876/1471—1472 годы, когда Навои было всего тридцать лет. Отличительной чертой этого сборника было приспособление языка стихов Навои к особенностям огузских диалектов тюрки (Navā'ī, 2015).

Во многих рукописях дивана и сборниках произведений Навои имеются два предисловия, которые ученые обычно называют «старым» и «новым». В «старом» предисловии Навои говорит о себе, что во времена, когда Хорасаном правил правнук Тимура Абу-Саид (1452—1469), он написал много стихов, которые были одобрены многими знатными лицами и получили распространение в народе. Эти стихи Навои не счел достойными для включения в диван. Однако друг и покровитель Навои — султан Хусейн, вступивший на престол в 1469 году, посоветовал создать из них диван. В это первое собрание, как отмечает поэт в «старом» предисловии, не вошли касыды и стихотворения с парной рифмой (*месневи)*, которые со временем, как он надеялся, «Бог даст, составят отдельные тома». Навои признался, что некоторые стихи следо-

вало бы исключить из дивана по причине их слабости, но они всё же оставлены, так как вошли в сборники поэта, составленные другими лицами.

Второе предисловие к дивану («новое») встречается в рукописях гораздо реже. В нём Навои пишет, что за последнее время создал очень много стихов. Присоединив их к уже собранным двум диванам, он разделил весь материал на четыре сборника — «Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины средних лет» и «Назидания старости». Сборному дивану без такого разделения поэт дал название «Сокровищница мыслей».

В 1484—1485 годы Навои создает «Хамсу» («Пятерицу») — грандиозную серию из пяти эпических поэм, которую он справедливо называет также «Пандж гандж» — «Пять сокровищ». В XV веке создание «пятерицы» поэты считали верным средством обеспечить себе прочную славу и творческое бессмертие. Навои включил в свои «Пять сокровищ» поэмы «Изумление праведных», «Фархад и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь планет», «Искандарова стена».

Узбекский ученый Хамид Сулейманович Сулейманов длительное время собирал сведения о рукописях Алишера Навои в Советском Союзе и других странах. Он выявил 274 списка дивана поэта в собраниях СССР и до 78 списков за его пределами. В 1959—1960 годы Х.С. Сулейманов осуществил первое критическое издание текста дивана в последней авторской редакции под названием Ҳазāʼин ал-маʻāнū (Навои, 1959—1960).

К сожалению, московские списки произведений Алишера Навои не подвергались изучению. Между тем в московских библиотечных и музейных собраниях хранится четырнадцать рукописей и двенадцать литографированных изданий произведений Навои. Это рукописи «Пятерицы», двух авторских версий диванов (четырех хронологических и так называемого «сборного»), а также неавторских версий. Подавляющая часть манускриптов происходит из Средней Азии, в том числе из Ташкента, Самарканда, Бухары, Коканда. Но география распространения рукописей шире — есть рукописи, переписанные за пределами Узбекистана, например в Синьцзяне.

Первое упоминание о рукописях поэта, находящихся в Москве, относится к 1902 году, когда немецкий востоковед Мартин Хартманн (1851—1918) сообщил в европейской востоковедческой периодике о собрании рукописей XVII—XIX веков генерала М.Д. Скобелева. После смерти генерала (1882) это собрание поступило в Исторический музей от его сестры Надежды Дмитриевны, в замужестве княгини Белосельской-Белозерской. Манускрипты, происходившие из Коканда, были вывезены оттуда в 1876 году. Преподаватель разговорного

арабского языка в Лазаревском институте М.О. Аттая намеревался сделать каталог кокандского собрания, однако ему удалось описать лишь небольшую его часть, в основном Кораны. М. Хартманн упомянул в своем кратком сообщении о восьми экземплярах произведений Навои из скобелевской коллекции (Hartmann, 1902, с. 73—74).

Московские рукописи содержат любопытные данные о переплетчиках, переписчиках и владельцах. Так, в двух рукописях встретились записи о ценах. Каллиграфически переписанный диван Навои стоил в 1892 году в Самарканде 10 рублей серебром, а житель Яркенда (Синьцзян) купил диван за 25 рублей.

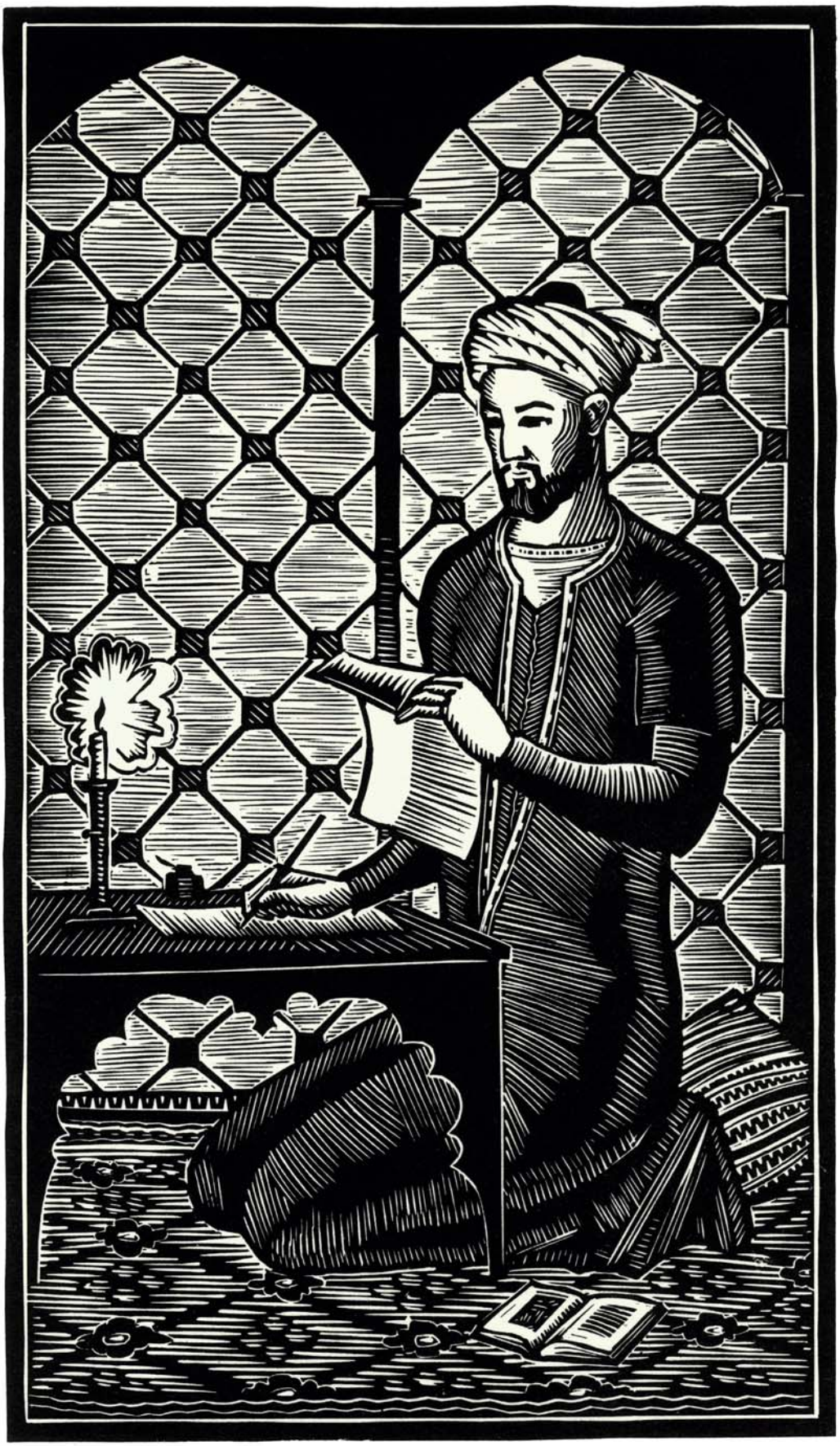
Интересны и литографированные издания произведений Навои, выпущенные во второй половине XIX и начале XX века типографиями Ташкента и Коканда. Среди первых представлены издания типографии Штаба Туркестанского военного округа, газеты «Туркестанский курьер», Гулама Хасана Арифджанова, братьев Каменских, С.И. Лахтина, П.Ф. Брейденбаха, О.А. Порцева. Кокандское издание лишь одно.

Стоит отметить, что интерес к произведениям Навои у мусульман Российской империи был столь велик, что печатались они и далеко за пределами нынешнего Узбекистана. Так, одна из литографий «Сорока хадисов» была издана в 1325/1907 году в Бахчисарае выдающимся крымско-татарским просветителем Исмаилом Гаспринским в типографии газеты «Терджеман» («Переводчик»). С 1879 по 1917 год в Средней Азии произведения поэта выходили литографическим способом не менее 70 раз! Это самый высокий показатель среди поэтов, писавших на тюрки.

Диапазон литографированных изданий отражает тот громадный интерес к творчеству Навои, который существовал у читателей в прошлом. Уверен, что он не угас и теперь ни в Узбекистане, ни в России, и надеюсь, что этот скромный труд внесет свою лепту в изучение творчества великого узбекского поэта.

И.В. Зайцев,
доктор исторических наук

РУКОПИСИ



Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

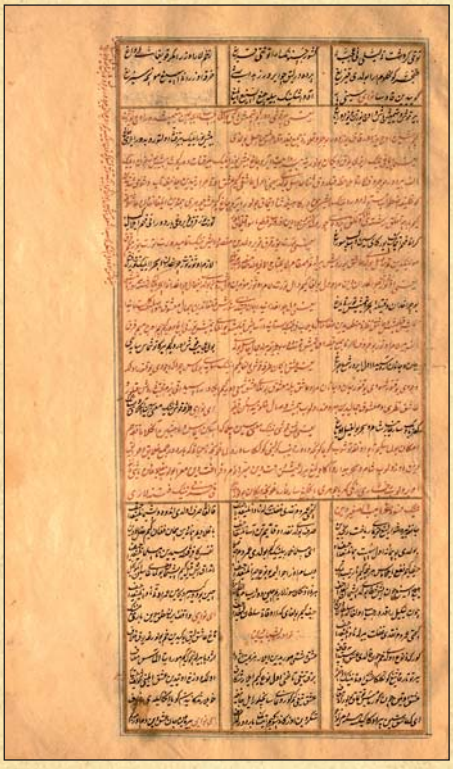
Шифр Ф. 180, III, узб. 9.
Диван. Сборный диван, составленный из четырех диванов и называвшийся «Ҳаза᾽ин ал-ма᾽ānū».
На л. 3—6 об. «старое» предисловие.
Начало (л. 3):

فصاحت ديواني نينك غزل سراى لارى...

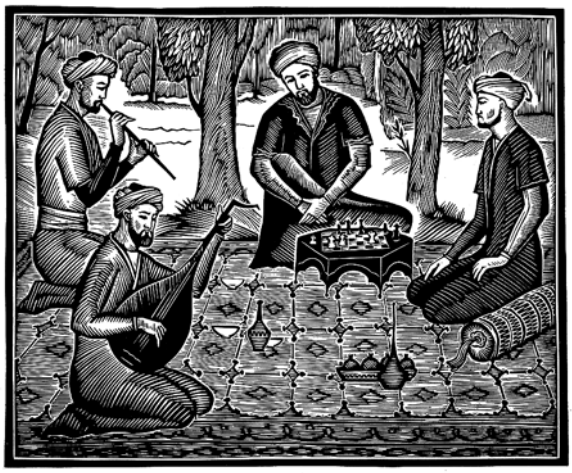
Начало текста после *басмалы* (л. 7):

اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدى * يار عكسين ميده كور ديب جامدين چيقتى صدا

На л. 243 имена из стихотворных шарад *му`амма*[1] (معمّا) на стихи Навои .
Переплет картонный, оклеен кожей. Кожаный корешок подвергался реставрации тканью. На крышках затертые тисненые розетки-средники *шемсе*. Блок отделяется от переплета.
Размер 3 × 52 см.
Объем 245 л. (в действительности листов, как минимум, на один больше: по библиотечной нумерации лист между лл. 151 и 152 не посчитан). Предшествующий владелец рукописи на л. 245 указал по-узбекски количество листов («Всего листов двести сорок два»).
Бумага среднеазиатская, без филиграней, лощеная, произведенная, по-видимому, в разных местах.
Текст в три колонки, в рамке размером 19 × 42 см. 33 строки на странице. Имеются *хафизы* (*кустоды*)[2]. Рамка образована тремя линиями: внешняя — тонкая синяя, внутренняя — тонкая красная, средняя — широкая золотая.
Поля: верхнее и нижнее примерно по 5 см, внешние — 9,5 см.
Чернила черные.
Заголовки (غرايب الصيغردين / فوايد الكبردين / نوادر الشبابدين / بدايع الوسط دين) красными чернилами.
Почерк *насталик*.
Между лл. 17 и 18 вложен лист плотной розовой бумаги с текстом молитвы.
Дефекты. На лл. 115, 150, 151, 188 и др. не хватает части листа. На л. 164 затёки от воды. На лл. 189 и 190 следы старой реставрации — подклейки листов.
Колофон (л. 243 об.) содержит только дату переписки — 1211/1796—1797 гг.



[1] Му'амма — стихотворение из одного-двух бейтов, в котором, помимо его внешнего смысла, зашифровано еще какое-то слово, обычно имя собственное. Это не загадка, так как загадка называет какие-то признаки предмета и предлагает догадаться, что это за предмет. Здесь же стихи содержат намеки на буквы арабского алфавита, из которых данное имя сложится» (Бертельс, 1948, с. 41).
[2] Слово, с которого начинается следующая страница. При отсутствии пагинации (нумерации листов) оно обычно писалось в нижней части правой страницы разворота, чтобы избежать потери листов рукописи.



Ашрақат мин акси шамсил-каъси анворул-ҳудо,
«Ёр аксин майда кўр» деб, жомдин чиқти садо.

Ғайр нақшидин кўнгул жомида бўлса занги ғам,
Йўқтур, эй соқий, майи ваҳдат масаллик ғамзудо.

Эй, хуш ул майким, анга зарф ўлса бир синған сафол,
Жом ўлур гетийнамо, Жамшид, ани ичкан гадо

Жому май гар буйладур, ул жом учун қилмоқ бўлур,
Юз жаҳон ҳар дам нисор, ул май учун минг жон фидо.

Дайр аро ҳуш аҳли расво бўлғали, эй муғбача,
Жоми май тутсанг мени девонадин қил ибтидо.

Токи ул майдин кўнгул жомида бўлғач жилвагар
Чеҳраи мақсуди маҳв ўлғай ҳам ул дам моадо.

Ваҳдате бўлғай муяссар май била жом ичраким,
Жому май лафзин деган бир исм ила қилғай адо.

Сен гумон қилғандин ўзга жому май мавжуд эрур.
Билмайин нафй этма бу майхона аҳлин, зоҳидо.

Ташналаб ўлма, Навоий, чун азал соқийсидин
«Ишрабу, ё айюҳал-атшон» келур ҳар дам нидо.

Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне.
И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине».

В чаше сердца — образ друга, но и ржавчина тоски,
Лей щедрее влагу в чашу, исцелюсь тогда вполне.

Если есть такая чаша, то цена ей сто миров.
Жизней тысячу отдам я, с ней побыв наедине.

С тем вином — Джемшида чашей станет черепок простой,
И Джемшидом — жалкий нищий, жизнь нашедший в том вине.

Мальчик-маг, когда пируют люди знанья в кабачке,
Чашу первую ты должен поднести безумцу, мне.

И едва лишь улыбнется в чаше сердца милый лик,
Всё, не связанное с милой, вмиг потонет там на дне.

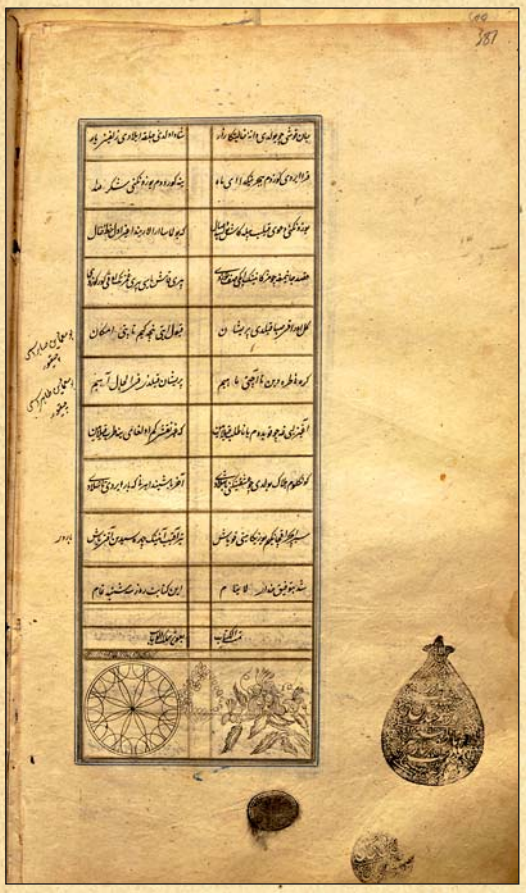
Обрету я миг свиданья перед чашею с вином, —
Кто сказал «вино» и «чаша», видит встречу в глубине.

Только есть другая чаша и другое есть вино,
Что там ни тверди, отшельник, возражая в тишине.

Навои, забудь о жажде. Кравчий вечности сказал:
«Чаша — жажде утоленье, мудрость пей в её огне».

Перевод Вс. Рождественского

Шифр Ф. 180, № 16.
Диван. Рукопись поступила в РГБ в 1976 г.
Переплет картонный, оклеен цветной бумагой и раскрашен (красно-зеленая гамма). Кожаный корешок. Блок отделяется от переплета.
Размер 24 × 41 см.
Объем 514 листов.
Бумага среднеазиатская, без филиграней.
Чернила черные.
Текст в рамке размером 11,5 × 31,5 см. 25 строк на странице. *Хафизы.*
Поля страницы: верхнее — 5 см, нижнее — от 5 до 6,5 см, внешнее — 10 см.
Переписчик Мухаммед-Латыф б. Мухаммед-Шариф.
Дата переписки по колофону (л. 2 об.) — 1238/1809 г.
Печати: два варианта с легендой «Азиз-бек Хаким б. Абд ар-Рахман. 1233».
На крышках записи стихов. Приклеен вырезанный оттиск печати.
Карандашная нумерация листов с конца (по европейскому счету).
Начало (лл. 514—509) — «старое» предисловие:
فصاحت ديوانى نينك غزل سراى لارى...



«Чудеса детства» (غرايب الصيغر — **«Гараиб ас-сигар»**) — л. 508—381.
Начало (л. 508):

اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدى
يار عكسين مى داكور ديب جام دين چيقتى صدا

Л. 483 — вставной с другими стихами (закладка).
На лл. 385 об. и 448 об. глоссы читателя о стихах Навои.
На л. 381 читаются две печати; одна смазана.
Л. 380 чистый.
«Редкости юности» (نوادر الشباب — **«Навадир аш-Шабаб»**) — лл. 379—257.
Начало (л. 379):

زهى ظهور جمالينك قوياش كيبى پيدا
يوزونك قوياشغه زرّات كون اولوب شيدا

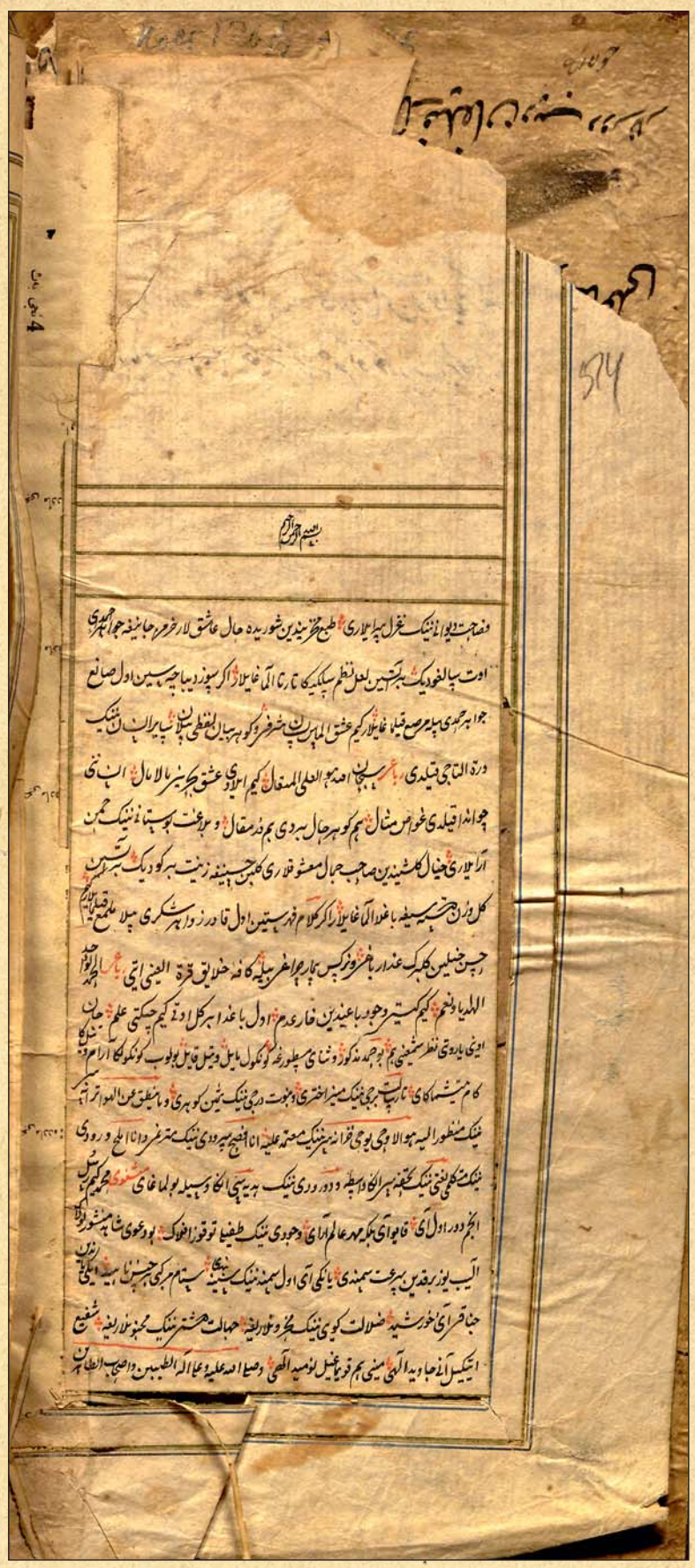
На л. 257 об. три печати.
Лл. 256 об. и 257 чистые.
«Диковины средних лет» (بدايع الوسط — **«Бадаи ал-Васат»**) — л. 256—128 об.
Начало (л. 256):

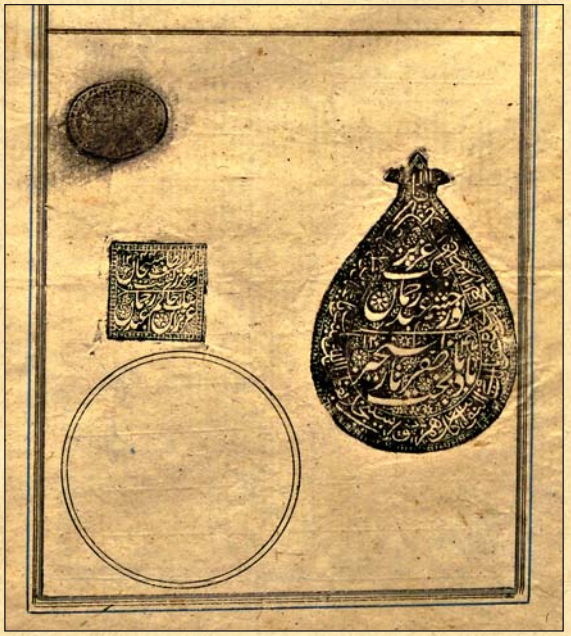
اى نوبهار عارضنيك صبحيغه جان پرور هوا
اندين كل و بلبل تابيب يوز برك بيرله مينك نوا

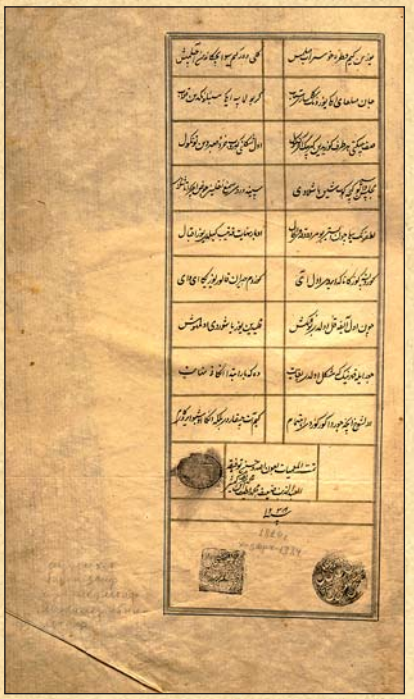
Лл. 127 об. и 128 чистые.
«Назидания старости» (فوايد الكبر — **«Фаваид ал-кибар»**) — л. 127—2 об.
Начало (л. 127):

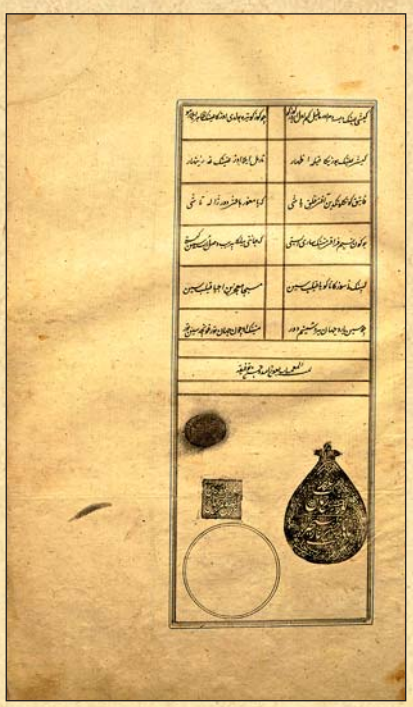
اى يتى منظر طرحيغه معمار صنعونكدين بنا
مصنوع لار فانى و لى مسلوب صانع دين فنا

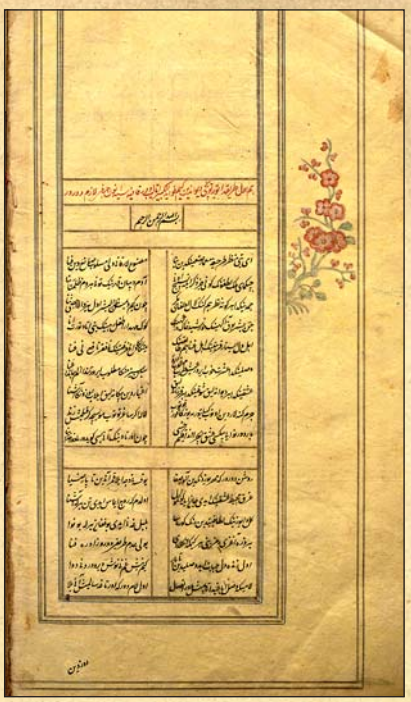
Колофон (л. 2 об.) содержит только дату переписки — 1238/1809 г.

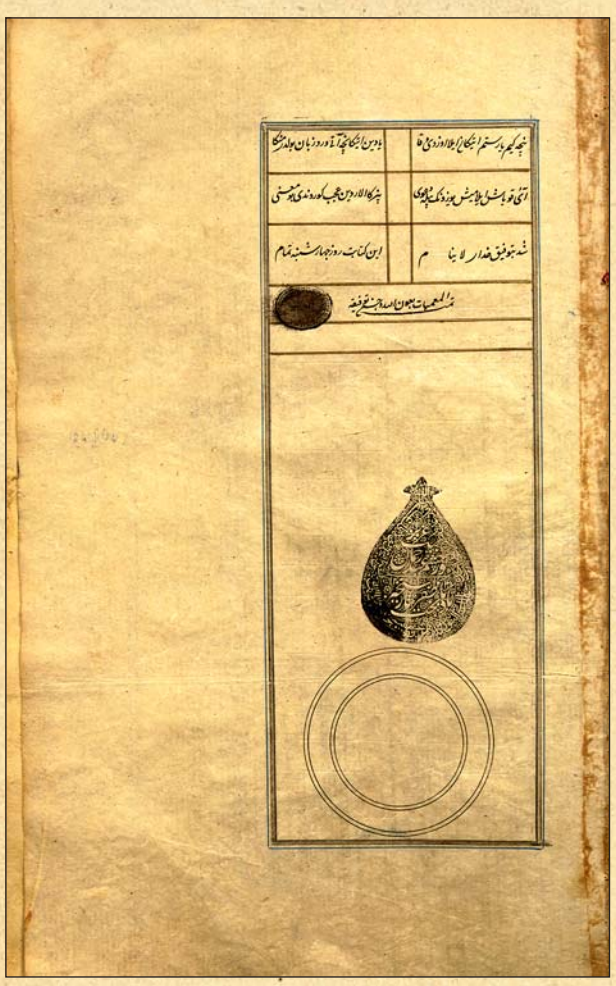


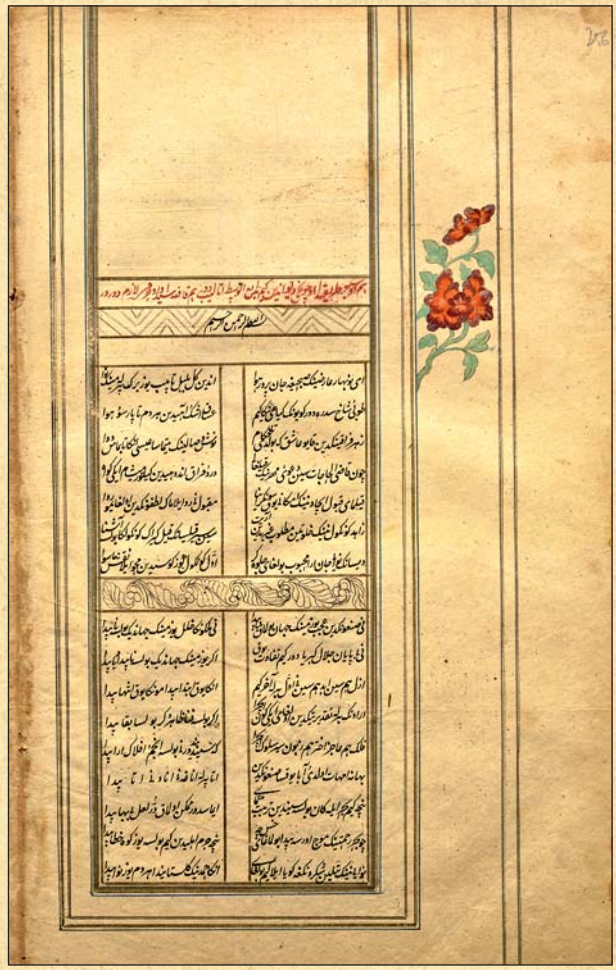












Зиҳе зуҳури жамолинг қуёш кеби пайдо,
Юзунг қуёшиға зарроти кавн ўлуб шайдо.

Юзунг зиёсидин ар субҳ айни ичра баёз,
Сочннг қорасидин ар шом бошида савдо,

Зуҳури ҳуснунг учун айлабон мазоҳирни,
Бу кузгуларда ани жилвагар қилиб амдо.

Чу жилва айлади ул ҳусн истабон ошиқ,
Салойи ишқин этиб офариниш ичра нидо.

Парий қабул эта олмай ани, магарким мен
Қилиб отимни залуму жаҳул бирла адо.

Демайки мен ўзи маъшуқ ўлуб, ўзи ошиқ
Ки, тиғ ғайрат ўлуб анга нақши ғайрзудо.

Навоий ўлмади тавҳид гуфтугў била фаҳм,
Магарки айлагасен тилни қатъу жонни фидо.

Красота твоя восходит, словно солнце, надо мной,
Блещешь ты — и каждый атом ощутим, как свет дневной.

Каждых сумерек истома — эта мгла волос твоих.
Лик твой бел — и зори утра светят дивной белизной.

Что достойно отражаться в зеркалах твоих очей?
В них сверкает устремленье, отражен весь мир земной.

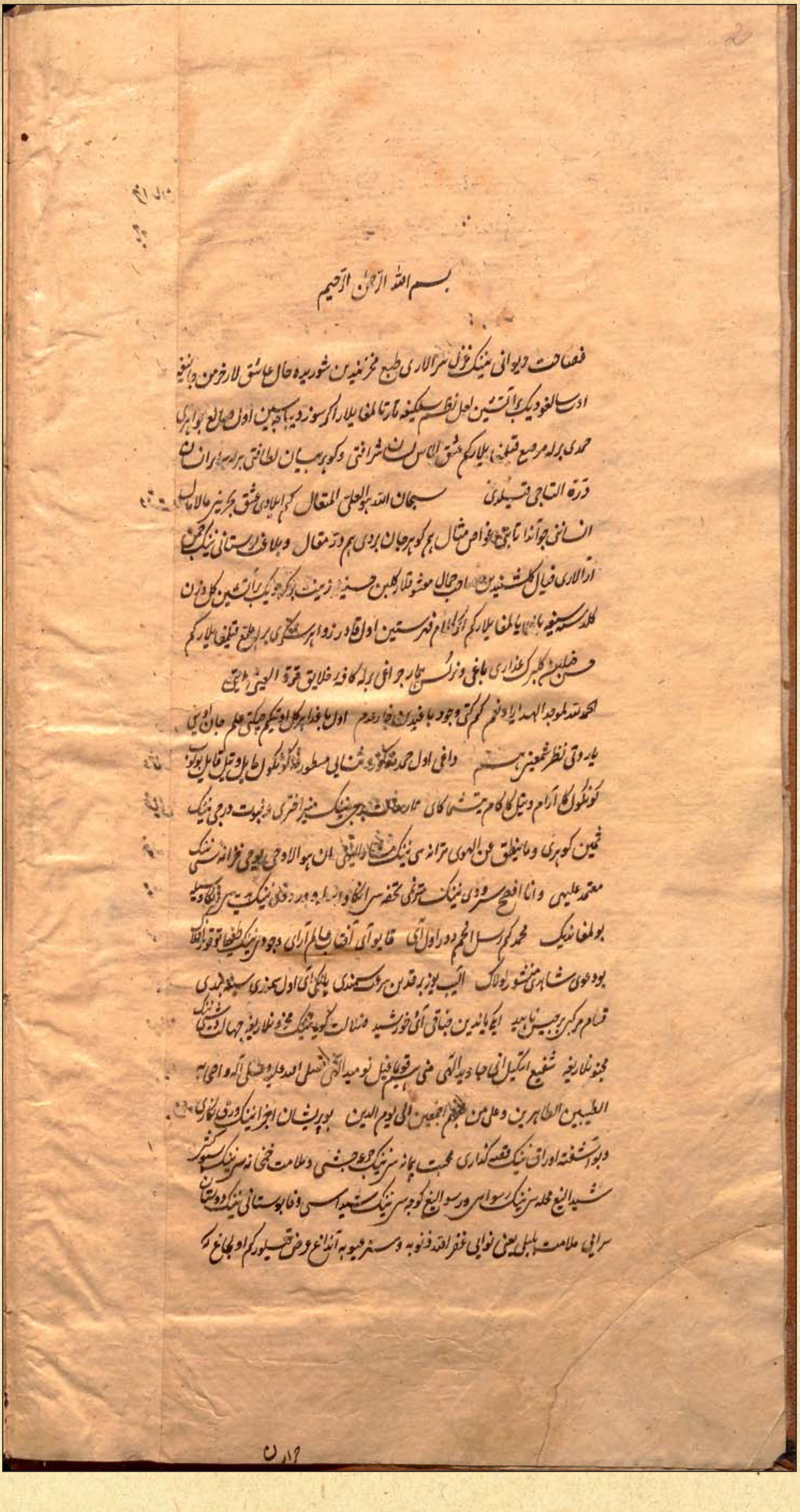
Ночь настанет, и влюбленный оглашает воплем мир
В час, когда сияет небо, озаренное луной.

Во вселенной кто найдется, чтоб принять твою любовь?
Только я! Пусть я безумец, — не дерзнет никто иной.

Кто сказал мне: «Эй, влюбленный, ты и любишь, и любим»?
Ревность — знак неистребимый, эта страсть — клинок стальной.

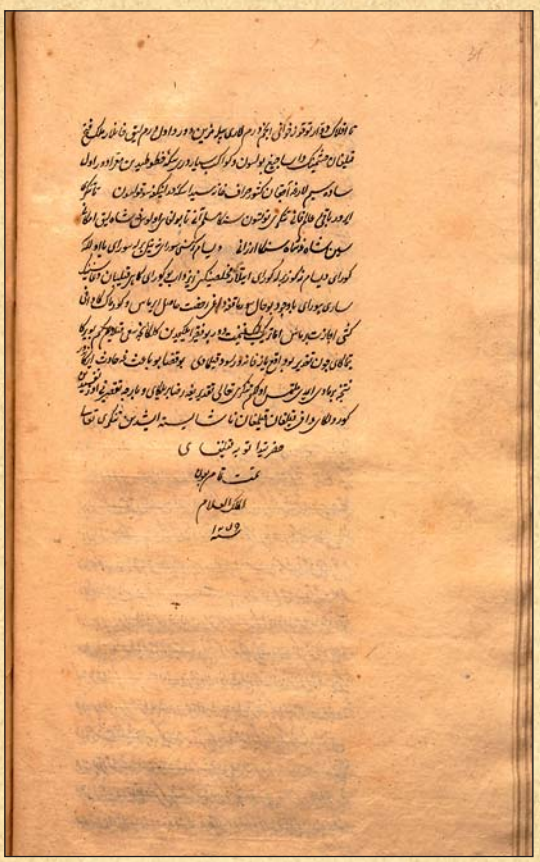
Между мыслью и словами нет единства, Навои,
Если ты язык свой в жертву не принес любви одной.

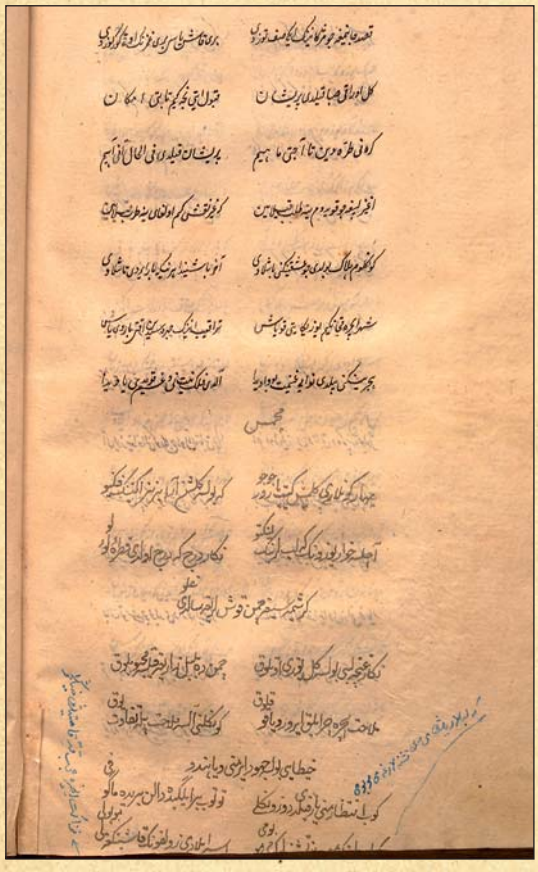
Перевод Н. Лебедева



بسم الله الرحمن الرحيم

فصاحت دیوانی نینک غزلسرالاری طبع مخزنیدین شوریده حال عاشقلار خرمن جانیغه
اوت سالغودیک آتشین لعل نظم سلکیغه تارتمامیلار اگر سوز دیباچه‌سین اول صانع جواهری
حمدی برله مرصع قیلمایلار کیم عشق الماسین انسان شرافتی وگوهر بیان لطافتی برله انسان
درة التاجی قیلدی سبحان الله هو العلی المتعال کیم ایلادی عشق بحرینی عالم اهل
انسانی جواندا تابتیغ غواص مثال هر گوهر جان بردی هم در مقال و بلاغت بوستانی نینک چمن
آرالاری خیال گلشنیدین ساده جمال معشوقلار گلبن حسنیغه زینت بیرگودیک رنگ آتشین گل دزن
گلدسته‌سیغه باغلامغایلار کیم اول الام فهرستین اول قادر زواهر سیکری برله طلع قیلمغایلار کیم
حسن فصلین گلبرگ عذاری باغی و نرگس بیمار چراغی برله کافه خلایق قرة العینی ایتتی
الحمد لله لموجد الهه ... کم کتی وجود بافیدین خارعدم اول بافداهر کل اوتیکیم جهتی علم جان اوسی
یاروقی نظر شمعین هم داغی اول حمدنیکو ثنایی مسطور انکوتکول طایل و تیل قایل بولور
کونکول کا آرام و تیل کا کام بیتکاکای تار بعطاب نینک منیر اختری نبوت درجی نینک
ثمین گوهری وما ینطق عن الهوی ترانه‌سی نینک ... ان هو الا وحی یوحی خوانندسی
معتمد علیهی وانا افصح سوزی نینک ترنمی تحفه‌سی انگاو ... نینک ... بولمغانینک محمد کیم رسل انجم دوراواتی قایو آی آفتاب عالم آرای وجودی نینک طفیلی توفولاک
بودعوی شاهدی منشور لولاک الیب بوزبر قدین ... یلکی ای اول ... سینه ...
قسام مرکبی ... ایکایاندین جناقی آتی خورشید ... گوهری نینک ... جهان ...
مجنونلاریغه شفیع ... منی ... نومید ... صلی الله علیه وعلی آله واصحابه
الطيبين الطاهرين وعلى من تبعهم اجمعين الى يوم الدين بو پریشان اجزا نینک ورق نگاری
دبو آشفته اوراق نینک قصه گذاری محبت بازاری نینک ... ملامت ... نینک
شیدالیغ محله‌سی نینک رسوایی و رسوالیغ کوچه‌سی نینک شیداسی وفا بوستانی نینک دوستان
سرایی ملامت بلبلی یعنی نوایی غفر الله ذنوبه وستر عیوبه آنداغ عرض قیلورکیم اوشبو کیم





Шифр Ф. 180, № 17.
Диван полный, с двумя предисловиями («старым» и «новым»). Рукопись поступила в РГБ в 1976 г.
Переплет картонный, оклеенный светло-коричневой кожей, с геометрическим тиснением на крышках.
Размер 21 × 38,5 см.
Объем 556 листов.
Бумага среднеазиатская, без филиграней, лощеная.
Чернила черные.
Текст. 25 строк на странице. *Хафизы*. На страницах следы разлиновки транспарантом (*мистар*). Без рамки.
Почерк *насталик*.
«Старое» предисловие — лл. 2—7 об.
Начало после *басмалы* (л. 2):

فصاحت ديوانى نينك غزل سراى لارى...

Л. 7 чистый.
На л. 8 запись шариковой ручкой: بـــدايع البدايه
«Новое» предисловие (лл. 8—31).
Начало после *басмалы* (л. 8):

شكر و سپاس اول قادر غه كيط...

На л. 31 дата переписки этой части рукописи — 1259/1843 г.
«Чудеса детства» (غرايب الصيغر **— «Гараиб ас-сигар»)** — лл. 32—156.
Начало после *басмалы* (л. 32):

اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدا
يار عكسين مى ده كور ديب جام دين چيقتى صدا

На л. 8 заголовок: بدايه لصـــغرا
На лл. 155 об., 156, 157 стихи дописаны другими чернилами более позднего времени.
Лл. 171 об. и 170 чистые.
«Редкости юности» (نوادر الشباب **— «Навадир аш-Шабаб»)** — лл. 171—289 об.
Начало после *басмалы*:

زهى ظهور جمالينك قوياش كيبى پيدا
يوزونك قوياشغه زرّات كون اولوب شيدا

Между лл. 185 и 186 вложен обрывок бумаги (л. 185а) с фрагментом японского печатного текста начала XX в. и фотографическими изображениями фасада Храма Гроба Господня в Иерусалиме и вида Мекки на обороте.
На лл. 285—288 об. заголовки выполнены красными чернилами.
На л. 289 об. дата переписки этой части рукописи — 1258/1842—1843 гг.
Лл. 292 об. и 291 чистые.
«Диковины средних лет» (بدايع الوسط **— «Бадаи ал-Васат»)** — лл. 292—418.
Начало после *басмалы* и заголовка, выполненного красными чернилами:

اى نوبهار عارضنيك صبحيغه جان پرور هوا
انديں كل و بلبل تابيب يوز برك بيرله مينك نوا

На л. 418 дата переписки этой части рукописи — 1259/1843 г.
Л. 419 об. чистый.

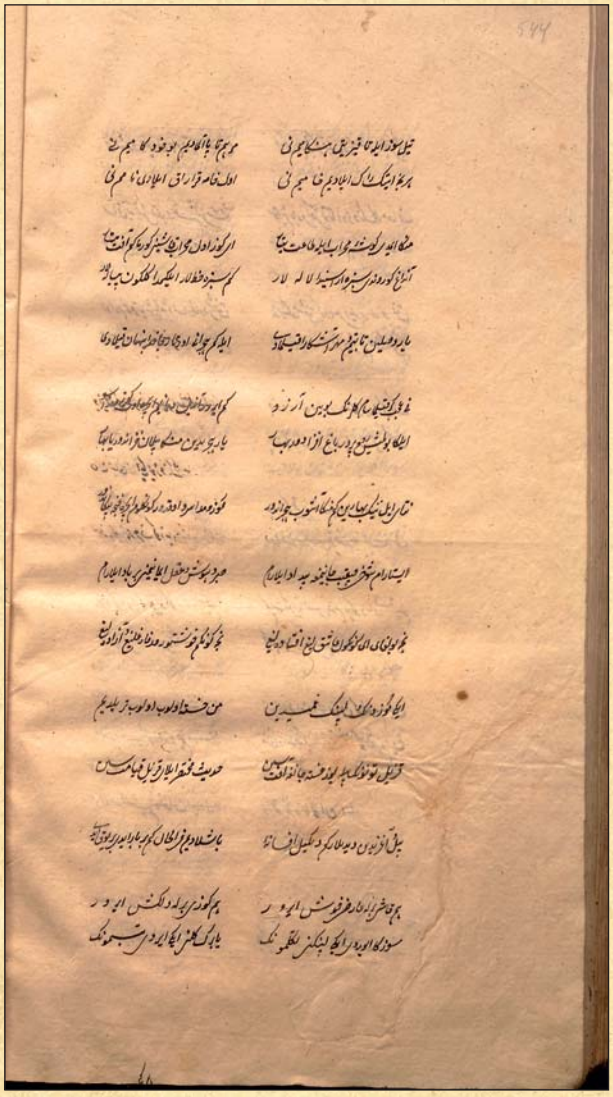
«Назидания старости» (فواید الکبر — «Фаваид ал-кибар») — лл. 419—545.
Начало после *басмалы* и заголовка, выполненного красными чернилами:

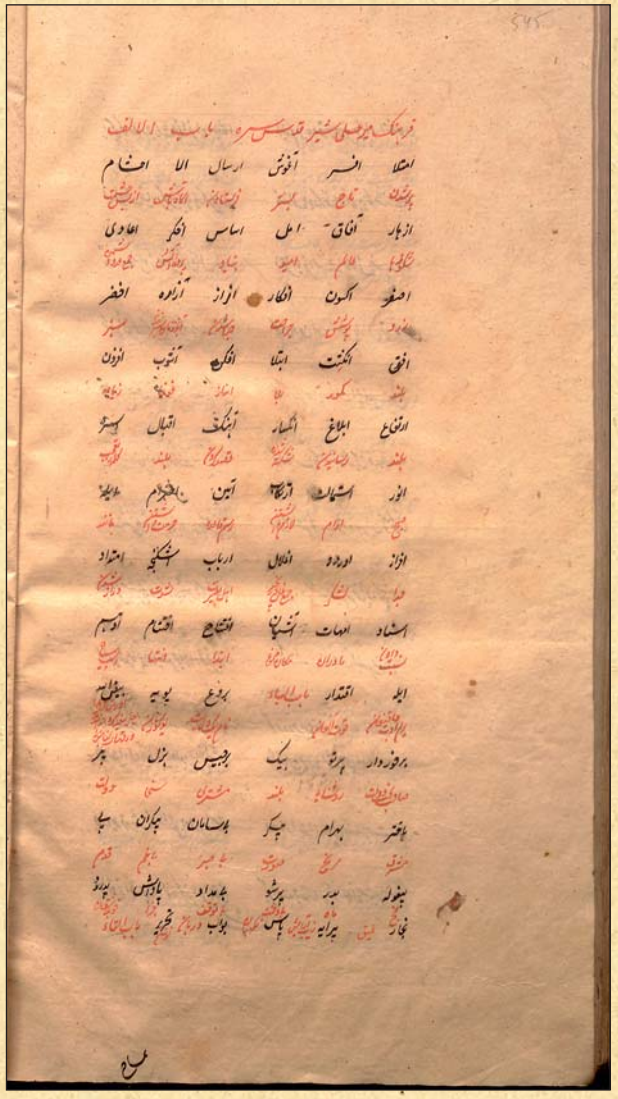
ای یتی منظر طرحیغه معمار صنعونکدین بنا * مصنوع لار فانی و لی مسلوب صانع دین فنا

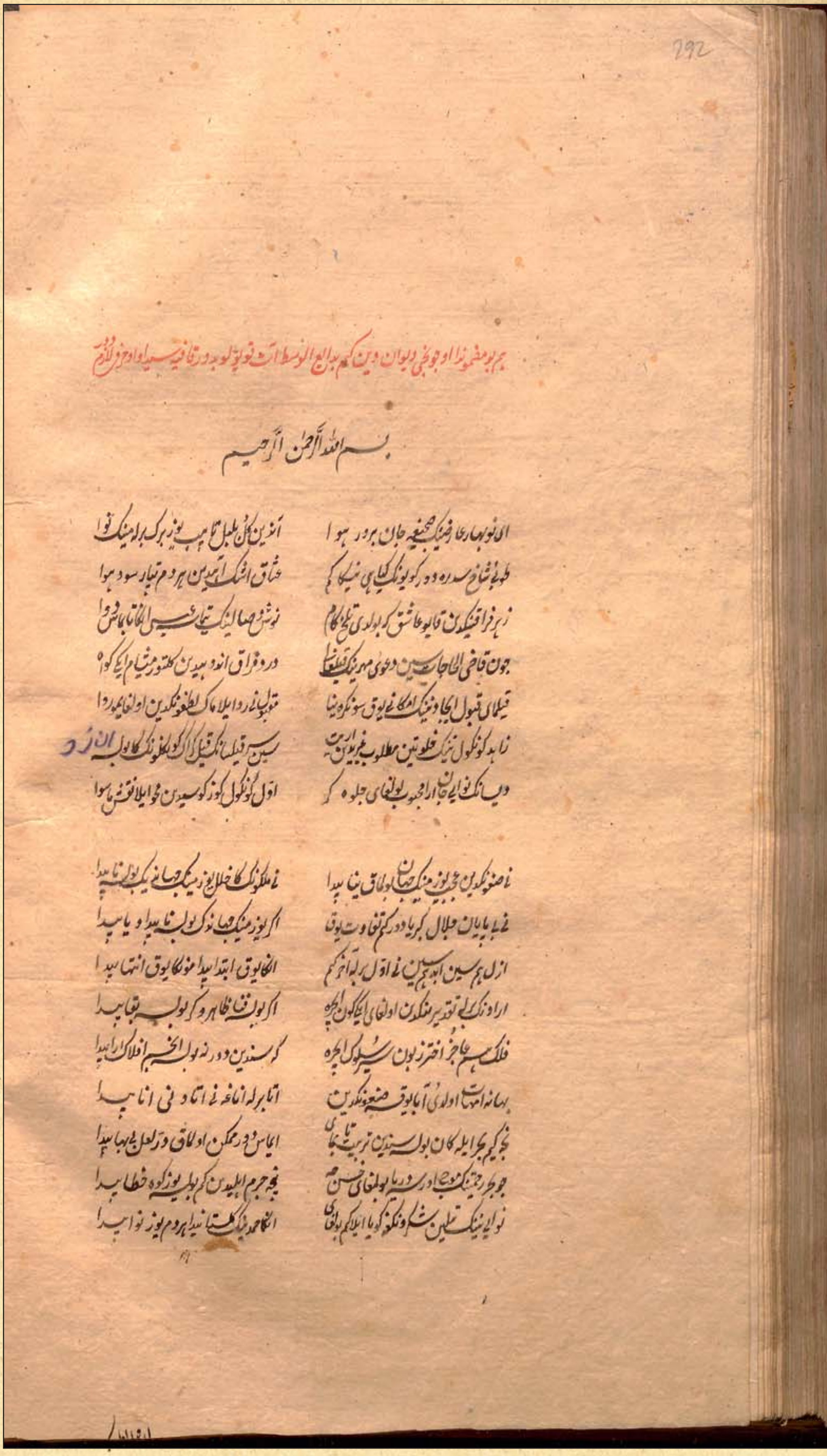
На л. 545 дата переписки этой части рукописи — 1259/1843 г.
Между лл. 488 и 489 вложен небольшой фрагмент рукописи с поэтическим текстом, видимо, использовавшийся как закладка. Между лл. 520 и 519 вложены два рукописных фрагмента с поэтическими текстами на тюрки (закладки — л. 519а и 519б).
Словарь узбекско-персидский к произведениям Навои (по алфавиту) на лл. 545—554.
Заголовок красными чернилами (л. 545):

فرهنك میر علی شیر قدس سره باب الف...

Дата переписки. Судя по датам переписки частей рукописи (лл. 7 об., 31, 289 об., 418, 545), весь текст создавался в течение 1258—1259/1842—1843 гг.
На форзацах имеется несколько записей шариковой ручкой 1950-х гг.: стихи, запись о рождении (видимо, у владельца рукописи) сыновей Мухаммед-Амина (месяца раби I 1954 г.) и Хасана-Хусейна (7 июля 1955 г.).
Дефекты. Л. 306 подвергся реставрации (подклеен), на л. 549 след разлитых чернил; на л. 555 вырезан большой фрагмент.







292

بو مقدمه‌دا اوچونچی دیوان دین کیم بدایع الوسط اتی توپتور دور اقافیه‌سی ابیاتی و حرفی لازم

بسم الله الرحمن الرحیم

ای نوبهار عارضینگ جنت‌غه جان پرور هوا
آندین گل بلبل تاپیب یوز برگ برله مینگ نوا

طوبی نی شاخ سدره دور کوی‌ینگ گیاهی نیلاکیم
عشاق اشکی آندین هر دم تپار سود و هوا

زهر فراقینگدین قایو عاشق که بولدی تلخ کام
نوش وصالینگ تاپماس الا تاپماس دوا

جون قاضی الحاجات‌دین دعوی مهرینگ قطعی
درد فراق اندوهیدین کلتورمیش ایکی گواه

قیلمای قبول ایجادنینگ امکانی یوق سوزگه بنا
تعبول زرد ایلاماک لطفونگدین اولغای مددا

زاهد کونگول تزیک خلوتین مطلوب غیر ایدین تیه
سین قیلسانگ قیل اکر دیلقونگ کلاولبه

ویانگ نوائی جان ارا محبوب بولغای جلوه گر
اول کونگول کوز کوسیدین محو ایلا نقش ماسوا

ناصنونگدین عجب یوز مینگ جهان بولماق نی پیدا
نه ملکونگ کا خلل یوز مینگ جهانی یک بولمه ناپیدا

نه بایه پایان جلال کبریا دورکیم تفاوت یوق
اگر یوز مینگ جهان دوک بولسه پیدا و ناپیدا

ازل هم سین ابد هم سین نه اول بر آخر کیم
الکا یوق ابتدا پیدا مونگا یوق انتها پیدا

ارادنگ بیله تقدیرینگدین اولغای ایکی کون الحه
اگر بولسه قضا ظاهر وگر بولسه بقا پیدا

فلک هم عاجز اختر زبون سیر سلوک ایچره
گر سندین دور نه بولغای انجم افلاک ارا پیدا

بهانه امهات اولدی آبا یوق صنعونگدین
آتا برله انا غه نی اتا و نی انا پیدا

نجه کیم بحر ایله کان بولسه‌دین تربیت تاپقای
ایماس دور ممکن اولماق دُر و لعل بی‌بها پیدا

جو بحر رحمتینگ موجی ادر دریا بولمغای خسن جم
نجه جرم ایلیدین کیم بولسه یوزکوه خطا پیدا

نوائی نینگ تیلین شکر ونگه گویا ایلاگیم بولغای
الکا حمدونگ کفتانیدا هر دم یوز نوا پیدا

۱۱۰۹۱

Эй навбаҳори оразинг субҳиға жонпарвар ҳаво,
Андин гулу булбул топиб юз барг бирла минг наво.

Тўбию шоҳи сидрадур кўюнг гиёҳи, негаким
Ушшоқ ашку оҳидин ҳар дам топар сую ҳаво.

Заҳри фироқингдин қаю ошиқки бўлди талхком,
Нўши висолинг етмаса, Исо анга топмас даво.

Чун қозиюл ҳожот сен даъвои маҳринг қилғали,
Дарду фироқ андуҳидин келтурмишам икки гуво.

Қилмай қабул ижоднинг имкони йўқ, сўнгра яна
Мақбулини рад айламак лутфунгдин ўлғайму раво.

Зоҳид, кўнгулнинг хилватин матлуб ғайридин орит,
Сен сайр қилсанг қил, керак кўнглунгга бўлса инзиво.

Десанг Навоий жон аро маҳбуб бўлғай жилвагар,
Аввал кўнгул кўзгусидин маҳв айла нақши мосиво.

Лицо твое — как лик весны, любовь внушает утру он;
В нем роза ищет лепестки, а соловьи — мелодий звон.

Туба и лотос почему на улице твоей растут?
Слеза влюбленных поит их, их овевает жалоб стон!

С тобой разлука — худший яд, лекарства сам Иса не даст,
Свидания напиток дай — несчастный будет исцелен.

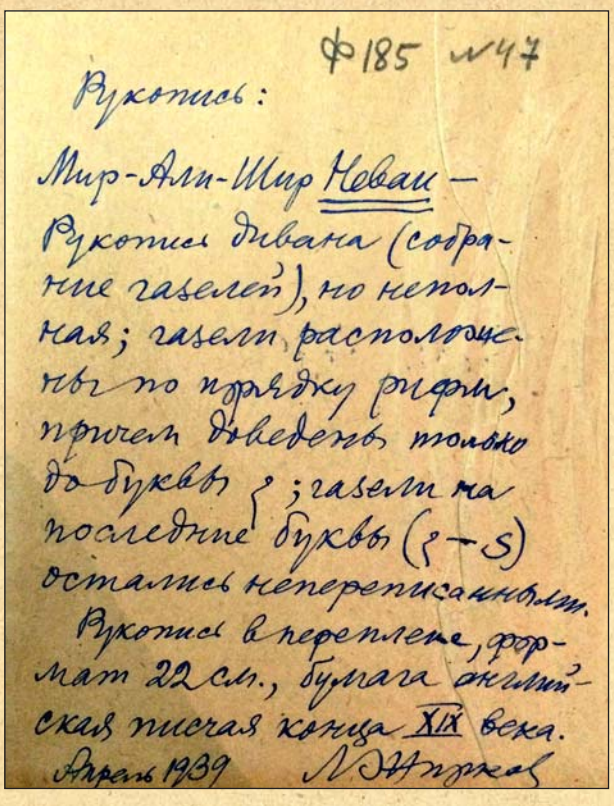
Владычица судеб! К тебе мой иск: о полюби меня!
Ведь право подтвердит мое тоска, которой я согбен...

Творил я только для тебя и одобренья заслужил.
Коль принятое возвратишь, я буду в горе погружен.

Отшельник! Мысля об одном, ты думы прочие оставь,
Один блуждай в своей глуши иль бренным миром ты прельщен?

Не говори, что Навои влюблен в красавиц без ума —
А образ суеты в твоей душе давно ли истреблен?

Перевод А. Старостина



Ф185 №47

Рукопись:

Мир-Али-Шир Неваи — Рукопись дивана (собрание газелей), но неполная; газели расположены по порядку рифм, причем доведены только до буквы م; газели на последние буквы (م — ى) остались непереписанными.

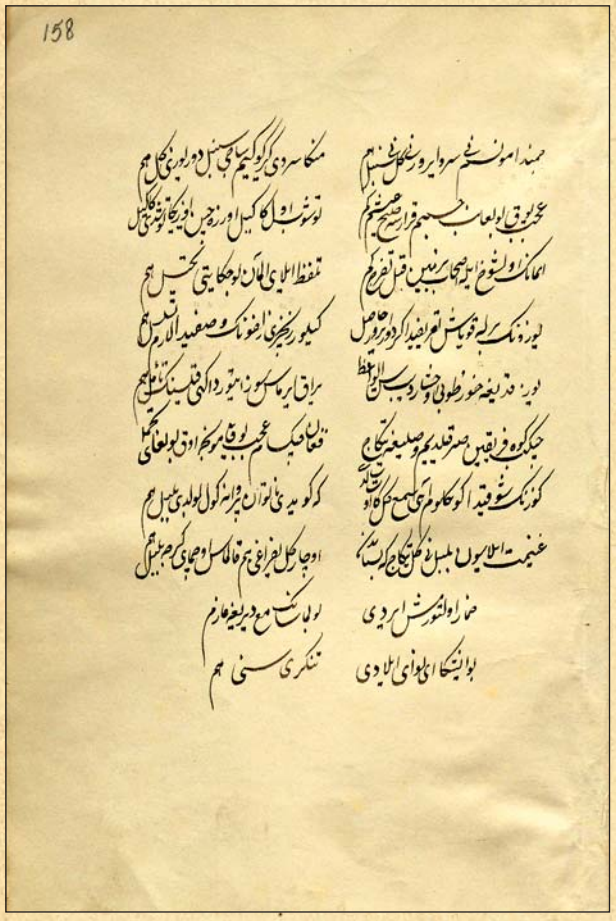
Рукопись в переплете, формат 22 см., бумага английская писчая конца XIX века.

Апрель 1939 Л. Жирков

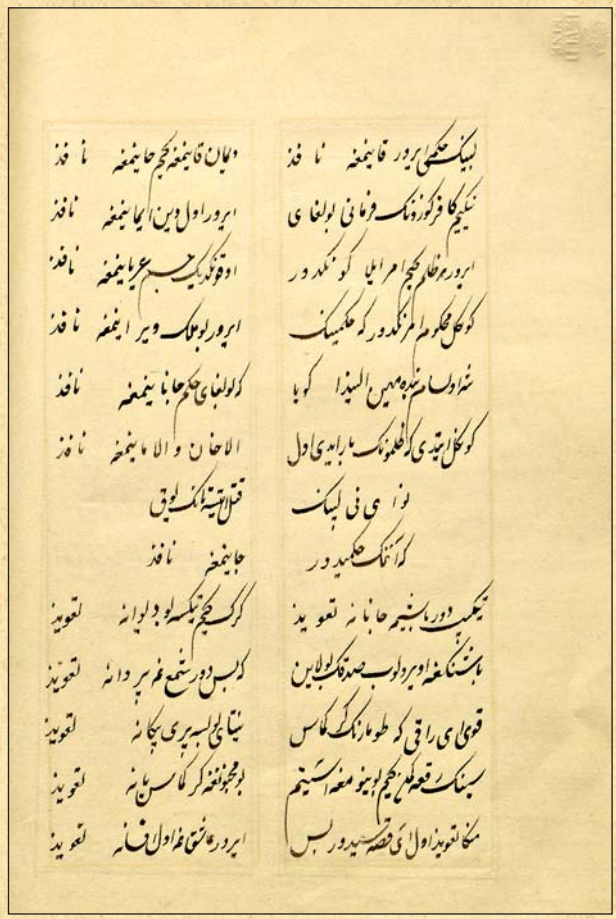
Шифр Ф. 185, № 47.
Диван сборный, без предисловия.
Переплет европейский, картон, оклеенный мраморной бумагой темно-коричневого и черного цвета. Корешок кожаный.
Размер 14,5 × 21 см.
Объем 160 листов. Диван неполный: рифмы доведены только до буквы *мим*. На л. 2 об. — *унван* (декоративная начальная заставка), выполненный золотыми и красными чернилами.
Бумага английская. Судя по штемпелю BATH FINE (Клепиков, 1959, с. 111), рукопись относится ко второй половине XIX в.
Чернила черные.
Текст в двойной рамке из черной и зеленой линий, размером примерно 9 × 15,5 см. 13 строк на странице.
Почерк *насталик*.
Начало:

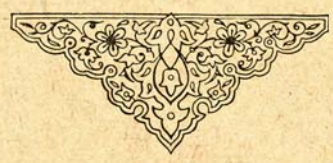
اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدا
يار عكسين ميده كور ديب جامدين چيقتى صدا

В рукопись вложен лист бумаги с определением манускрипта, которое составил выдающийся российский востоковед Л.И. Жирков (1885—1963).

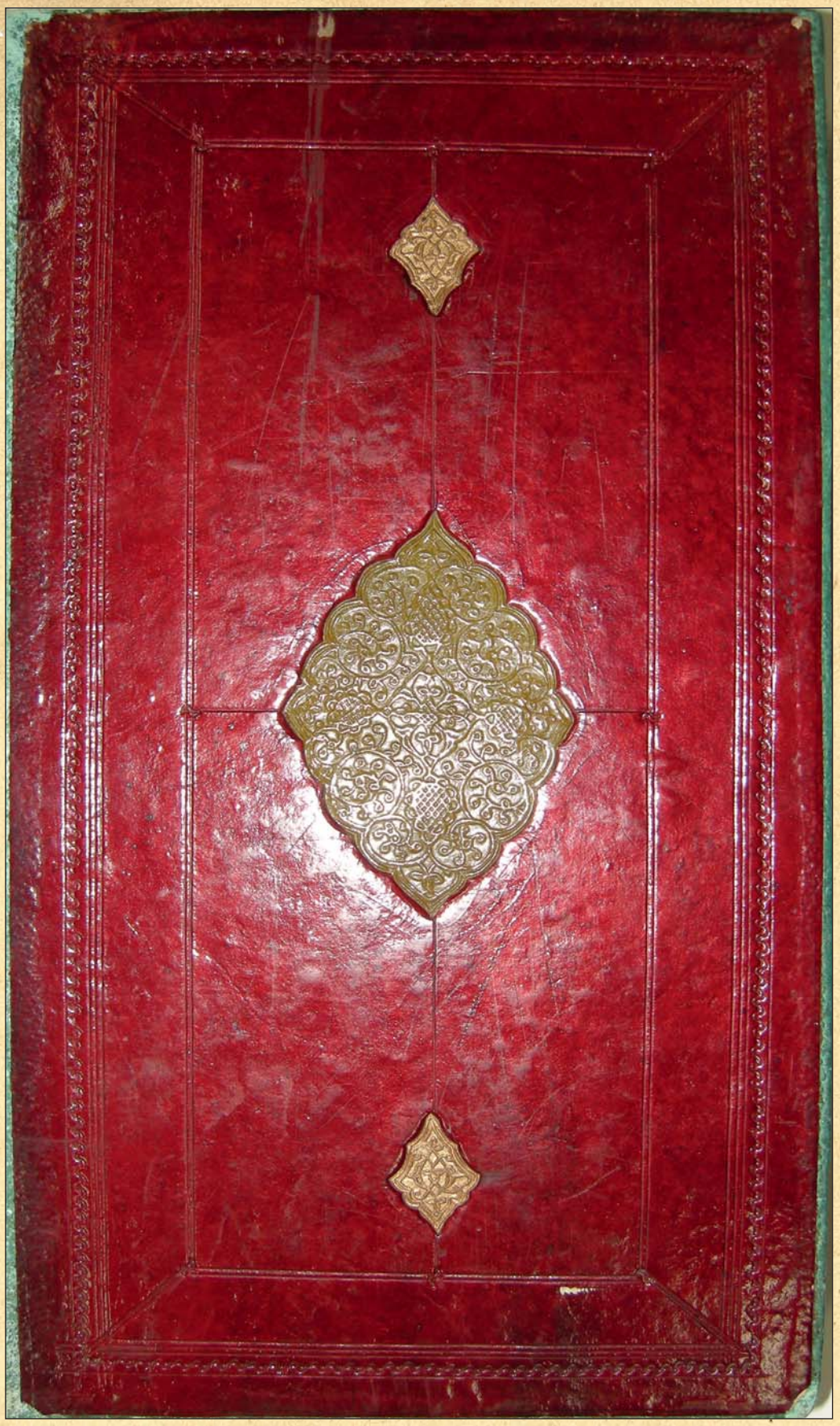


158





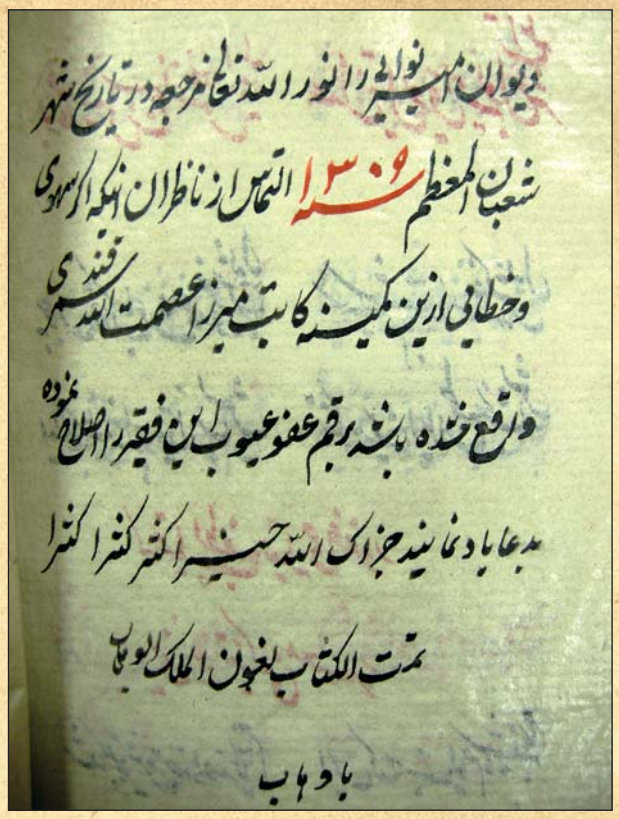
Государственная публичная историческая библиотека России

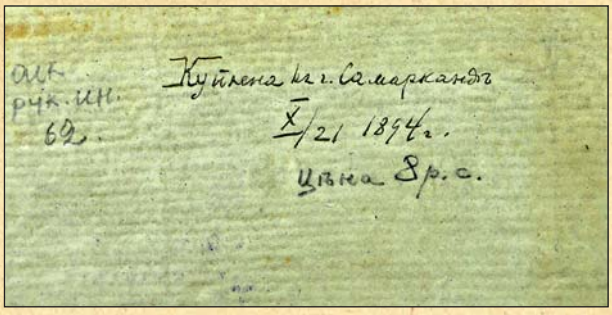


Шифр ОИК-455, рук. Ин. 62.
Диван сборный, без предисловия.
Переплет оригинальный классический среднеазиатский, темно-красного цвета, покрытый лаком, с зеленым сафьяновым корешком. На крышках тисненый *турундж* (розетка) размером 5,1 × 7,2 см со «спутниками» (размер 1,6 × 2,2 см). Рукопись в очень хорошем состоянии.
Размер 15 × 26 см.
Бумага тонкая, глянцевая, прозрачная, желтоватая, с неровно обрезанными краями, вероятно, среднеазиатского производства. Водяные знаки отсутствуют.
Текст начинается на л. 9 об., который пронумерован первым. Пагинация не оригинальная. *Хафизы*. Первые 8 листов чистые, далее нумерация до 252 л., где текст заканчивается. Далее еще 10 чистых листов.
Чернила черные. Заголовки написаны красными чернилами.
Почерк *насталик*.
Начало после заголовка (افتتـــح يـا مفتـــح الابواب)[1] и *басмалы* (л. 9 об.):

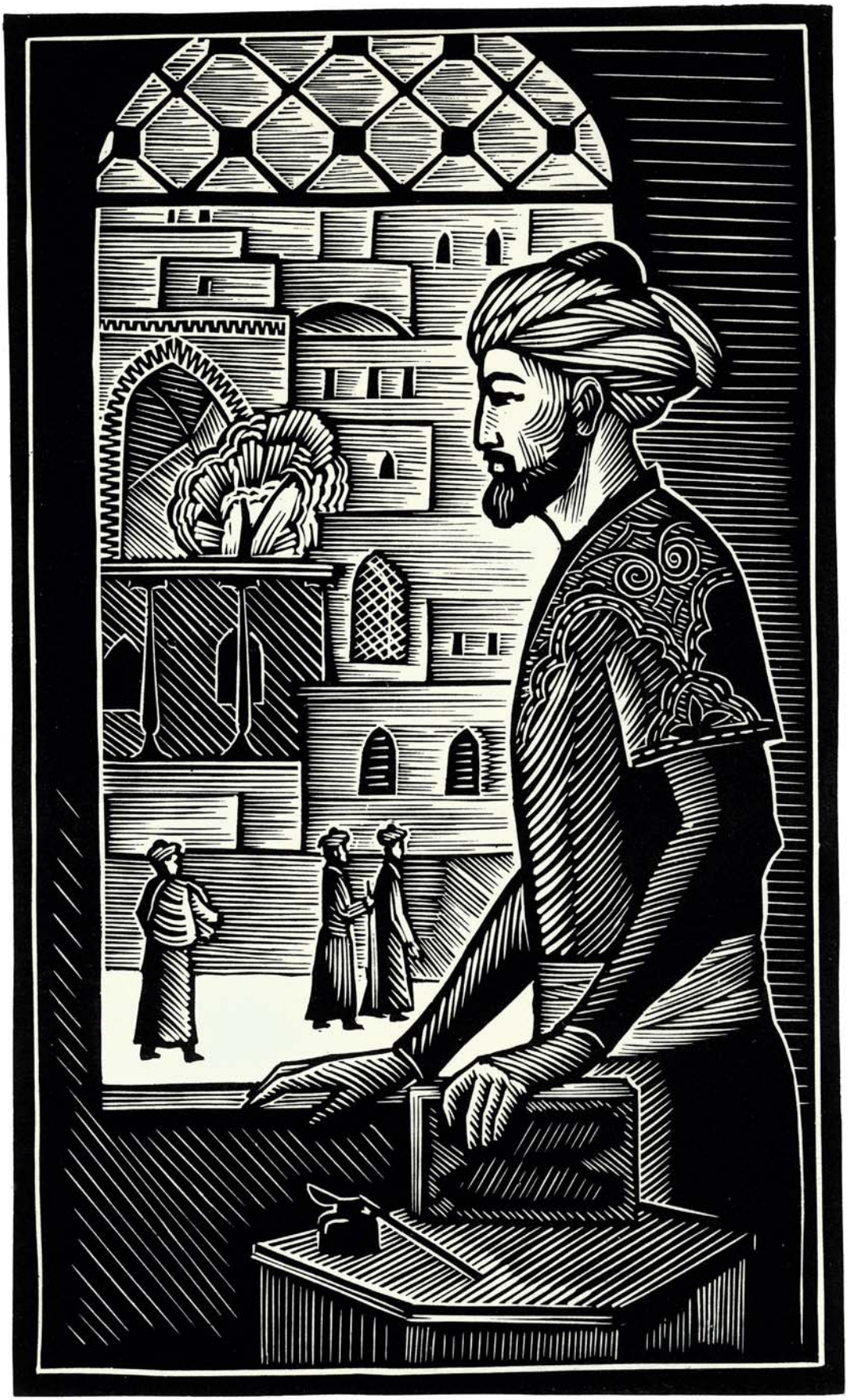
اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدا
يار عكسين ميده كور ديب جامدين چيقتى صدا

Состав. Диван начинается с *газалийят*; л. 232 об. — *мухаммасат*; л. 237 об. — *тарджибанд*.
Колофон (л. 252 об.) дает дату переписки рукописи — ша'бан 1309/март 1892 г. и имя переписчика — Мирза Исметулла Самарканди (ميرزا عصمت الله سمرقندى). Год в колофоне написан красными чернилами[2].
На последней странице нашей рукописи (л. 10 об.) — надпись черными чернилами «Куплена въ г. Самаркандъ X/21 1894 г.». Ниже карандашом — «ЦЂна 8 р. с.» (8 рублей серебром). Таким образом, книга была куплена почти через два с половиной года после того как была переписана.
Печати: «Библиотека ГИМ № 15900. 18.VIII.1931 г.» (л. 10).
В Государственном историческом музее (ГИМ) хранилось несколько рукописных диванов Навои. О некоторых из них кратко упоминал в обзоре собрания М.Д. Скобелева М. Хартманн (Hartmann, 1902, с. 74). Упоминания рукописи: (Зайцев, 2001; Zaytsev, 2002; Зайцев, 2004, с. 27, № 32).





[1] «Открой, о, открывающий врата!» (слова очень известной молитвы).
[2] Мне известна еще одна рукопись, переписанная Исметуллой в 1300/1882—1883 гг., — сочинение «Тайна погибших мученической смертью» поэта Исмаил-хана Буруджирди, по прозвищу Сарбаз. Выполнена она также почерком *насталик* на тонкой лощеной бумаге среднеазиатского производства, возможно, идентичной бумаге нашего Дивана (Собрание, 1987, с. 263—264). Исмаил-хан Буруджирди жил во время Насираддин-шаха Каджара (1848—1896). Его сочинение (проза и стихи) посвящено обстоятельствам смерти халифа Али и членов его семьи. Может быть, он же выполнил и экземпляр Дивана Йакдила (список 1293/1876—1877 гг.), поскольку имя переписчика неизвестно, а его *нисба* — ас-Самарканди (Собрание, 1987, с. 215, № 7285).

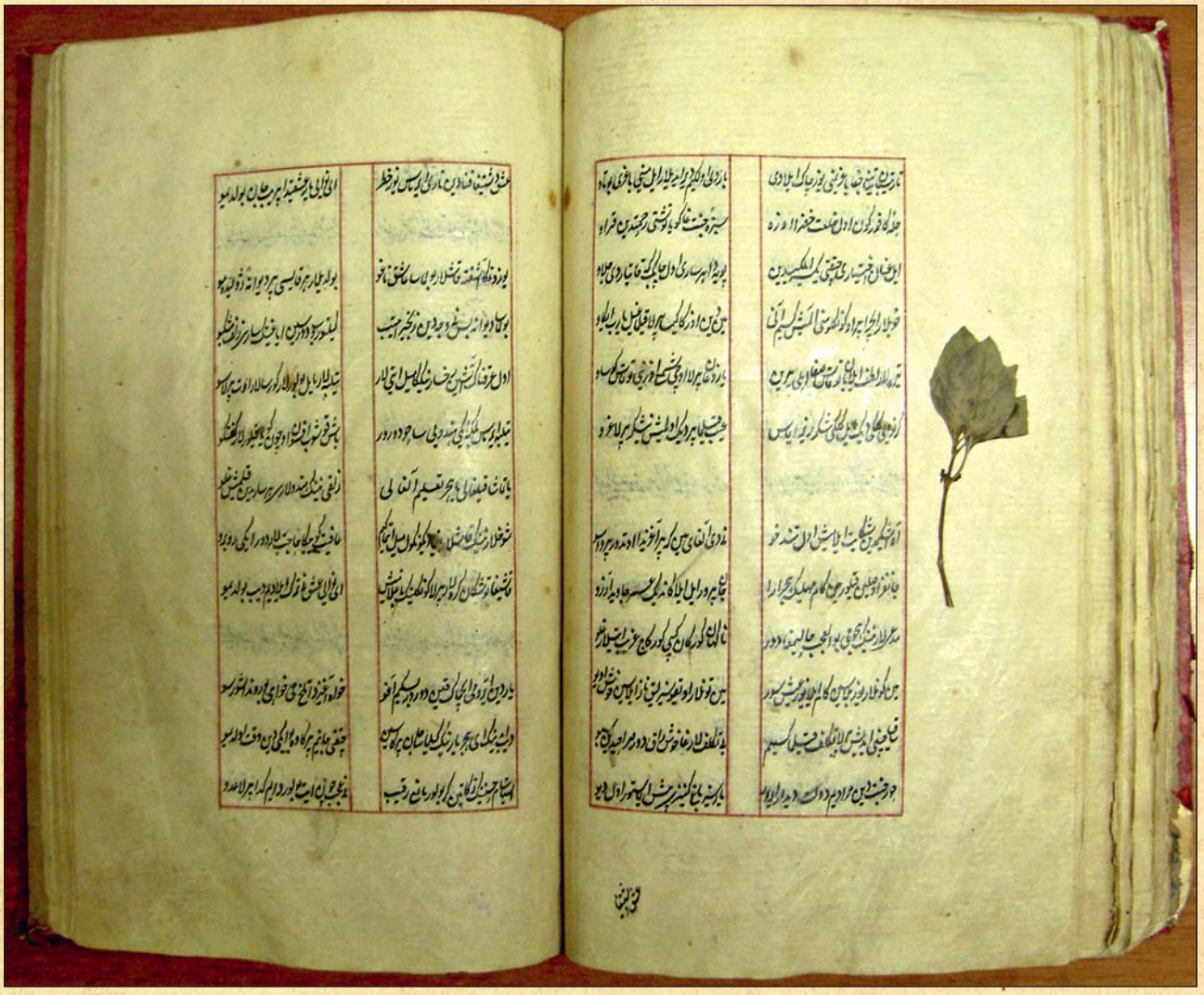


Государственный музей Востока

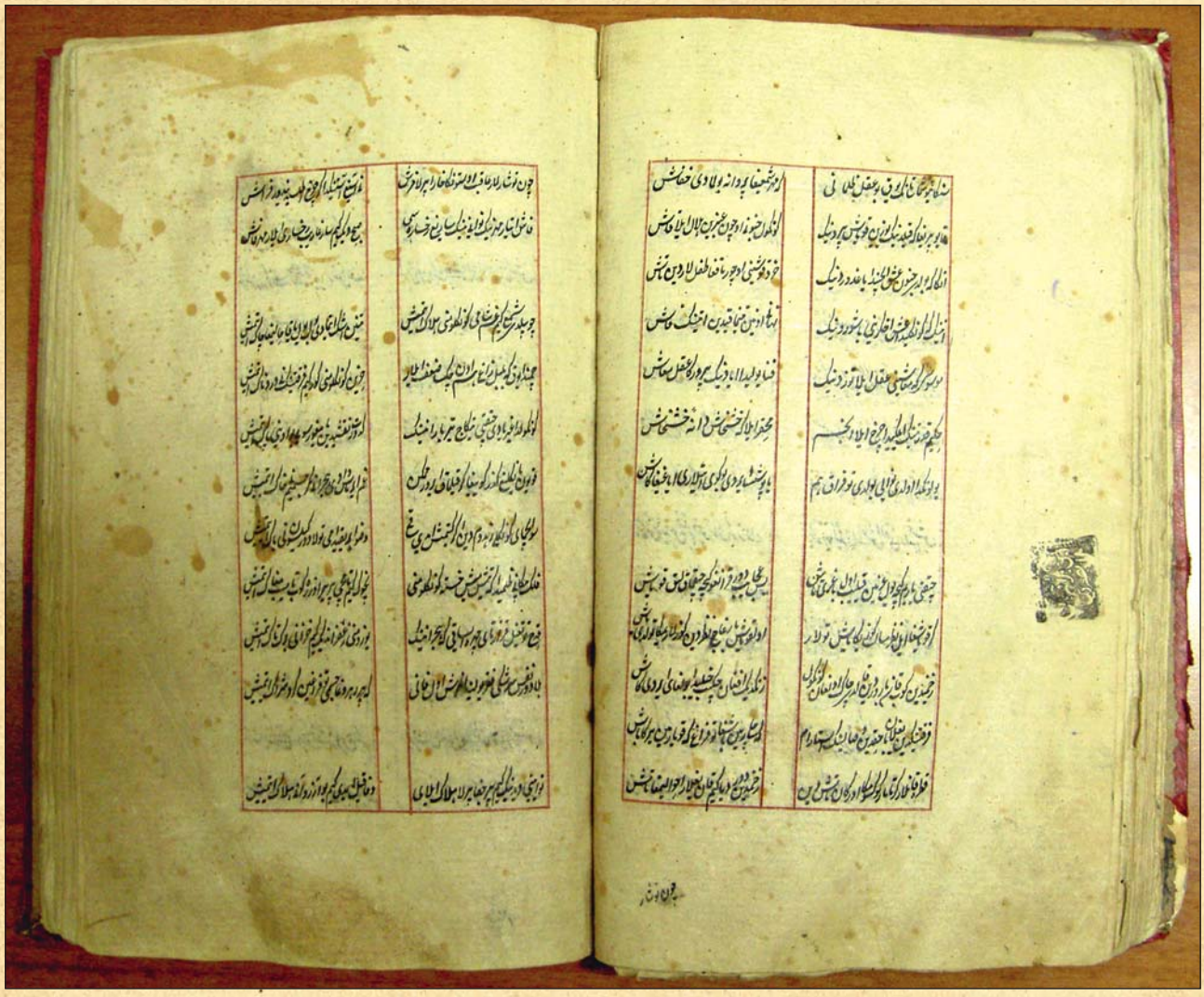
Шифр С 65, А-50. Инв. № 1515.
Диван сборный.
Переплет картонный, типичный среднеазиатский, корешок красной кожи, крышки оклеены зеленой бумагой. На крышках оттиски *турунджа* (15,5 × 26 см) со «спутниками». Форзацы оклеены серо-коричневыми обоями.
Бумага среднеазиатская, без филиграней.
Чернила черные.
Текст в две колонки, 13 строк на странице, в красной рамке размером 8,5 × 17,5 см.
Почерк *насталик*.
Начало после *басмалы*:

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدا
یار عکسین میده کور دیب جامدین چیقتی صدا

В рукопись вложено два листочка с рецептами («Доверов порошок»[1]). Владельческая пометка на л. 1 муллы Исраила, а также муллы Йунуса.



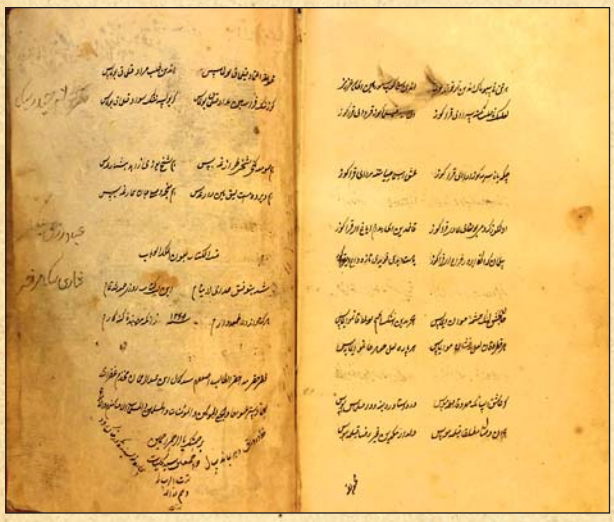
Печати:
1. Неотчетливый оттиск печати с легендой «Мулла Хусейн» (л. 46).
2. Квадратная печать с легендой «Мулла Наср ад-Дин ибн мулла Курбан» (лл. 75 и 79 об.).
Дефекты. На л. 96 замыт верхний угол, лл. 168 и 177 обрезаны по меньшему размеру.
Колофон (л. 187 об.) затерт.
Дата по колофону — 1281/1864—1865 гг.



[1] Известное лекарство от кашля, заключающее в себе опий и рвотный корень, изобретено английским врачом Довером (1687—1741).

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт востоковедения Российской академии наук



Шифр отсутствует.
Диван сборный, без предисловия.
Переплет картонный, среднеазиатский, многоцветный, оклеен расписной бумагой — зеленой, желтой, красной. Верхняя крышка отделяется от блока. На крышках *турундж* со «спутниками». В «спутниках» клеймо переплетчика عمل صخاف ملا محمد يونس ١٢٥٧ («Делал переплетчик мулла Мухаммед Йунус 1257»). Дата штампа 1257/1841—1842 гг.
Размер 15,5 × 25,5 см.
Объем 115 листов.
Бумага среднеазиатская, без филиграней.
Начало (л. 1 об.):

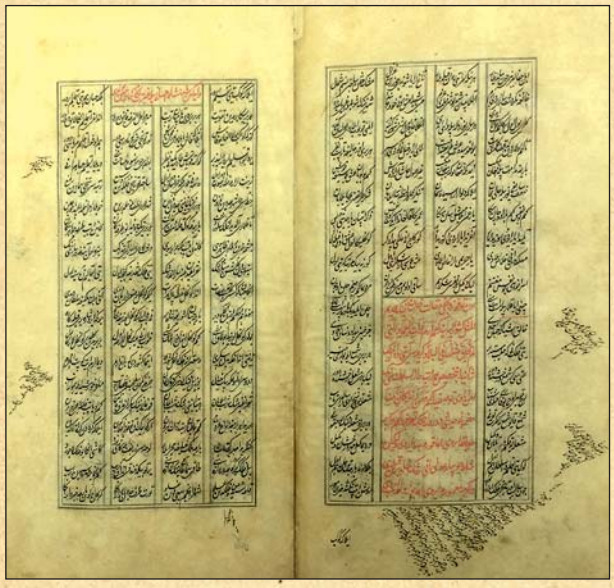
اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدا
يار عكسين ميده كور ديب جامدين چيقتى صدا

Чернила черные (на лл. 88 и 92 — пометки красным).
Состав: *газалиййат*; с л. 95 об. — *мухаммасат*; *тарджибанд.*
Текст без рамки, размером около 8,5 × 17,5 см. 13 строк на странице (встречается и по 15). *Хафизы.*
Почерки: *насталик, насх.*
Дата переписки и имя переписчика даны в колофоне (л. 115):

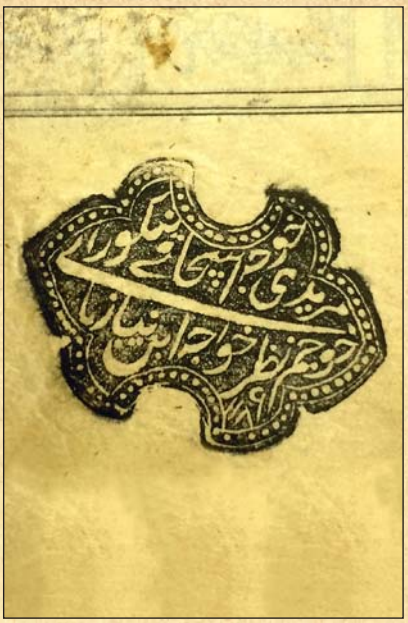
سيد كمال ابن عبد الرحمان مخدوم ١٢٦٩

Сейид Камаль б. Абд ар-Рахман махдум, 1269/1852—1853 гг.
На задней крышке переплета наклейка «Магазин Бук. книги МОГИЗА 14» и печать с ценой 10 р.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации



Шифр отсутствует. Инв. № 99.
Хамса («Пятерица»).
Переплет оригинальный, крышки картонные, оклеены зеленой бумагой, корешок сафьяновый. На крышках тисненое *шемсе* со «спутниками». На форзацах обои.
Размер 16,5 × 29 см.
Объем 413 листов (дополнительно в начале и в конце приплетено по 1 листу).
Бумага среднеазиатская, без филиграней.
Чернила черные. Заголовки красными чернилами (на л. 367 об. заголовок пропущен).
Текст в 4 колонках, 19 строк на странице. *Хафизы*. Тройная рамка 10,2 × 20,9 см. Внешние поля листов страниц по 4 см.
Почерк *насталик*.
Дефекты. Следы реставрации на разворотах страниц. На лл. 174, 179, 250, 260, 349 нижние углы листов дополнены другой бумагой. На лл. 410 и 411 дополнены поля. На лл. 41, 61, 165, 166, 266, 271, 298, 344 не хватает части листов на полях.
Содержание:
Предисловие (л. 2 об. — 50 об.).
حیرت الابرار («Хайрат ал-аббрар») — «Изумление праведных» (л. 51 об. — 108 об.). Поэма составлена в 889/1484 г.
Начало (л. 51 об.):
بسم الله الرحمن الرحیم * رشته غه چکتی نچه دُر یتم
فرهاد و شیرین («Фархад ва Ширин» — «Фархад и Ширин») (л. 109 об. — 191). В заголовке, написанном позднее выше начала текста, поэма названа خاقان و فرهاد قیصه سی («Рассказ о Фархаде и хакане»). Составлена в 889/1484 г.
Начало (л. 109 об.):
بحمدك فتح ابواب المعانی
نصیب ایت کونکلوما فتح ارلماغ انی
مجنون و لیلی («Лейла ва Меджнун» — «Лейла и Меджнун») (л. 192 об. — 242 об.). В заголовке, написанном позднее выше начала текста, поэма названа مجنون برله لیلی قیصه سی («Рассказ о Меджнуне и Лейле»). Составлена в 889/1484 г.
Начало (л. 192 об.):
ای یخش آتینك بیله سرآغاز * انجامی غه کم یتار هرآغاز
سبعه سیاره («Саб'а сайара») — «Семь планет» (л. 243 об. — 309 об.). Составлена в месяце джумада II 889/июле 1484 г. В заголовках, написанных позднее выше начала текста, поэма названа کتاب بهرام و قیصهٔ بهرام خان («Рассказ о Бахрам-хане», «Книга Бахрама»).



Начало (л. 243 об.):

ای سپاســـــینك دیماکـدا ایـل تیلـــــی لال
ایل کا تیل سندین اولدی تیل کا مقال

سد اســکندری («Садди искандари» — «Искандарова стена») (л. 312 об. — 411). Поэма составлена в 890/1485 г. В заголовке названа خضـرة اســکندر .قیصـــه سـی («Рассказ о святом Искандере»).

Начало (л. 312 об.):

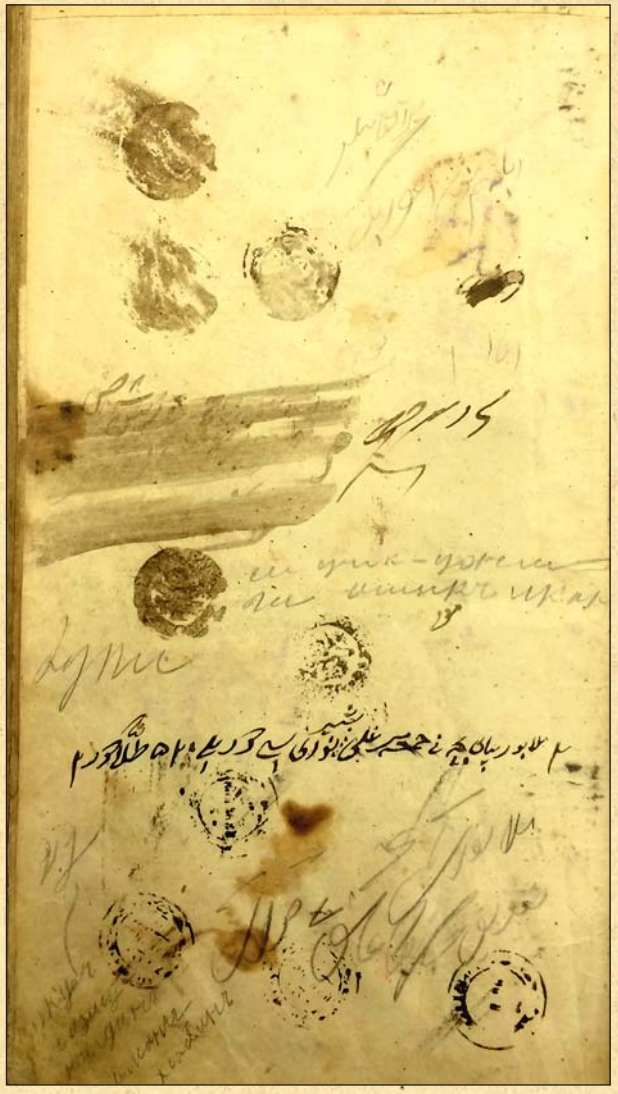
خدایا مسلم خدالیق سنکا * بر اوشه که دأبی کدالیق سنکا

Колофон (л. 411) написан словами: 22 сефера 1188/3 мая 1774 г. в г. Яркенд (یارکنـــد).

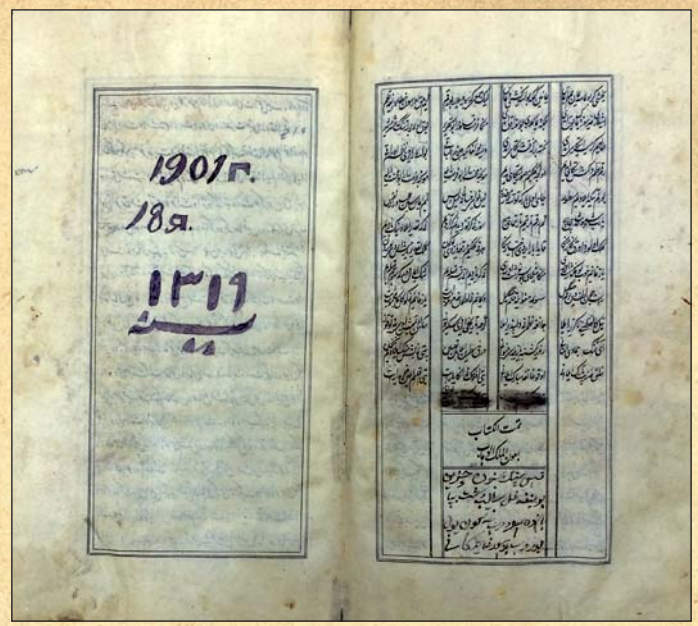
Переписчик Мухаммед-Хасан б. Мухаммед-Иман (محمد حسـن ابـن محمد امان).

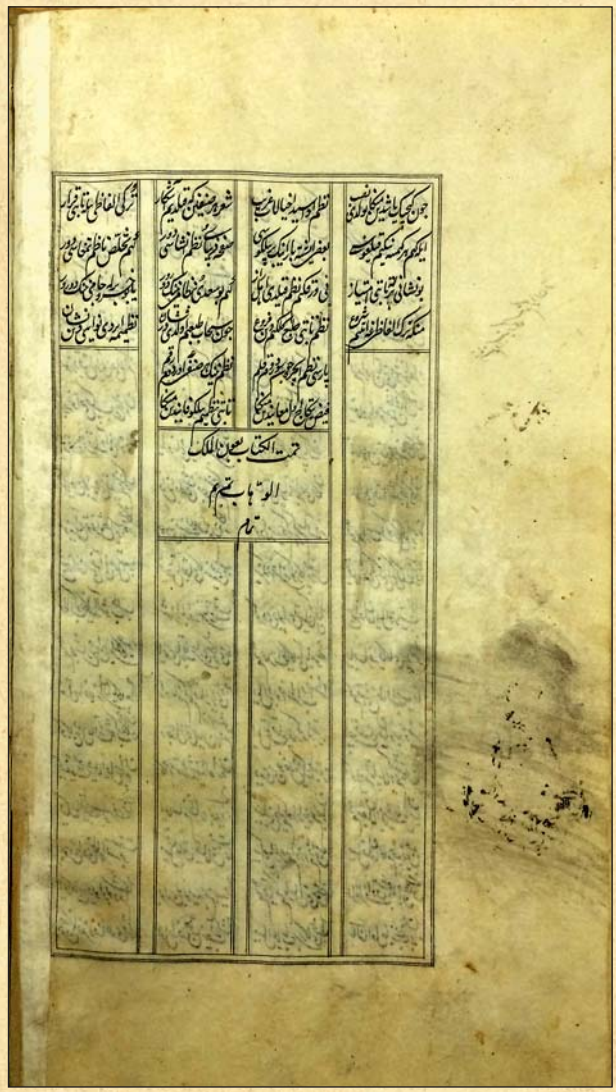
Печати:

1. Круглая с трехлучевой короной-отростком вверху и легендой «Хаджи Расуль амин» (лл. 51, 109, 411).
2. Восьмиугольная с легендой «Хаджи Баки бин Абд-Нафи» без даты (лл. 51, 109, 192 — дважды, 243, 312, 411 об.).
3. Восьмиугольная, с плохо читаемой легендой «баки асл... Хусейн б. Йахйа... талиб латыф...» (лл. 2, 51, 109, 192, 243, 311 об.).
4. Фестончатая с легендой «Мюрид-и хваджа Исхак Йангураи Ходжам Назар хваджа ибн Нийаз» и датой 1186/1772—1773 гг. (лл. 51, 109, 192, 243, 312). Речь, безусловно, идет о мюриде известного «черногорского» («каратаглы») ходжи Мухаммад-Исхака Вали (ум. 1008/1599), сына Махдум-и Азама, основавшего особую ветвь суфийского ордена *накшбандийе-ходжаган,* именуемую также *исхакийе.*
5. Овальная с легендой «Абдуху (یدی‌نجی زعای ?) бик мулла Баш» и датой 1282/1865—1866 гг. (л. 192).
6. Овальная с нечитаемой легендой (л. 109).
7. Прямоугольная с легендой «Научная библиотека Института востоковед. НКП РСФСР» и написанным синими чернилами номером 09/107719. Рядом



с печатью красным карандашом написано: «№ 126». Ниже печати штамп: «Испол» (на приплетенном л. 414 об.).
8. Прямоугольная с легендой «Научная библиотека МГИМО МИД СССР» (лл. 2, 10).
На л. 310 крупная надпись черными чернилами: 1901 г. 18 я. سنه ۱۳۱۹
На л. 312 крупная запись черными чернилами о покупке рукописи за 25 рублей серебром.





Эй яхши отинг биласароғоз,
Анжомиғаким етар ҳар оғоз.

Эй сендин улус хужаста фаржом,
Оғозингга ақл топмай анжом.

Эй ақлға фоизи маоний,
Боқийсену борча халқ фоний.

Эй элга адам бақони айлаб,
Зотингға фанони фони айлаб,

Эй илмингға ғайб сирри маълум,
Мавжудсен, ўзга борча маъдум.

Эй йўқ қилибон адамни будунг,
Йўқлуғни адам қилиб вужудунг.

Эй ҳуснни дилпазир қилғон,
Эл кўнглин анга асир қилғон.

Эй ҳуснға айлаганни шайдо,
Мажнунлуғ ила қилиб ҳувайдо,

Эй ишқ ўтин айлаган жаҳонсўз,
Ҳар бир шарарини хонумонсўз,

Эй ўртаб ул ўтқа хонумонлар,
Не хону не монки, жисму жонлар,

Эй кимники айлабон париваш,
Мажнун анга юз асири ғамкаш,

Эй кимни қилиб париға Мажнун,
Ашки суйин оқизиб жигаргун.

Измученный в цепях любви! Таков
Железный звон и стон твоих оков:
Жил человек в стране аравитян,
Возвел его народ в высокий сан.
Он был главою нескольких племен,
И справедливым был его закон.
Он бедным людям, чей удел суров,
Предоставлял гостеприимный кров,
Их ожидал всегда накрытый стол,
Всегда подвешен был его котел,
Весь день, всю ночь пылал его очаг,
Огонь сиял у путника в очах, —
Сиял он путеводною звездой
Застигнутым пустынной темнотой.
Искусство щедрости его влекло,
И превратил он мудрость в ремесло.
Его стадам подобных в мире нет:
Баранов сосчитать — цыфири нет,
Всех знаков чисел не хватило б нам,
Чтоб счет вести верблюдам и коням.
Но только сына старцу не дал рок,
На горькую печаль его обрек.
Он всем владел, а жаждал одного:
Чтоб милый сын родился у него,
Чтоб не слабела с бренной жизнью связь, —
И жаждал крепче, старше становясь.

Перевод С. Липкина

2

اگر عمر یابم دم دیر زیست
بود همدمم حور رضوان بهشت

دران محفل بزم صفا روز و شب
ز جبریل خوانند قرآن ادب

بران اعتقادم که انجام کار
نباید ازو جز بدان آشکار

وگر با بلاها گهر تابناک
فتد خاک بیقدر بر روی خاک

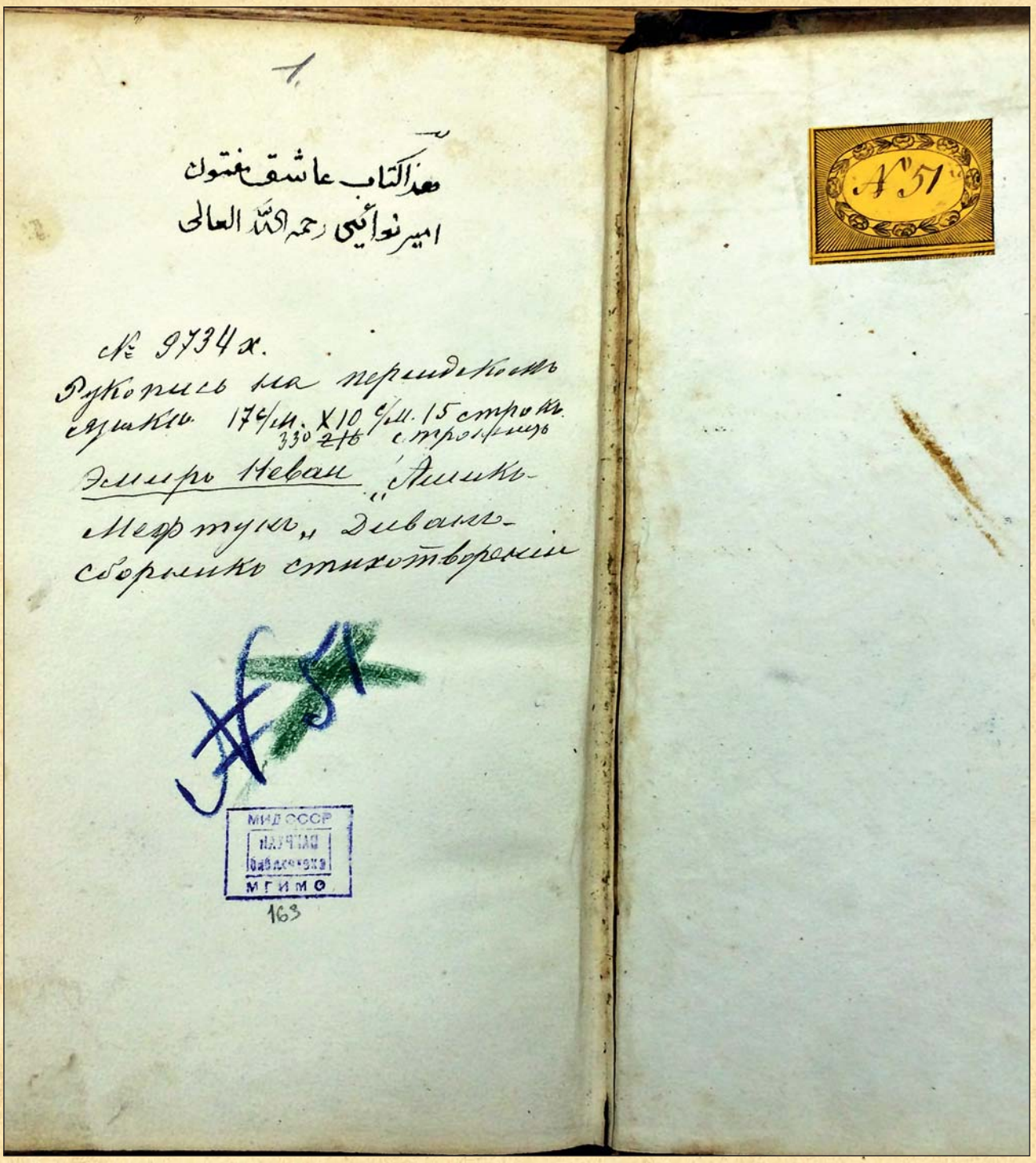
بدانم که بر همت نشیند غبار
ز خاکش برآید سنه اعتبار

چه از خاک خیزد همان گوهر است
شهانرا فرازنده افسر است

Шифр отсутствует. Инв. № 163.
Диван.
Переплет комбинированный, изготовлен по европейскому образцу с использованием старых оригинальных среднеазиатских крышек (картон, оклеенный зеленой бумагой). На крышках *мурундж* со «спутниками».
Размер 14 × 23,8 см.
Объем 207 листов.
Бумага оригинальной части (лл. 10—165) среднеазиатская, без филиграней. Лл. 1—9 и 166—207 русской бумаги, подплетены позже — видимо, одновременно с изготовлением переплета. Лл. 23 об. и 24 чистые.
Чернила черные.
Текст. 10, 12, 15 строк на странице. *Хафизы*. На лл. 26—149 об. в рамке размером 7,5 × 15 см. Внешняя линия рамки красная, внутренние — золотая и голубая. Карандашная нумерация до л. 166 (начало подплетенной русской бумаги).
Почерк *насталик*.
Начало (л. 24 об.):

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدا
یار عکسین میده کور دیب جامدین چیقتی صدا

Печати:
Круглая с плохо читаемой легендой عبد خدای یوسف («Раб Господа Йусуф») и датой 1224/1809—1810 гг. или 1324/1906—1907 гг. (л. 45, 165 об.). Вторая дата более вероятна.
Прямоугольная с легендой «Научная библиотека Института востоковед. НКП РСФСР» и написанным синими чернилами номером 9 107 675. Рядом с печатью красным карандашом написано: «№ 82». Ниже печати штамп «Испол» (л. 166).
Прямоугольная с легендой «Научная библиотека МГИМО МИД СССР» (л. 1).
Колофон (л. 165 об.) дает дату переписки 1217/1802—1803 гг.
Дефекты. Лл. 10 и 50 подвергались реставрации.



НКП РСФСР
Институт
Востоковедения
04
107675
Научная библиотека
N 82
Испол

یارب که عنایتینک یار ایلامنکا وللوقت عاید اینینک یار ایلامنکا
یم کهف کفایتینک دار ایلامنکا یم درد عنایتینک تار ایلامنکا

کر عشق ایچنک مهر و وفا قیلما هوس درد ایچنا دفعی غاده وا قیلما هوس
هجران وصال مطلقا قیلما هوس ولدار یکدین بخبر رضا قیلما هوس

ن روزه بولغای انکا کیم آچی بولوب آغزر دم کم اولغای آندین کلام هرزه کلام
غریب راق بولکه قیلغای بهانه بسنت که شربت ایلکای آنام ظاهر اولغای شنم
غار قیلغای رقیب یم غار اچره تحمیل ایلامکا کر غیر اولم نون طعام
چقیب غار دین اولغای طوم دین ملول بو شرط بر للکه بولغای طعام بر پاره حرام
دماغ تاپسا طویب بولوب اطعمه دین کوکلنی باغلو و خوجه اولیغا غار کبی تکام
کوزین چوچتی یانار روزه ایلکا رسنت اکر وفا ایلیر وعده ثقیل اندام
بو طرفه کیم تیلاکای بولوقدر قیاسلا که روزه تو تمامینی آنکلاغای رخو اولو ایلاغم
بو صوم ایلاکه آنی یازغای مکی جزم زهر مکک و شن صایم زهر خسته صیام
نوایا ایرور آرتوق کمال ایچمکدین بیلاکه ایتی نی بیماری زهرین ایلاکی آشام
شد بتوفیق خدای لایزال این کتابت بپکای ده شنبه تمام
هر که خواند دعا طمع دارم زانکه من بنده کنه کارم

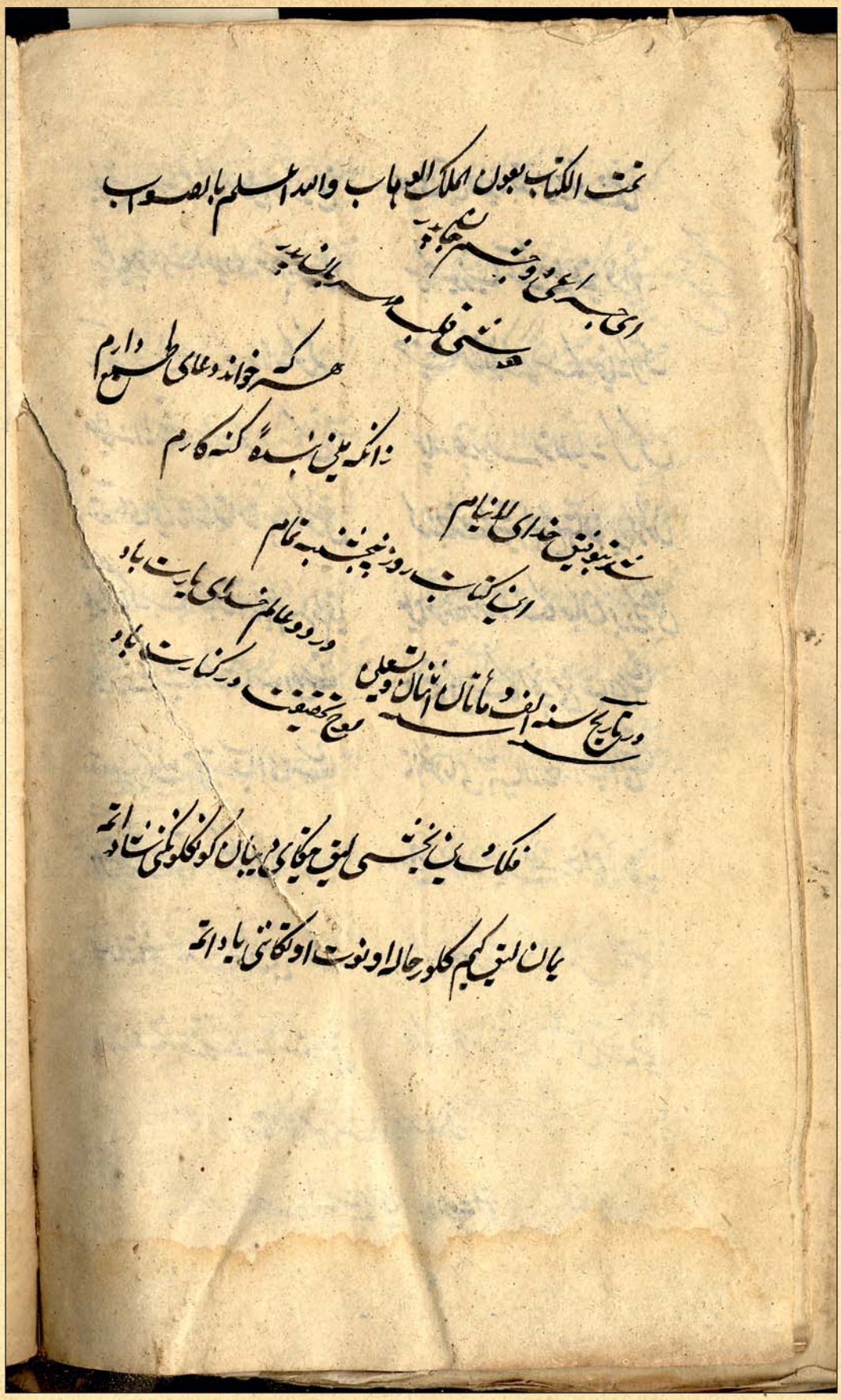
بعون الملک الوهاب
۱۱۷۰ ۱۲

Отдел письменных источников Государственного исторического музея

Шифр Ф. 77, оп. 1, ед. хр. 177.
Диван.
Переплет картонный, оклеен светло-коричневой кожей.
Размер 12 × 18 см.
Объем 63 листа.
Бумага русская, разных сортов, лл. 33 и 34 — среднеазиатская бумага.
Чернила черные, красные.
Текст в грубой рамке (красная, черная). 13—18 строк на станице. *Хафизы.*
Почерки: *насх, насталик.*
Начало (л. 35 об.):

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدا
یار عکسین میده کور دیب جامدین چیقتی صدا

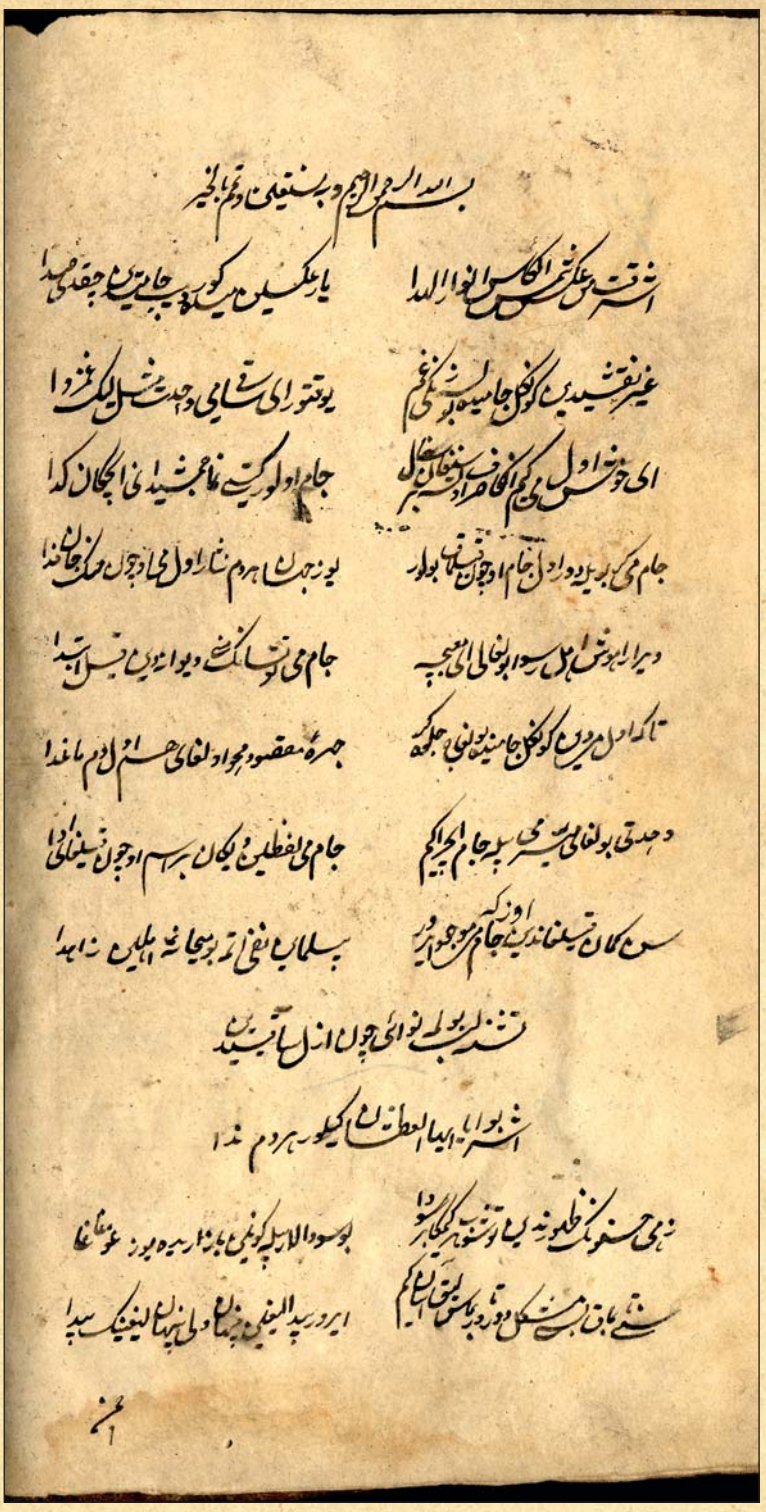
Между л. 28 и 29 закладка — перо фазана и остатки калама.
Дата переписки не указана. По почерку и бумаге — вторая половина XIX в.
Упоминания рукописи: Зайцев, 2004, с. 27, № 33.



Шифр Ф. 77, оп. 1, ед. хр. 224.
Диван.
Переплет картонный, грубо оклеенный единым куском серо-коричневой кожи.
Размер 16 × 26,5 см.
Объем 144 листа.
Бумага среднеазиатская, лощеная, без филиграней. Есть следы разлиновки транспарантом (*мистар*) размером 10,5 × 21 см.
На л. 1 — благопожелание читателю на узбекском языке.
На л. 3 переписчик начал писать текст «вниз головой», но, дойдя до трети листа, остановился.
Начало (л. 4 об.):

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدا
یار عکسین میده کور دیب جامدین چیقتی صدا

Почерк *насталик*.
Текст в две колонки, без рамки, 13 строк на странице. *Хафизы*
Чернила черные.
Дефекты: Л. 33 — отсутствует верхняя половина. Лл. 34—38 вырваны почти целиком (сохранились небольшие фрагменты у нижнего края переплета). Лл. 50, 120 надорваны. Лл. 121—137 разорваны, лл. 121—128 вырваны и отделяются от блока. Отсутствует лист между лл. 127 и 128. Л. 128 почти полностью уничтожен, остался небольшой фрагмент у нижней части переплета. Л. 106 чистый (переписчик продолжил работу с того же слова на л. 106 об.). Лл. 137—144 чистые.
Колофон на л. 136 об. дает дату 1292/1875—1876 гг. Дата написана по-арабски словами, но не совсем грамотно. Указано, что переписка закончена в четверг.



Зиҳе ҳуснунг зуҳуридин тушуб ҳар кимга бир савдо,
Бу савдолар била кавнайи бозорида юз ғавғо.

Сени топмоқ басе мушкилдурур, топмаслиғ осонким,
Эрур пайдолиғинг пинҳон, вале пинҳонлиғинг пайдо.

Чаман оташгаҳига оташин гулдин чу ўт солдинг,
Самандардек ул ўтдин кулга ботти булбули шайдо.

Не ишка бўлди беором кўзгу аксидек Мажнун,
Юзи кўзгусида аксини гар кўргузмади Лайло.

Қуёшқа гаҳ қизармоқ, гоҳе сарғармоқ эрур андин
Ки, сунъунг боғида бор ул сифат юз минг гули раъно.

Недин юз гул очар ишқ ўтидин булбул каби Вомиқ,
Вомиқ Юзингдин гар узори боғида гул очмади Азро.

Каломингни агар Ширин лабида қилмадинг музмар
Недин бас лаъл ўлур Фарҳоднинг қон ёшидин хоро.

Жамолинг партавидин шамъ ўти гар гулситон эрмас,
Недин парвона ўт ичра ўзин солур Халилосо.

Малоҳат бирла туздунг сарвқадлар қоматин, яъни
Ки, мундоқ зеб бирла ул алифни айладинг зебо.

Қаноатнинг далилин инзиво қилдинг яна бир ҳам
Далил ушбуки қониъ ҳарфидин халқ айладинг анқо.

Навоий қайси тил бирла сенинг ҳамдинг баён қилсун,
Тикан жаннат гули васфин қилурда гунг эрур гўё.

Над бездной между двух миров мелькнула тень красы твоей,
И на базаре бытия тоска смутила всех людей.

За покрывалом тайны ты, но лишь откинешь свой покров,
В тоске влюбленные глядят на ту, что всех светил ясней.

Когда над капищем лугов твой лик прекрасный засверкал,
Как саламандра, запылал к тебе любовью соловей.

Зачем от зеркала Меджнун безумных не отводит глаз,
Когда в прозрачной глубине не видит он Лейли своей?

Что для Вамыка сотни дев, открывших лица перед ним,
Ведь не открылась перед ним Азра, что всех ему милей!

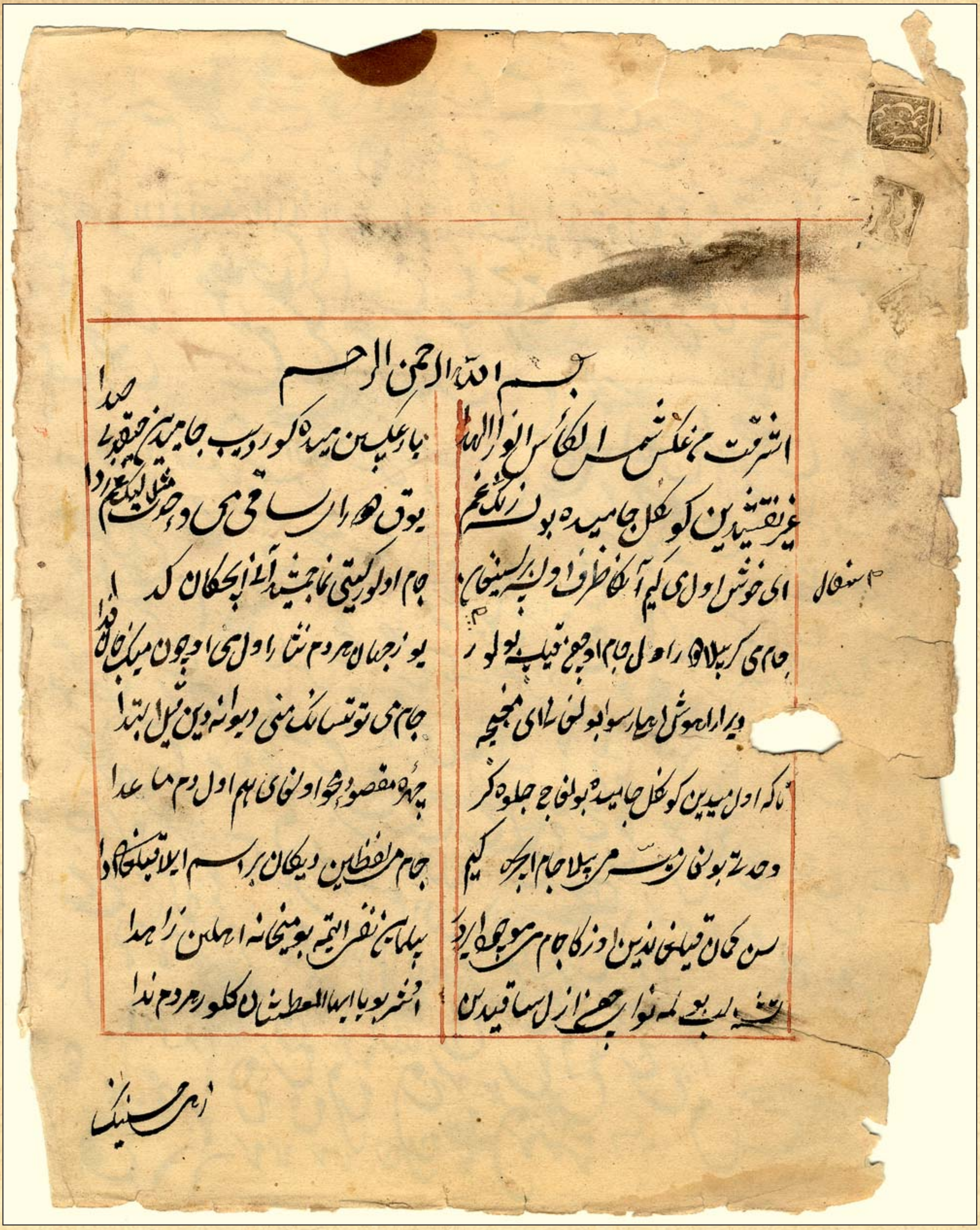
О, если б вовремя Фархад узнал бы о любви Ширин,
Своею кровью на горах он не окрасил бы камней.

Желтеет солнце, а потом, стыдясь, краснеет потому,
Что ты взрастила сотни роз, и солнца каждая светлей.

Когда б не обратила ты в пылающий цветок свечу,
Зачем бы страстный мотылек сгорал в огне ее лучей?

Когда бы стал каламом шип и розу рая описал,
О Навои! тогда б немой заговорил, запел о ней!

Перевод Н. Лебедева



بسم الله الرحمن الرحيم

اشربت مى عكس شمس الكاس انوار الهدى
يار عكسين بيرده كورديب جاميدين چيقدى صدا

غير نقشيدين كونكل جاميده بولسون رنك نجم
يوق هوا ساقى مى وحدت مثلى كيم ادا

اى خوش اول ايكيم آنكا ظرف اولسه سينيجان
جام اولكو گيتى نما جمشيد آنى ايلكان گدا

جامى كربلادا راه ال جام ادچوع تيلبه بولور
يوز جهان هر دم نثار اولسه اى ادچون مينك جان فدا

ديرار هوش ايمار سوابولغاى اى مغبچه
جام مى توتسانك منى ديوانه دين قيل ابتدا

تا كه اول ميدين كونكل جاميده بولغاچ جلوه گر
چهره مقصود شو اولغاى هم اول دم ما عدا

وحدت بولغاى ميسر بيلا جام ابجك كيم
جام مى لفظين ديكان بر اسم ايلا قيلغاچ ادا

سن كاه تيلسنك ندين ادزكا جام سوجه ارك
بيلماس نقر اينهم بو ميخانه اهلين زاهدا

... ادب بيله نوايى ازل ساقيدين
اشبر بو يا ايها العطشان كلو هردم ندا

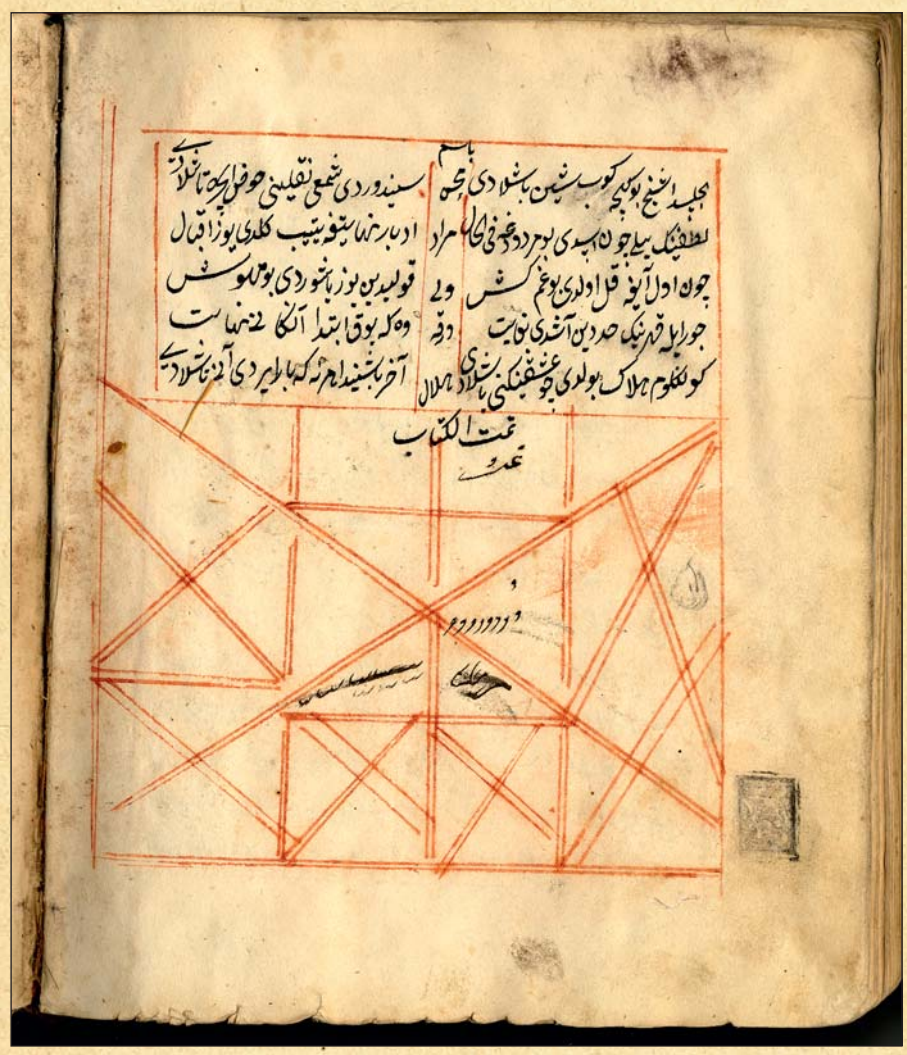
استقلال

اى حسينا

Шифр Ф. 77, оп. 1, ед. хр. 232.
Диван.
Переплет картонный, склеен из ветхих рукописей с остатками рукописного коранического текста, оклеен черной кожей.
Размер 17,5 × 21 см.
Объем 169 листов.
Бумага русская, с двумя штемпелями: фабрики Рейнера (Клепиков, 1959, с. 107) и двуглавым орлом (Клепиков, 1959, с. 110, № 217). Дата по штемпелям — 1860-е гг. Лл. 41—42 европейской бумаги другого сорта и меньшего формата. Следы транспарантной разлиновки (*мистар*) под рамку с шагом строк в 1 см.
Начало после *басмалы* (л. 3 об.):

اشرقت من عكس شمس الكاس انوار الهدا
يار عكسين ميده كور ديب جامدين چيقتى صدا

Почерк *насталик*.
Текст в две колонки, в одинарной рамке красного цвета, размером примерно 11,5 × 15 см. 15 строк на странице. *Хафизы*.
Чернила черные.



Печати:
1. Квадратная размером 1 × 1 см с легендой عبد مصود بك («Абд Масуд-бек») и датой 1320/1902 — 1903 гг. (читается неуверенно) (л. 3 об.).
2. Нечитаемая четырехугольная на л. 166 об.

Дефекты. Блок отделяется от корешка, лл. 1 и 2 отделяются от блока. На л. 1 — проба пера (отдельные арабские буквы, *басмала*, сура «ал-Ихлас» — «Очищение»). На л. 167 об. — проба пера. На л. 43 переписчик переписал всю страницу «вверх ногами» по отношению к листу 42, потом зачеркнул переписанный текст и на л. 43 об. начал переписку снова с *хафиза* на л. 42. Текст заканчивается на л. 167 об.
Колофон не сообщает даты и имени переписчика (только сообщает, что «книга закончена»).

و به نستعین

بسم الله الرحمن الرحیم

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدی — یار عکسین میدا کوریب جامین جیقدی صدا

غیر نقشی دین کونکول جامیدا بولغاچ زنگ غم — یوقتورای ساقی می وحدت مثل لیک غمزدا

ایچونش اول می کیم انکا ظرف اولسه بر سنیغان سفال — جام اول لوکیتی نما جمشید آنی ایچکان گدا

جام می کر بولیه دور اول جام اوچون تیلسه بولور — یوز جهان هر دم نثار اول می اوچون منکا جان فدا

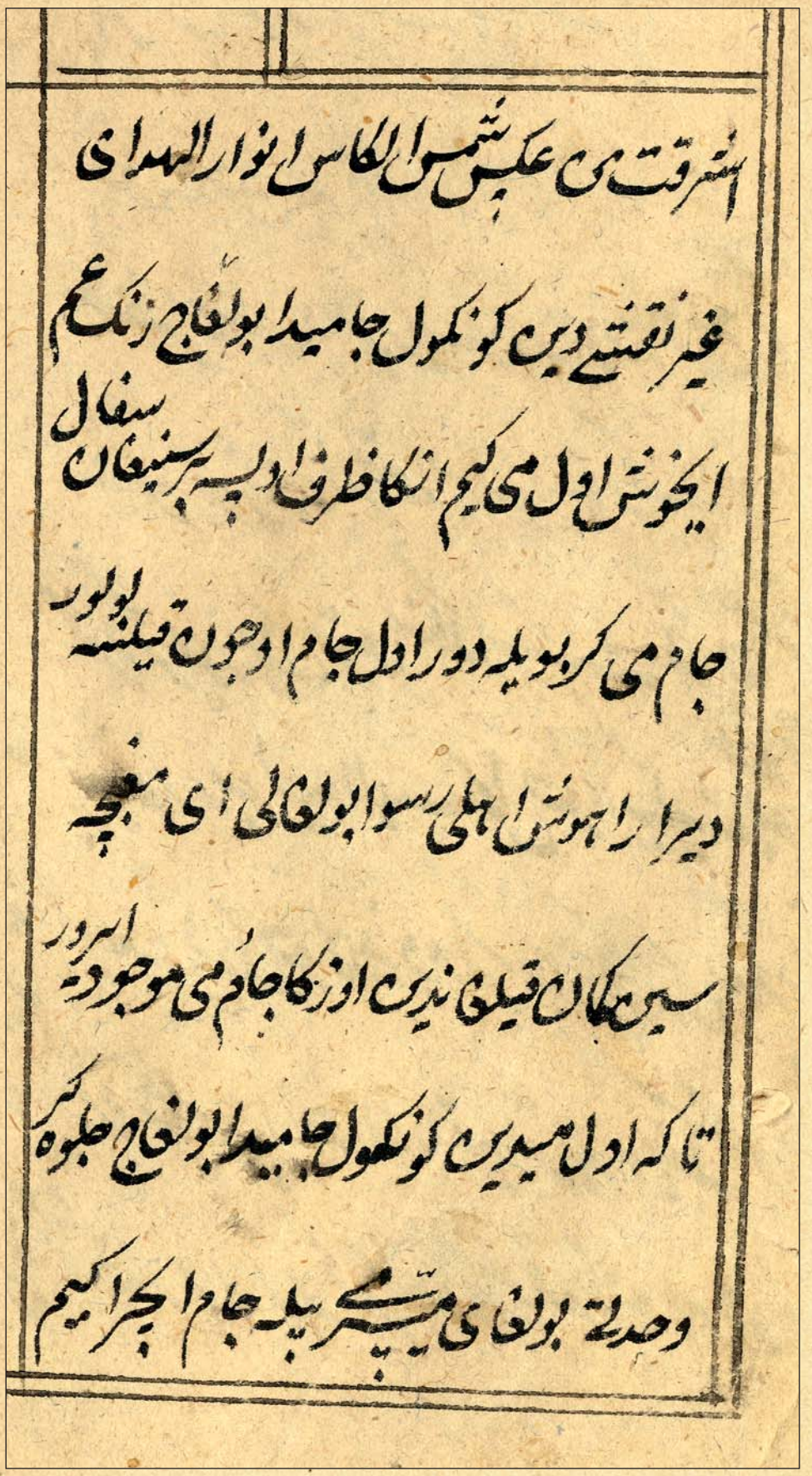
دیر ارا هوش اهلی رسوا بولغالی ای مغبچه — جام می توتسانک مین دیوانه دین قیل ابتدا

سین کمان قیلی ندین اوزکا جام می موجود سرور — بلمایین نفی ایتمه بو میخانه اهلین زاهدا

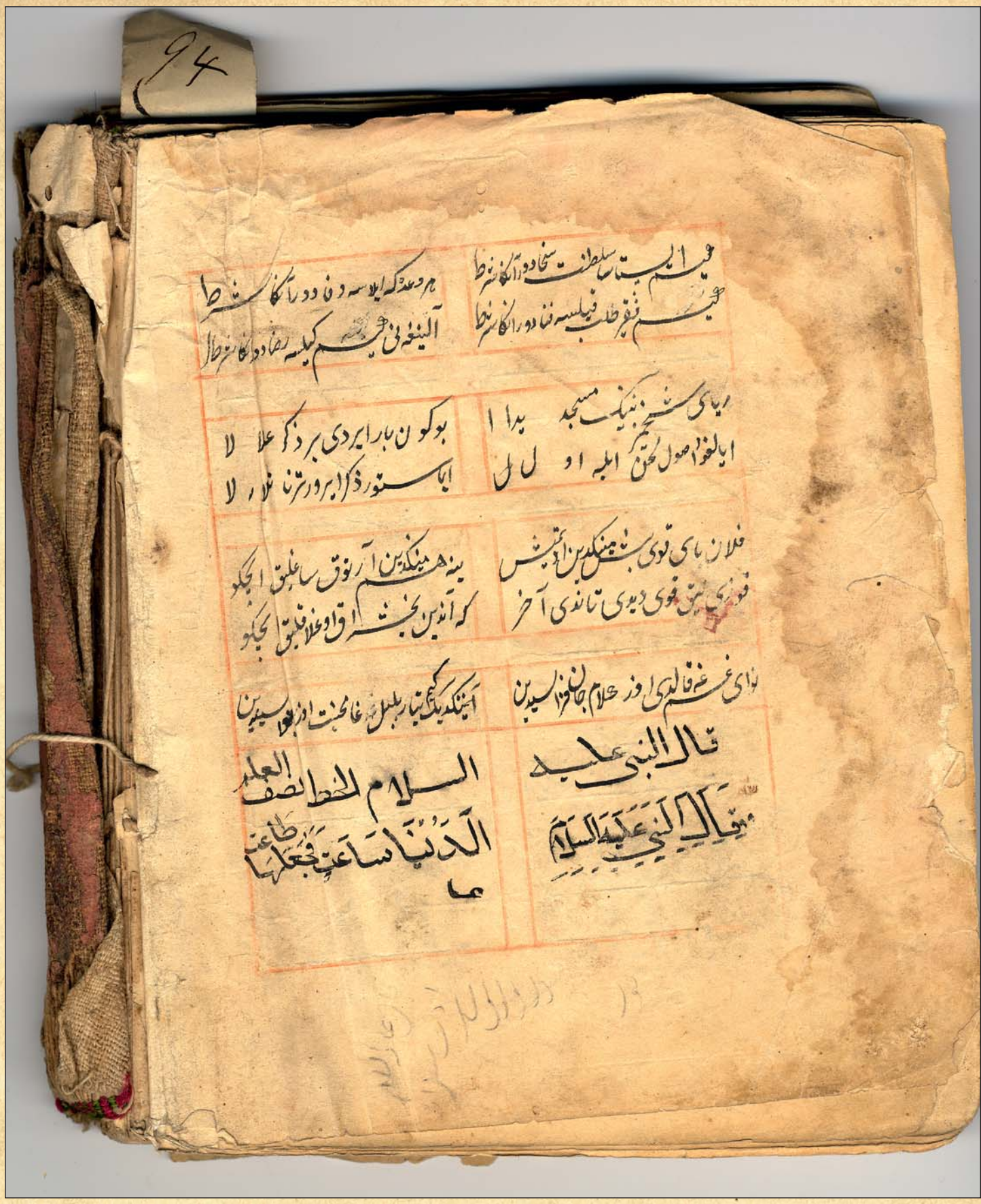
تا که اول میدین کونکول جامیدا بولغاچ جلوه گر — چهره مقصود محو اولغای همولدم ماعدا

وحدة بولغای میسر بیله جام اچرا کیم — جام می لفظین دیکان برآسم ایله قیلغای ادا

تشنه لب



Шифр Ф.77, оп. 1, ед. хр. 268.
Диван.
Переплет картонный, оклеен розоватой кожей, коричневый кожаный корешок пришит грубыми нитками.
Размер 17,5 × 21,5 см.
Объем 259 листов (по музейной нумерации включает обе крышки переплета).
Бумага русская, с двумя штемпелями — Невской фабрики в Санкт-Петербурге (Клепиков, 1959, с. 105) и Тальской фабрики в Симбирской губернии (Клепиков, 1959, с. 109). Бумага дает датировку — 1850-е гг.
Почерк *насталик*.
Чернила черные.
Текст в двойной черной рамке размером примерно 12 × 14 см. 11 строк на странице. *Хафизы*. Лист 85 — вкладной (проба пера).
Начало после *басмалы* (л. 5 об.):
اشرقت من عکس شمس
الکاس انوار الهدا
یار عکسین میده کور دیب
جامدین چیقتی صدا
Дефекты. В конце рукописи не хватает одного — двух листов; последние стихи двустишия с рифмой на букву «кяф». На л. 258 об. — стандартные начала *матна* хадисов (قال النبی علیه السلام).
Печать овальная, размером примерно 1,5 см. по длинной стороне лл. 2 об., 3, 10 с легендой عبده قلیچ نیاز («Благочестивый Кылыч Нияз»).



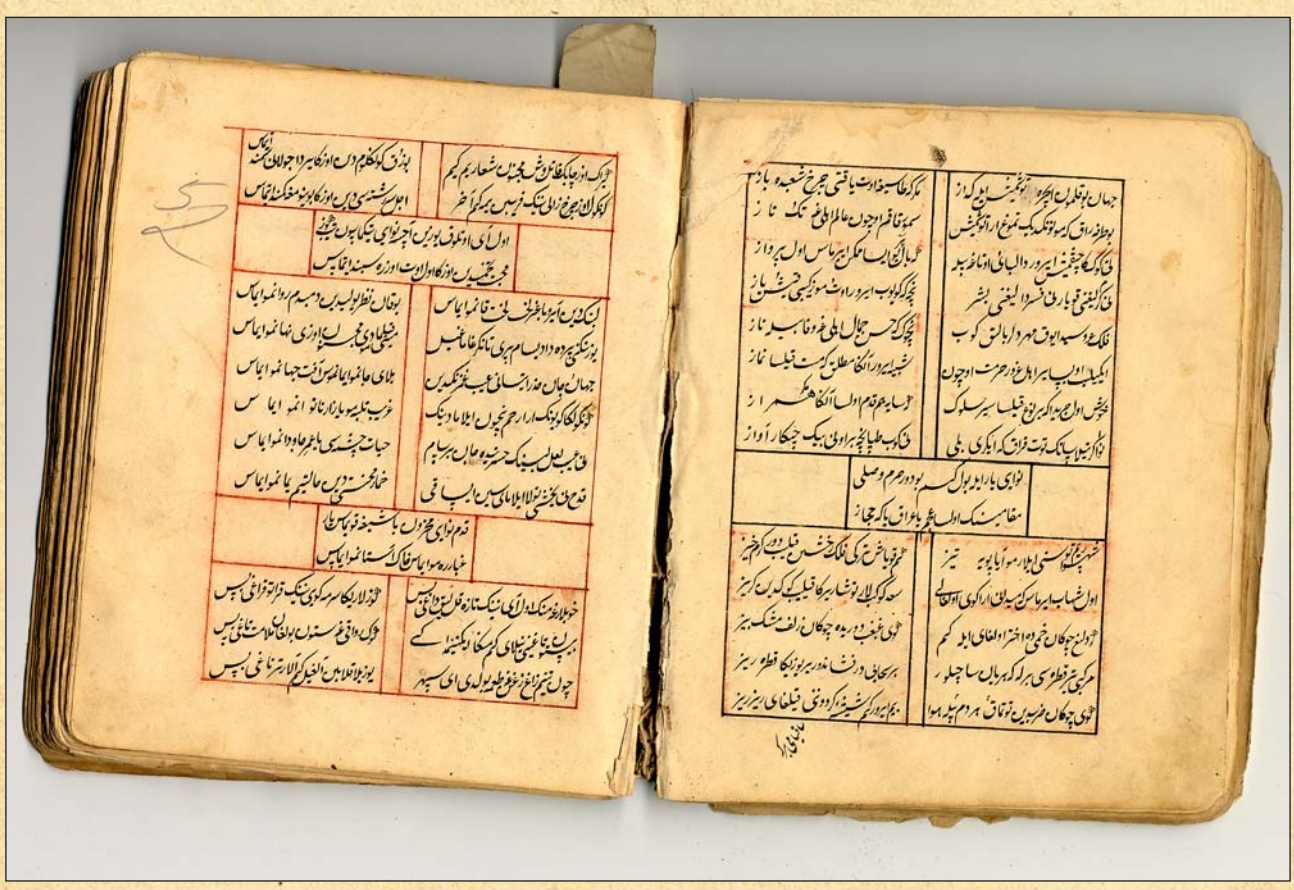
Шифр Ф.77, оп. 1, ед. хр. 279.
Диван.
Переплет утрачен; сохранился лишь кожаный корешок. Не хватает первого листа (судя по тому, что остался значительный фрагмент текста с рифмой на *алиф*).
Размер листа 17,5 × 21,4 см.
Объем 147 листов плюс вставной лист со стихами другого поэта.
Две части (л. 1—51 — текст в черной рамке) и (л. 52—147 — текст в красной рамке) переписаны одной рукой. Первая часть (л. 1—51) заканчивается рифмой на букву *зе*. Вторая часть начинается с рифмы на *син*.
Бумага обеих частей русская, со штемпелем (двуглавый орел).
Текст в две колонки, в красной рамке размером примерно 11 × 15 см. 15 строк на странице. *Хафизы*. Листы не нумерованы.
Чернила черные.
Почерк *насталик*.
На вложенном в рукопись листе (л. 136) черными чернилами записан какой-то рецепт из гвоздики, фиалки, имбиря, шафрана и проч. (с мерами в мискалях), а также проба пера с обращением к некоему Абд ар-Рахману.
Дефекты. Судя по *хафизам*, между лл. 51 и 52 имеется лакуна; не хватает части текста после л. 146. На л. 147 текст переписан «вниз головой».
Колофон отсутствует.
Вместо колофона крупным почерком *насх* записано два *хадиса* на арабском языке:

قال النبى عليه السلام الخط نصف العلم

(«Сказал Пророк, мир ему! Письмо — половина знания») и

قال النبى عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة

(«Сказал пророк, да будет над ним мир! Эта жизнь есть час, употребляйте ее на служение (Богу)».
Рукопись датируется началом XX в.



Дозв. Цензур. С. Петербургъ 1896 г.
г. Ташкентъ лит. п. ф. Брейденбахъ

« ترجمان » مشتریلرینه هدیه‌در.

چل حدیث

ЛИТОГРАФИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ

این نسخه چل حدیث مع ترجمه مولوی جامی
و امیر علی شیر نوائی در باغچه سرای باهتمام
اسماعیل بک غصپرینسکی محرر و ناشر جریده ترجمان
در مطبع خود بزیور طبع آراسته گردید

قرق حدیث

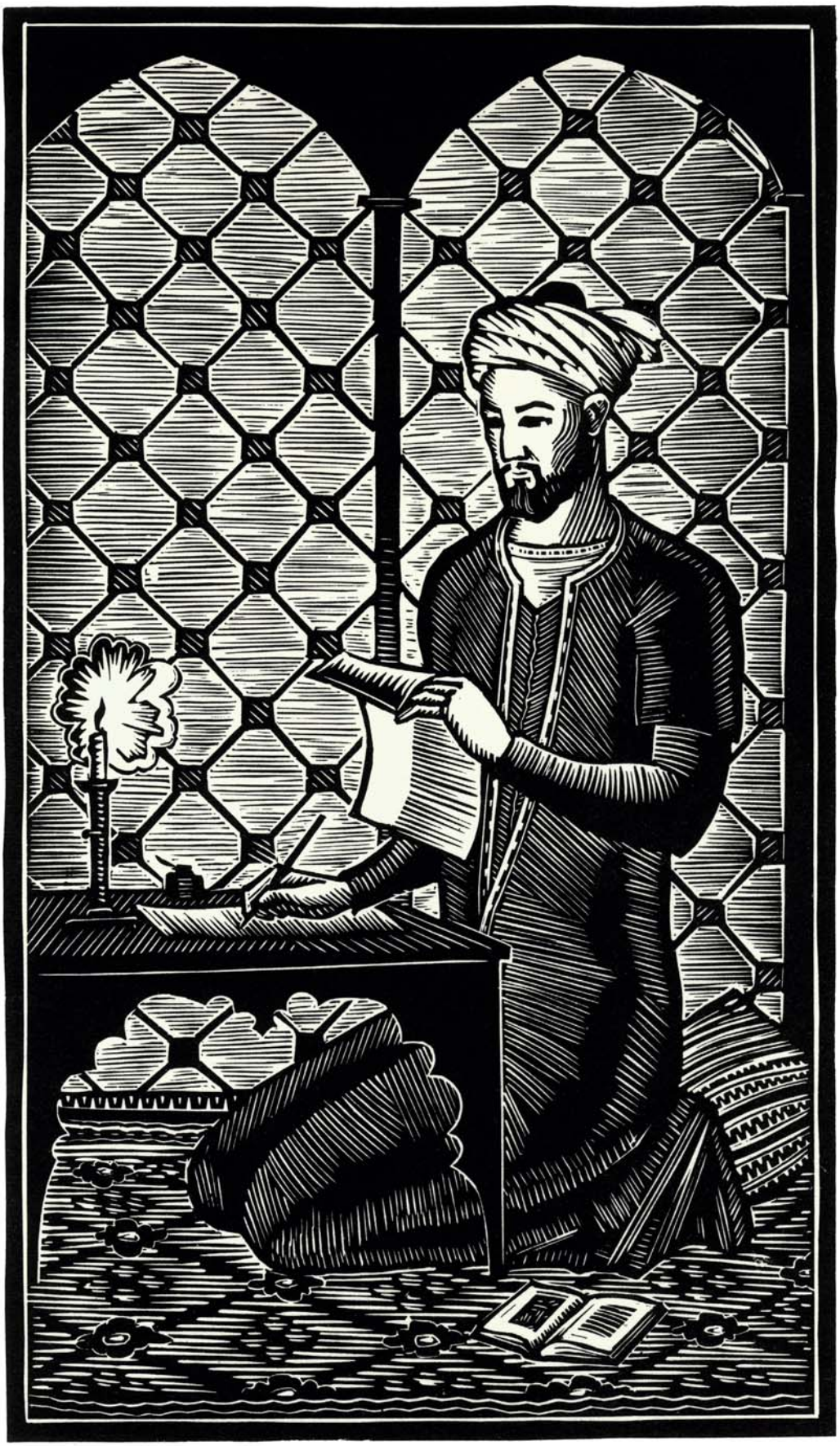
مولوی جامی حضرتلرینك فارسی یه و
میر علی شیر نوایی نك ترکی یه ترجمه لری
ایله

محرر و ناشر جریدهٔ "ترجمان"
اسماعیل بك غصپرینسکی

همنی ایله شهر بغچه سرایده نشر اولوندی.
هجریه ۱۳۲۵ - ۱۹۰۷ میلادیه

"ترجمان" جریده سنك الکتریق باصمخانه سی

Безплатное приложеніе къ 77 номеру газеты «Перекодчикъ»



Российская государственная библиотека

Мир Али шир Новои
У/3б 2/40 Ф 1-76/13275
М.Г.Н.М.
Диваны

الحمد لله والمنه که بو آوان سعادت اقتران

وزمان فرحت نشاندا اول نظم شاهدلارینی

جمال آراسی یعنی امیر نظام الدین علی شیر نوایی

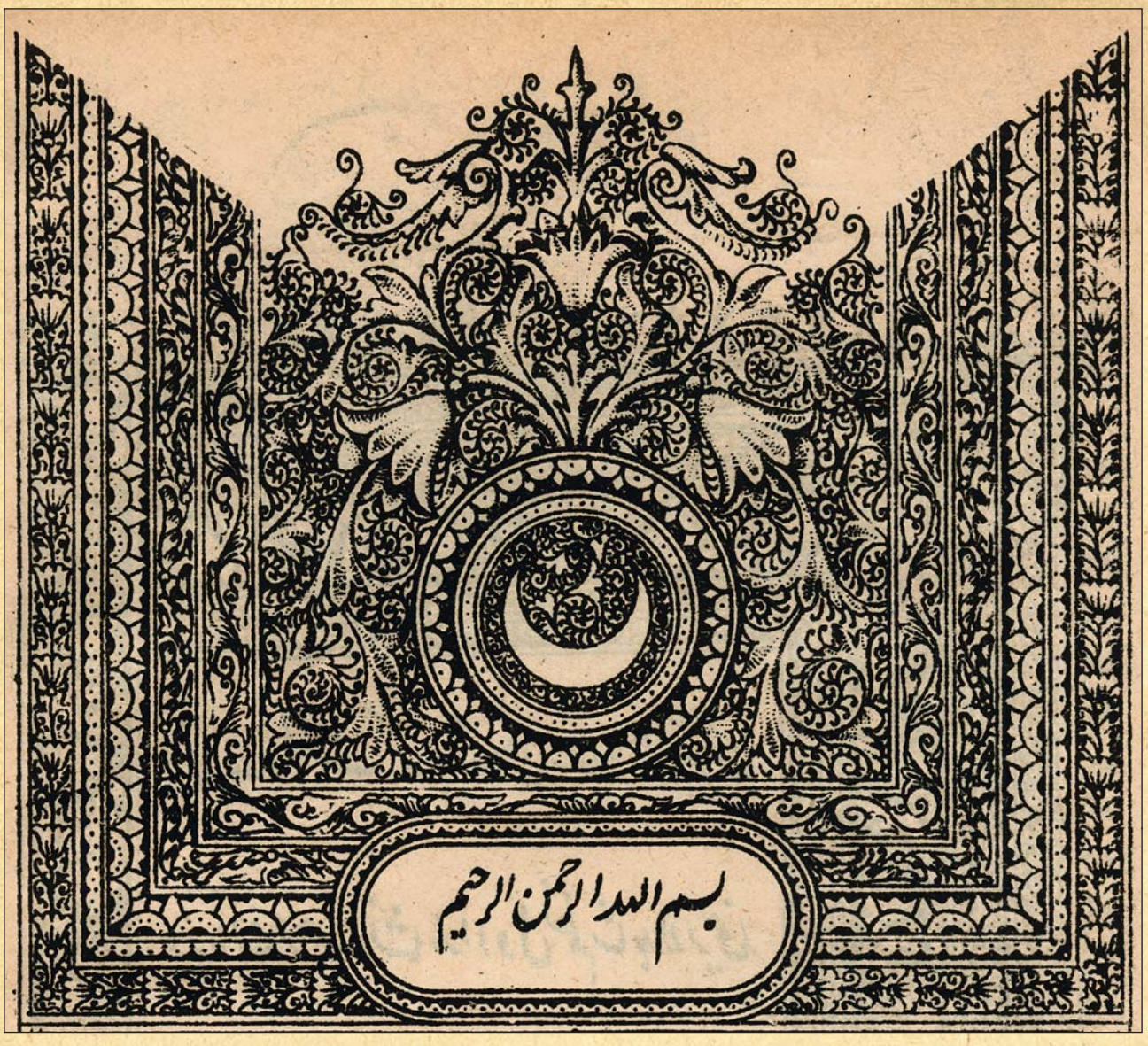
عبد النبی اوغلی

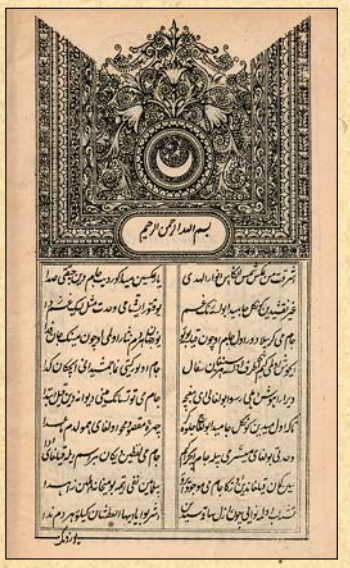
نینک دیوانلاری فضیلت پناه حاجی عبد الملک

اهتمام لاری بیلا طبع بولوندی تاشکنده کمین ایسکی

مطبعه سنده سنه ۱۳۱۱ هجریده

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 17 Января 1894 года.
Ташкентъ. Типо-Литографія Бр. Каменскихъ.





Шифр Узб 2/40.
Диван.
Размер: 15,5 × 25 см.
Объем 256 страниц.
Место издания: Ташкент.
Издательство: Типолитография братьев Каменских.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге 17 января 1894 г.
Издатель: издана на средства Хаджи Абд ал-Малика Абд ан-Наби-оглу.
Дата переписки по колофону: 15 рамазана 1311/22 марта 1894 г.
Текст был переписан после получения цензурного разрешения.

بعون صناع مکین و مکان و فضل خلاق زمین و آسمان

لله الحمد و المنه که او شبو زمان فراغت نشانده بو عروس زیبا و بو شاهد رعنا یعنی

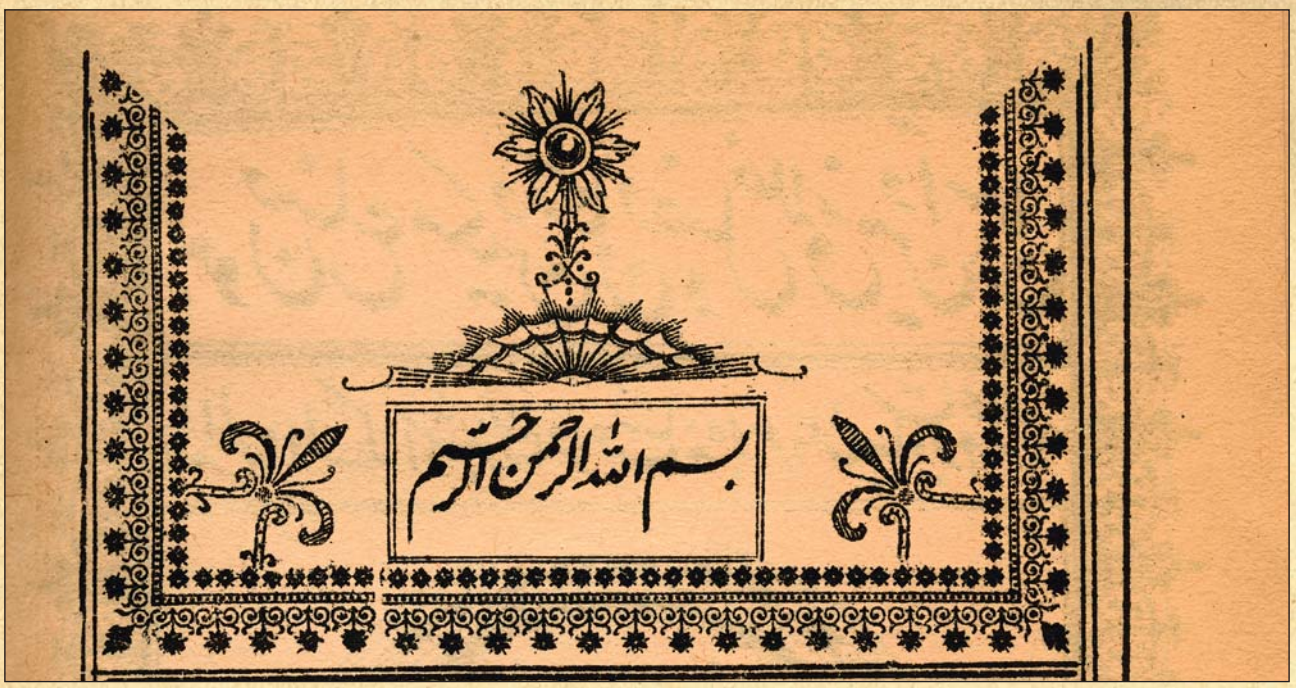
امیر نوائی

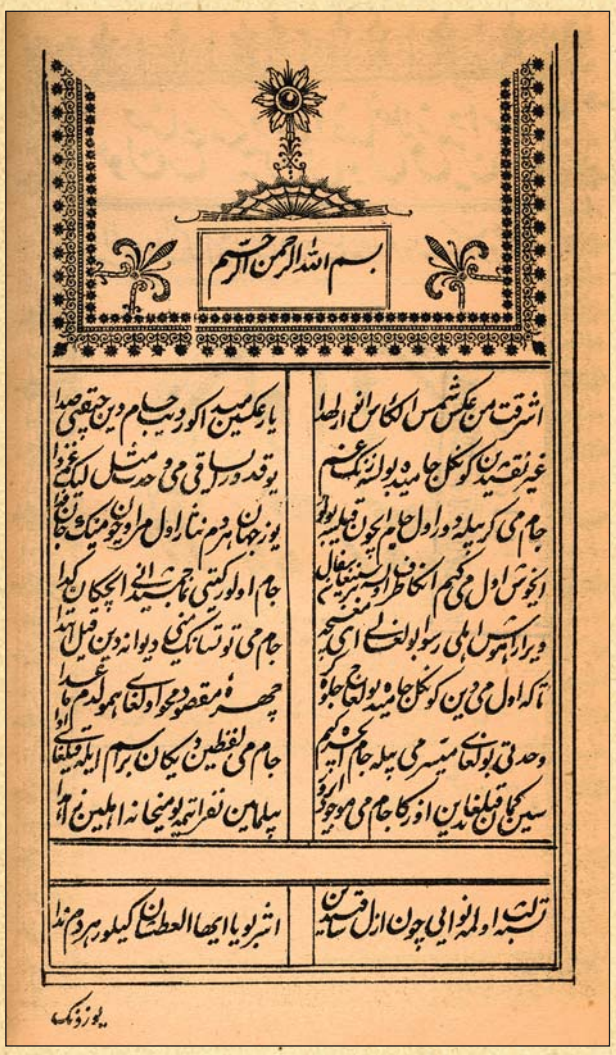
بحسب الفرمایش گرامی نیکنامی ملا غلام حسن مخدوم

در شهر تاشکند در مطبع غلامیه طبع شد

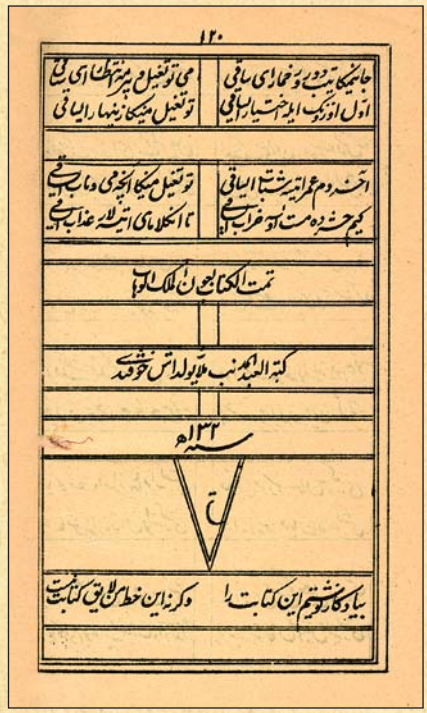
ПАРОВАЯ
ЛИТОГРАФІЯ Гуламъ Хасанъ Ташкентъ АРИФДЖАНОВА

XII-21311





Шифр Узб 2/69.
Диван.
Размер: 14 × 22,5 см.
Объем 120 страниц.
Место издания: Ташкент.
Издательство: Паровая литография Гулама Хасана Арифджанова.
Дата издания по колофону 132[0]/1902—1903 гг.
Переписчик мулла Йулдаш Хоканди.



Добыл ты много благ земных, но к новым не стремись:
Земное благо тянет вниз, святое благо — ввысь.

Алишер Навои

Юные Алишер Навои и Султан Хусайн в школе (фрагмент).
Худ. Бехзад.
Гератская школа,
80-е гг. XV в.

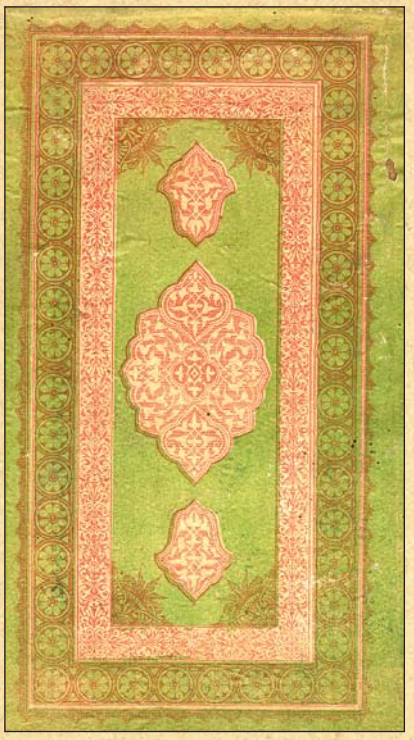
هو المستعان

لله الحمد والمنه این کتاب مستطاب مسمّی به

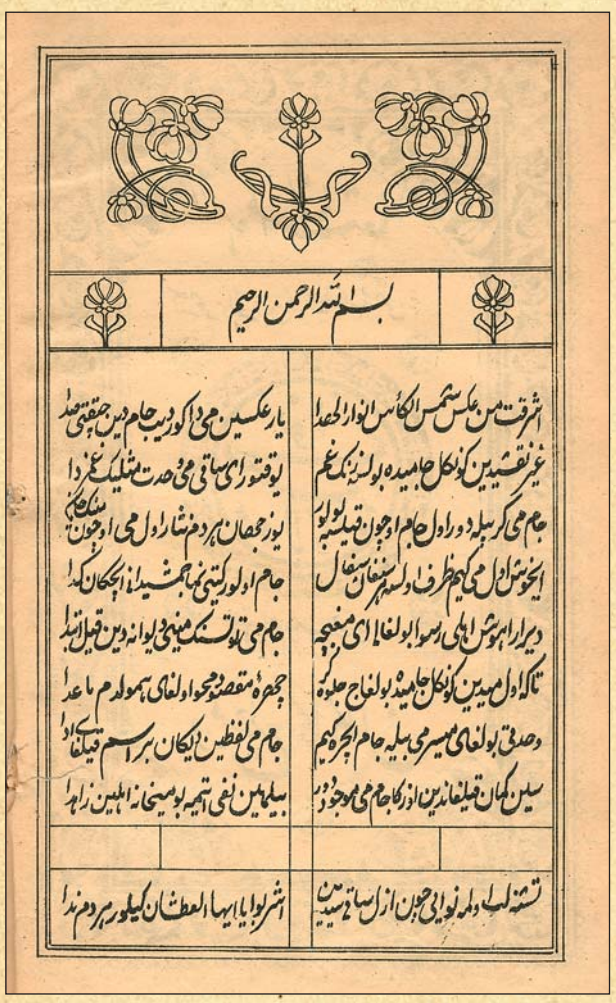
مولانا امیر نوائی

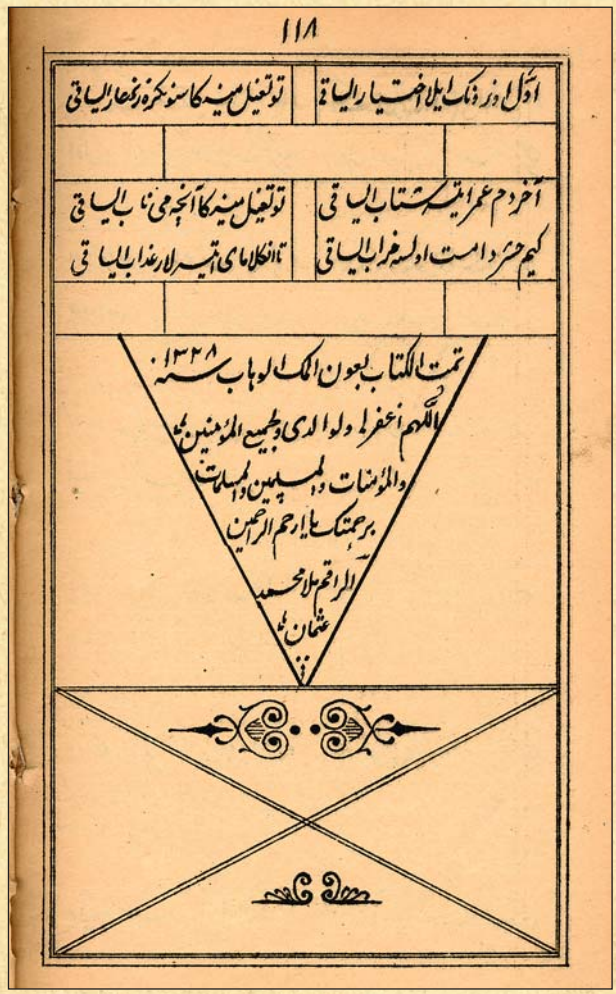
باهتمام ملا سید خواجه

در مطبع کاکان



Шифр Узб 2/99.
Диван.
Размер: 14 × 22,5 см.
Объем 120 страниц.
Место издания: Коканд, 1328/1910 г.
Издательство: «В издательстве Какан» (در مطبع كاكان).
Издатель: издана иждивением муллы Сейида Хваджи**.**
Переписчик мулла Мухаммед Усман.
На с. 119 — стихотворение (*кыта*). Форзацы оклеены страницами других литографированных изданий.





٢

بسم الله الرحمن الرحیم

ای نوبهار عارضینگ صحیفهٔ جان پرور هوا
اندین کل بلبل تاپیب نیوز برک سراسر منینک نوا

طوبی شاخ سیدره دور کونکلونگ کیاهی نیکاکیم
غسل اشک آهیدین هردم تا یار آب هوا

جون کامنی لمعات جاسین عودی مهرینک قیلغالی
درد فراق اندوهیدین کیلیور میشم ایکی جوا

قیلمای قبول ایجادینک ملکی یوق یکره ینه
مقبول ردا یلار ما لطفونکدین ادلغایمو روا

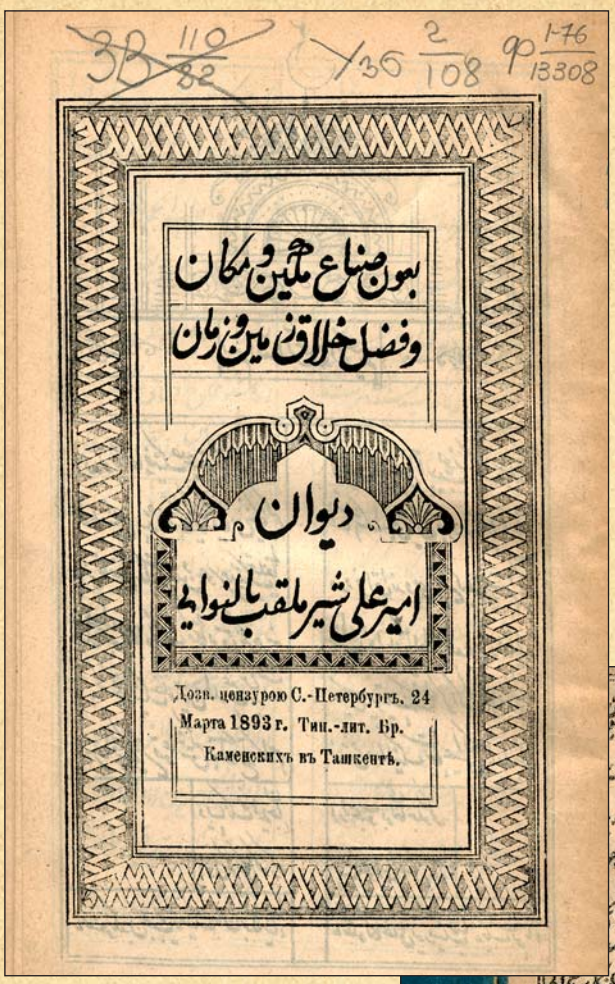
زاهد کونکل نینک خلوتین مطلوب غیریدین ارتیت
سین سیر قیلسنک قیلیل کراک کونکل دا لیو انتروا

زهر فراقینکدین قیو عاشقی بولدی تلخ کام
نوشی صبا لبینک سیما عیسی انکا تا بماس دوا

دیبا نینک نوی ای جان
اول کونکل کوزکو

ار امحبوب بولغای جلوه کر
سینه یچو ایلیه نقش ما سوا

تا صنعینکدین عجب بولدی زمینک جهان بوقلی بناء بیدا
نه ملکو نکا خلل بولدی زمینک جهان دیک لوتا پیدا



Шифр Узб 2/108.
Диван.
Размер: 13,5 × 22,5 см.
Объем 180 страниц.
Место издания: Ташкент, 1311/1893 г.
Издательство: Типолитография братьев Каменских.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге 24 марта 1893 г.

Кто правоверным хочет стать, лишь душу отдает,
Пусть знает: это так немного и почти не в счет.
Тот истинным по праву мусульманином зовется,
От дел которого в спокойствии народ живет.

Алишер Навои

**Маджлис у Навои (фрагмент).
Худ. Касим Али (?).
Герат,
конец XV — начало XVI в.**

-2-

بسم الله الرحمن الرحیم

اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدی
یار عکسین میده کور دیب جامدین چیقتی صدا

غیر نقشیدین کونکل جامیدا بولسه زنک غم
یوقتور ایسا فی می وحدت مثل لیک غم زدا

جام می کیم بیله دور اول جام اوچون قیلسه نور
یوز جهان جم نثار اول می اوچون مینک جان فدا

ای خوش اول می کیم انکا ظرف لعل اسیر سنکی
جام اولور گیتی نما جمشید انکا چاکر گدا

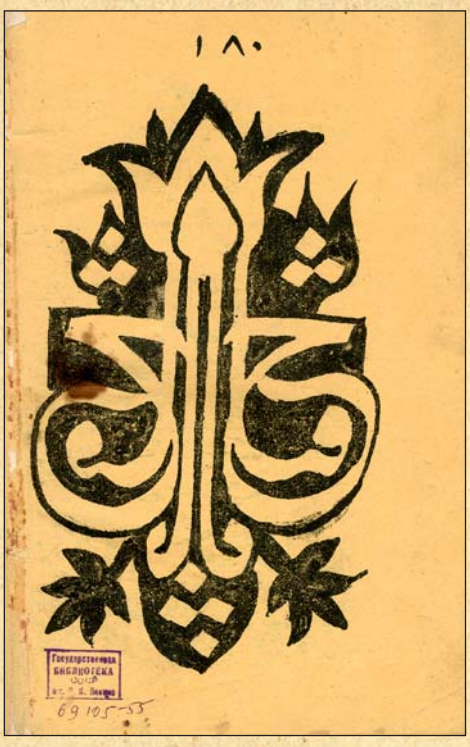
دیر ارا هوش اهلی سر ابولغالی ای مغبچه
جام می توت تا منی دیوانه دین قیل ابتدا

تا که اول می دین کونکل جامیدا ابولغاج جلوه‌گر
چهرهٔ مقصود نمود اولغای هم اولدم ماعدا

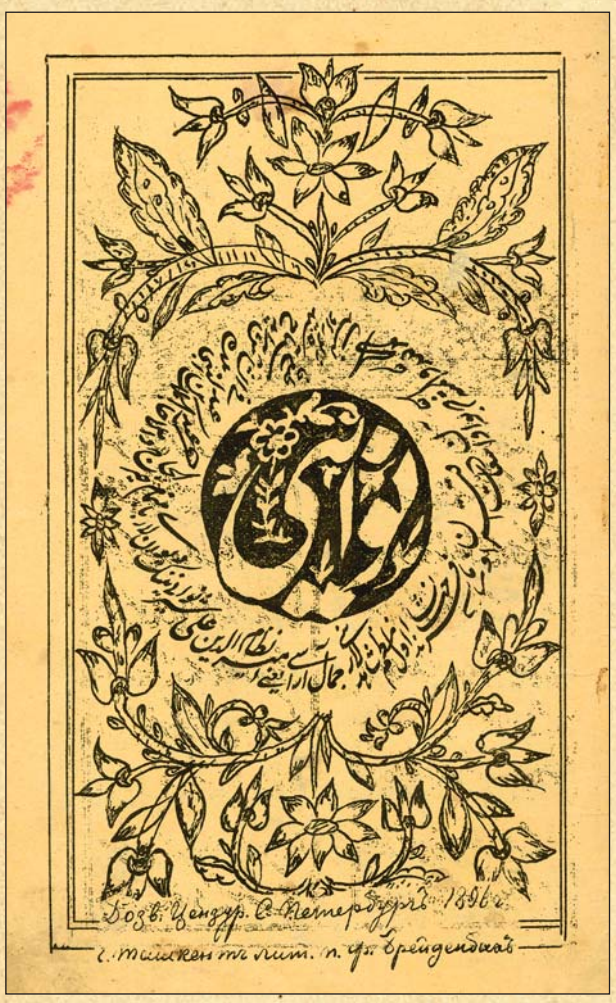
وحدت بولغای نیتی یوق سری بیله جام کیم
جام می لطفین دیکانسم پرام ایلیه قیلغای ادا

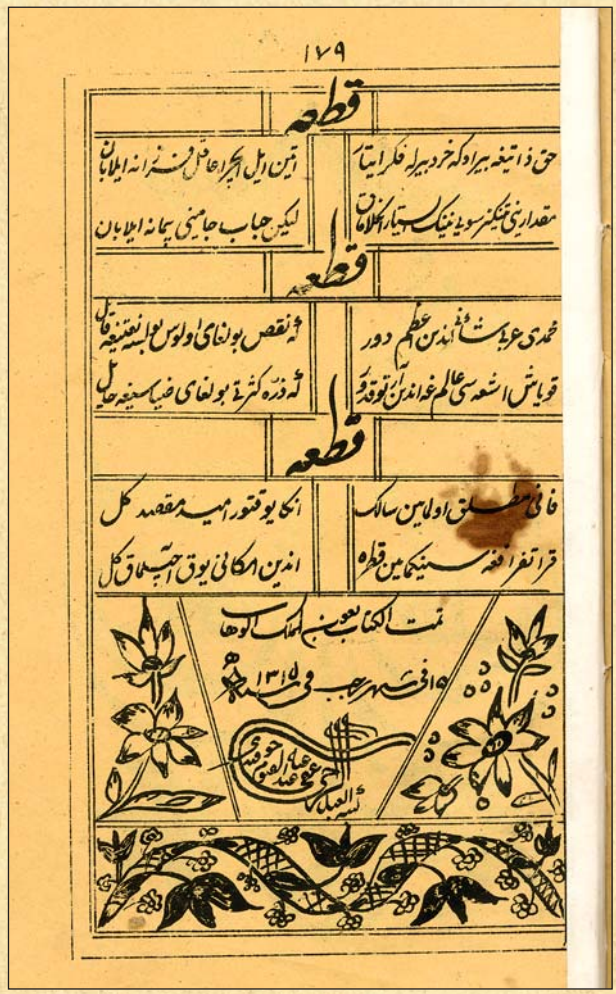
سین کمان قیلغاندین اولرکا جام مر موجود کو
بیلماین نفی ایتمه بو میخانه اهلین رهدا

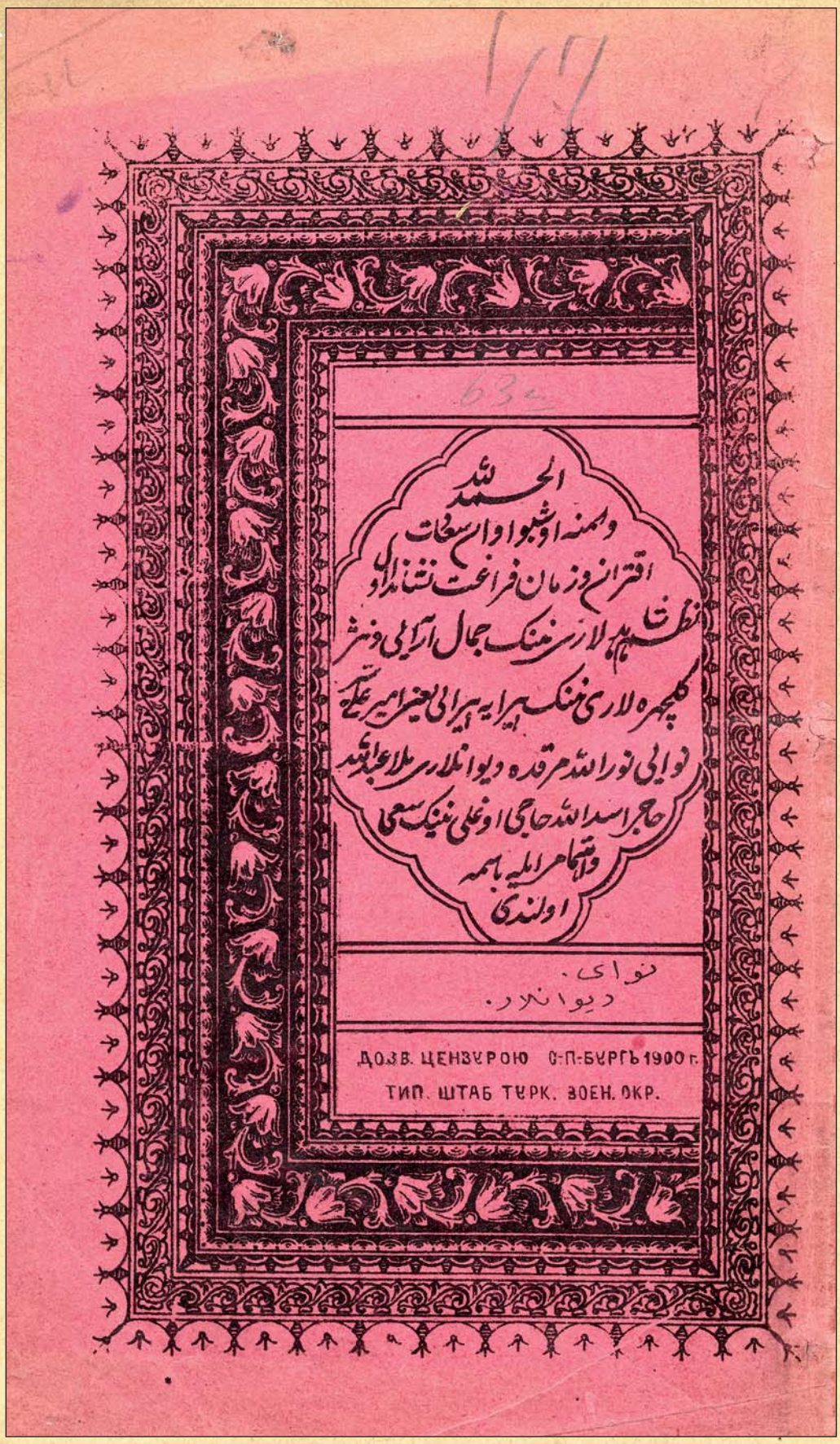
تشنه لبلار اولنوا ایچون ازل ساقیسیدین
اشربوا یا ایها العطشان کیلور هردم ندا



Шифр Узб 2/111.
Диван.
Размер: 15 × 23 см.
Объем 180 страниц.
Место издания: Ташкент.
Издательство: Литография П.Ф. Брейденбаха.
Издатель: издана на средства Хаджи Абд ал-Малика б. Абд ан-Наби.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге в 1896 г.
Переписано после получения цензурного разрешения.
Переписчик Абд ал-Кайум Хоканди.
Дата переписки по колофону: 15 раджаба 1315/9 декабря 1897 г.



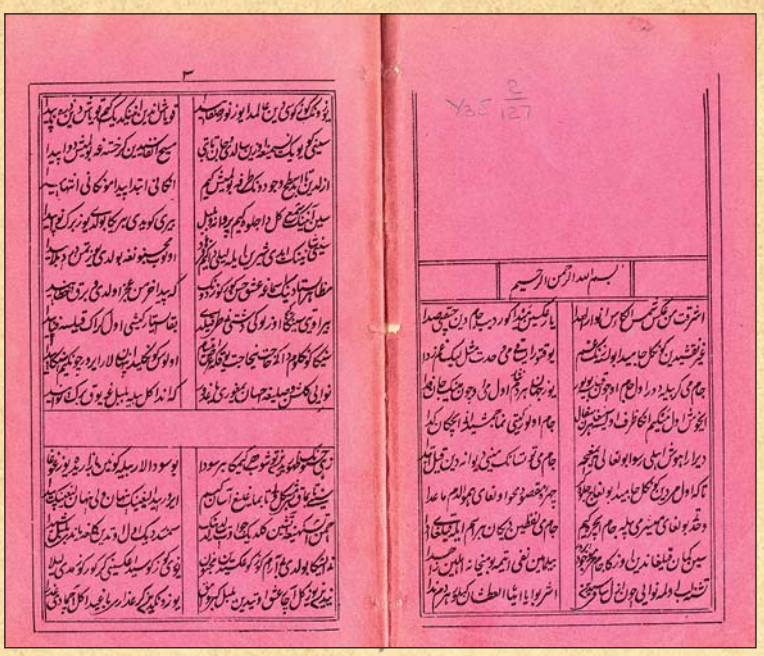




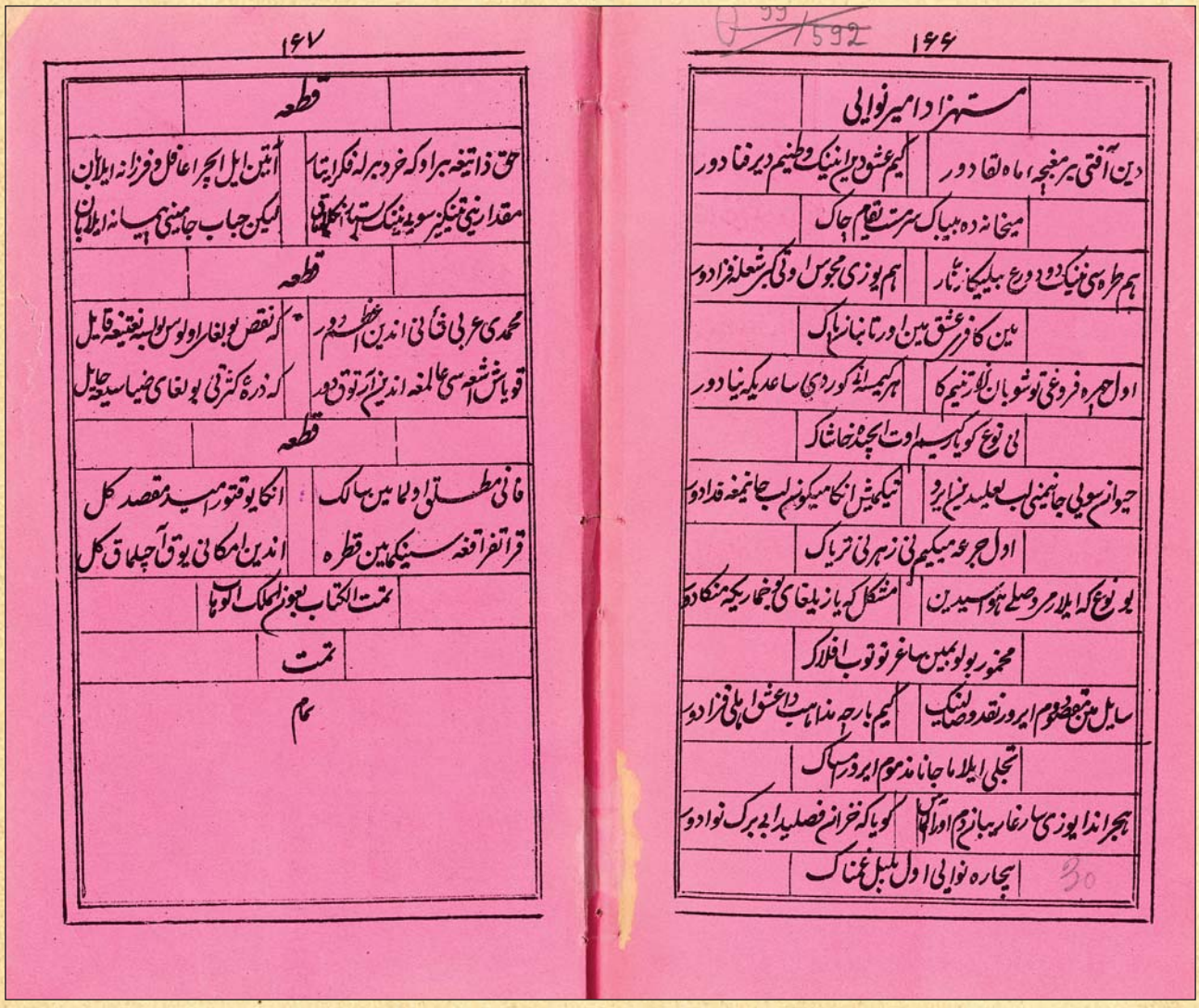
الحمد لله
ولمنه اوشبو اوان سعادت
اقترانی وزمان فراغت نشاندای
نظم شاهد لاری رنگ جمال آرایی دفتر
گلچهره لاری رنگ پیرایه پیرایی حضرت امیر علیشیر
نوایی نورالله مرقده دیوانلاری ملا عبدالله
حاجی اسدالله حاجی اوغلی رنگ سعی
واهتمام ایله باسمه
اولندی

نوای
دیوانلاری

ДОЗВ. ЦЕНЗУРОЮ С-П-БУРГЪ 1900 г.
ТИП. ШТАБ ТУРК. ВОЕН. ОКР.



Шифр Узб 2/127.
Диван.
Размер: 13,5 × 22,5 см.
Объем 167 страниц.
Место издания: Ташкент.
Издательство: Типография Штаба Туркестанского военного округа.
Издатель: Абдулла-хаджи Асадулла-хаджи-оглу.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге в 1900 г.



الملک لله الواحد القهّار

الحمد لله و المنّه اوشبو آوان سعادت اقترانده زمان فراغت نشانده نظم شاهدلاری نینگ جمال لاری و نثر گلچهره لاری نینگ پیرایه ابداعی

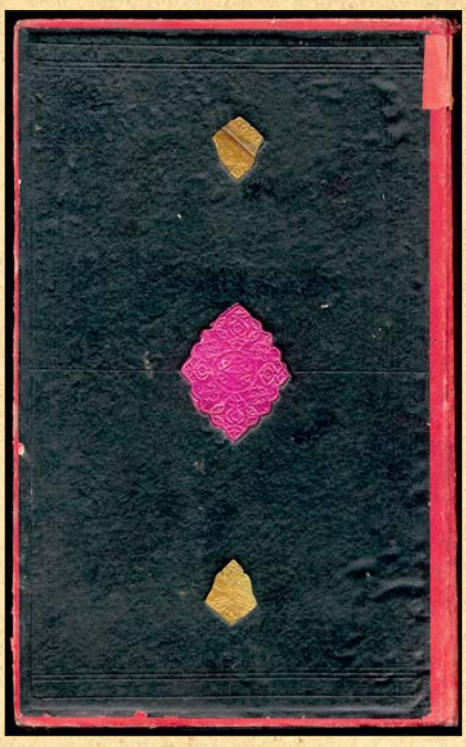
امیر علیشیر نوائی

١٣٣٤

نور الله مرقده نینگ دیوان فصاحت بیان و بلاغت عنوان لاری میرزا احمد میرزا کریم مرحوم اوغلی نینگ اهتمام مالا کلامی بیرله

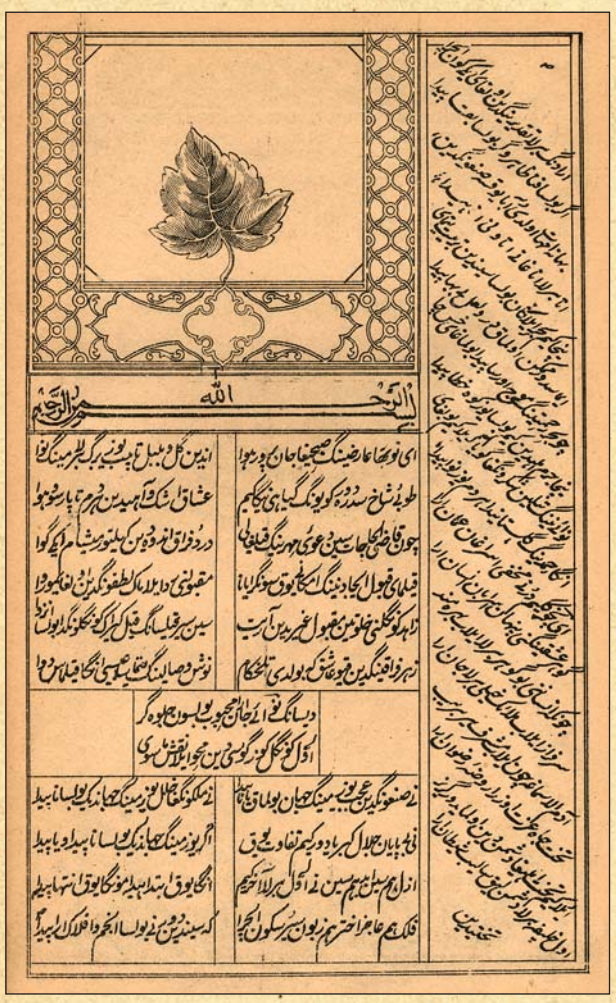
تاشکند شهریده طبع اولدی

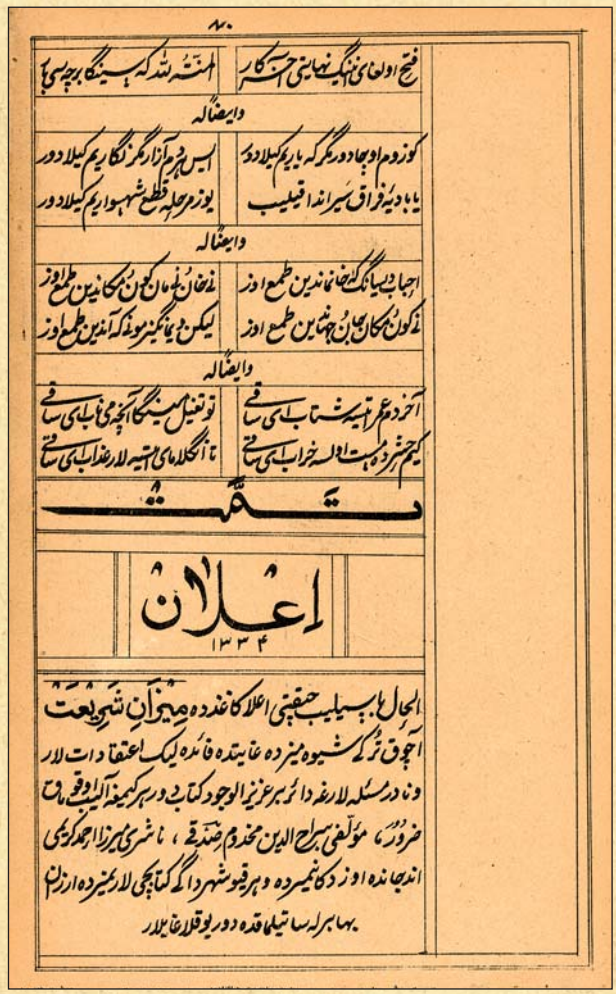
Типо-литографія газ. „Туркестанскій Курьеръ", Ташкентъ.

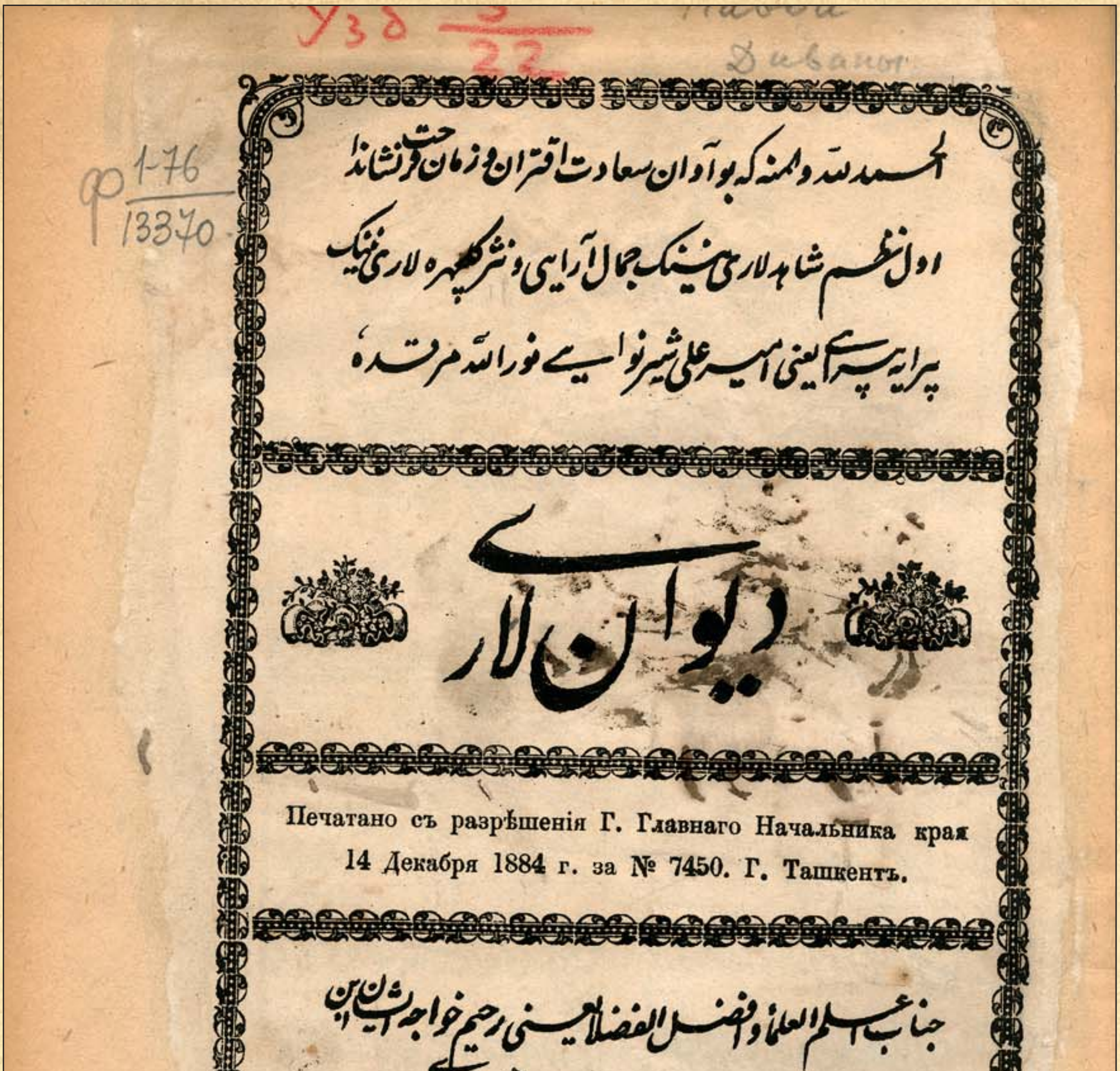


Шифр Узб 3/21.
Диван.
Размер: 16 × 26 см.
Объем 170 страниц.
Переплет оригинальный картонный, оклеенный бумагой черного цвета. На крышках тисненое красное *шемсе* с желтыми «спутниками».
Место издания: Ташкент, 1334/1915—1916 г.
Издательство: Типолитография газеты «Туркестанский курьер».
Издатель: издана иждивением «мирзы Ахмеда, сына покойного мирзы Карима» (мирза Ахмед мирза Карим-мерхум-оглу).
После колофона рекламное объявление о книге «Весы шариата» («Мизан-и шариа») в переводе Сирадж ад-Дина махдума Сиддики[1], выпущенной в Андижане мирзой Ахмедом Каримом.
В конце к книге подплетен лист с нумерацией страниц 9—10) от другого литографированного издания.

[1] О нем см.: (Зайцев, 2014, с. 69—72).







Узб 3/22
Ф 1-76/13370
Ташкент 1888 г.

الحمد لله والمنة که بو آوان سعادت اقتران و زمان مسرت نشانده

اول نظم شاهدلاری نینک جمال آرایی و نثر گلچهره لاری نینک

پیرایه پیراسی یعنی امیر علی شیر نوایی نور الله مرقده

دیوانلاری

Печатано съ разрѣшенія Г. Главнаго Начальника края
14 Декабря 1884 г. за № 7450. Г. Ташкентъ.

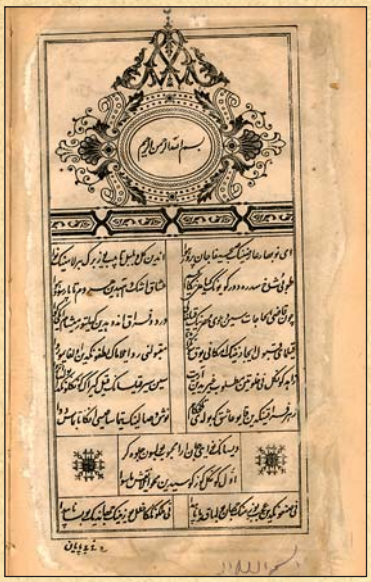
جناب اعلم العلما و افضل الفضلا یعنی رحیم خواجه ایشان ابن

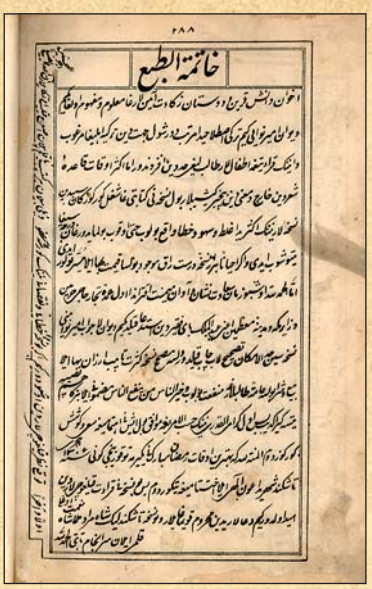
علیخواجه ایشان جد و جهد و سعی اهتماملاری

بیلان طبع بولینیب تاشکند شهریده لاختین باسمه خانه سینده

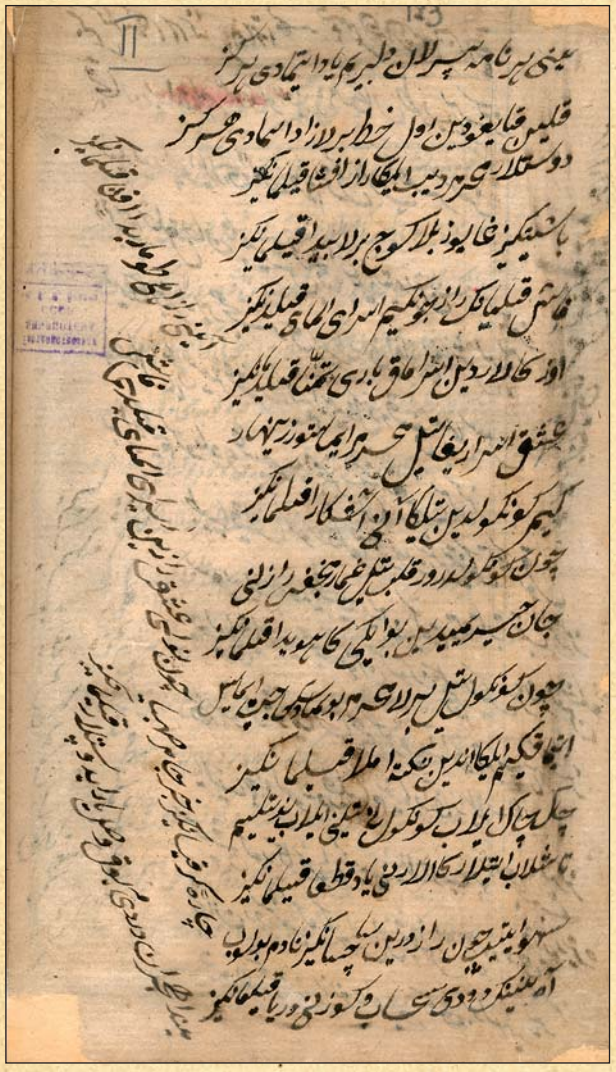
سنه ۱۳۰۱ هجری

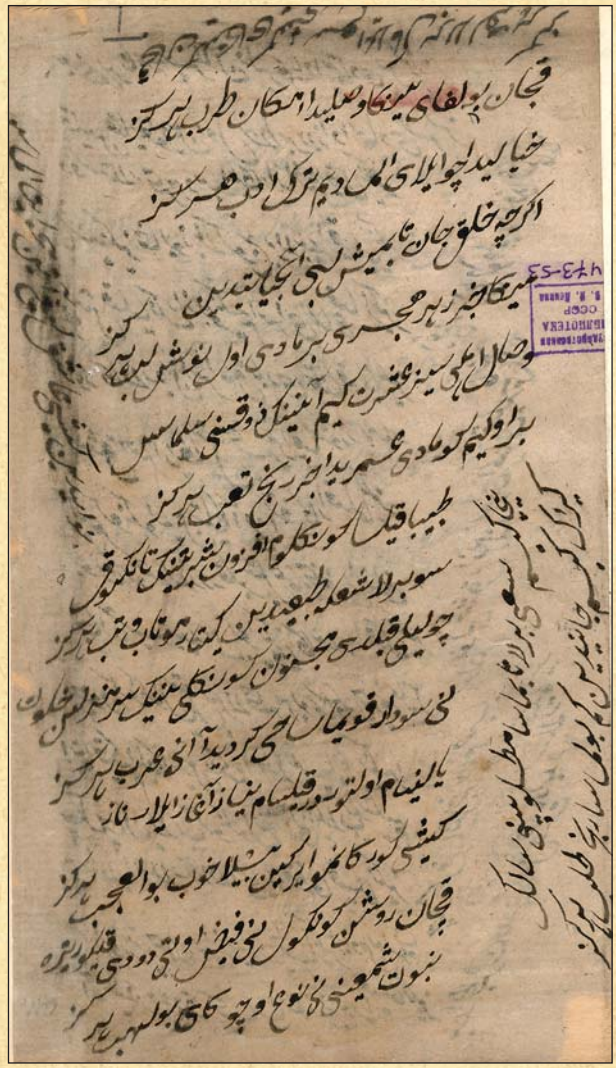
نینک اوائلیده





Шифр Узб 3/22.
Сборник из диванов.
Размер: 17 × 25,3 см.
Объем 288 страниц.
Место издания: Ташкент, 1304/1886—1887 гг.
Издательство: Типолитография С.И. Лахтина.
Издатель: Рахим-хваджа ишан б. Али-хваджа ишан.
«Печатано с разрешения г. Главного начальника края 14 декабря 1884 г. за № 7450».
К литографированной части подплетено два листа с рукописными стихами Навои.





کفن بوشید و تیغ تیز برداشت
جهان فریاد و رستاخیز برداشت
یا فتاح الابواب

И в тысяче ответов будь правдив:
Лишь истина одна — для всех приют.
Один калям ста букв ведет извив,
На тысячу баранов — общий кнут.

Алишер Навои

**Раскаяние Хосрова.
Худ. Бехзад (?).
Гератская школа,
конец XV в.**

Навои
1/251
S 2/302
Нау. отд.
Y/36 3/41

الحمد لله والمنه که بو آوان سعادت اقتران
و زمان فرحت نشاندا اول نظم شاهدلاری نینک
جمال آرایی و نثر گلچهره لاری نینک پیرایه پیرایه یعنی

امیر علی شیر

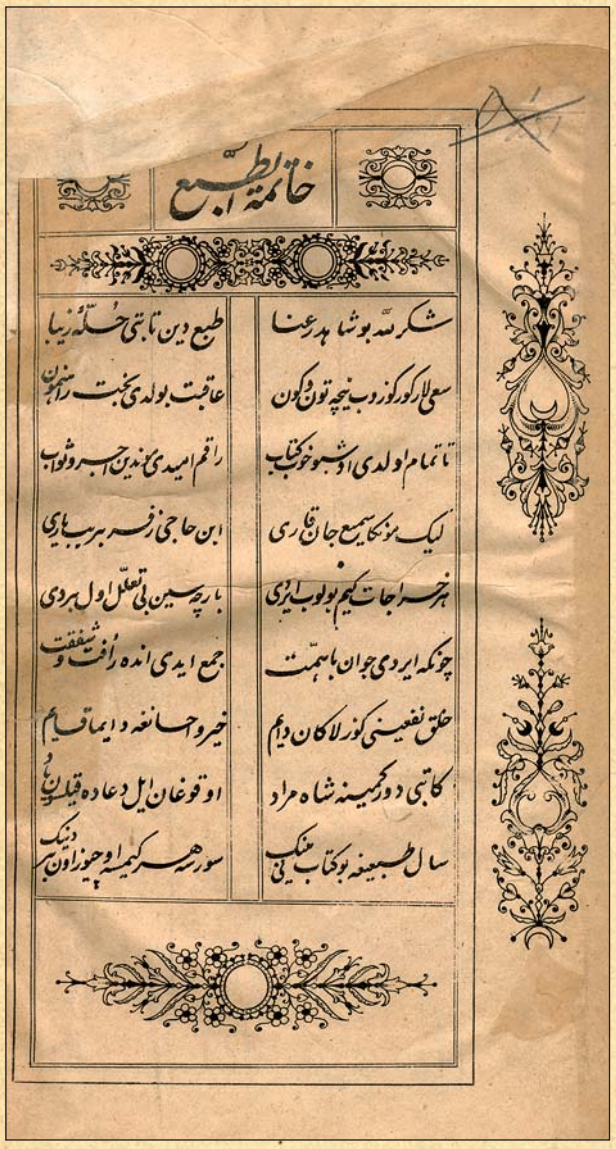
نوایی

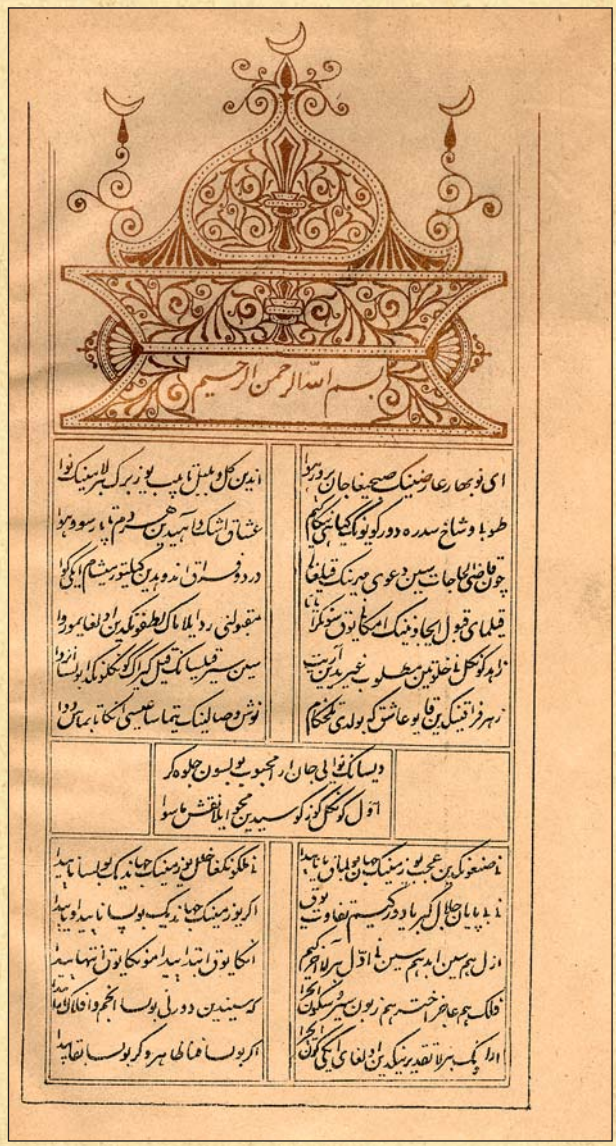
نور الله مرقده دیوانلاری

بو راقم کمینه شاه مراد ابن ملا شاه نعمت آخوند اهتمامی بیلا
تاشکند شهرندا کمینیسکی طبع خانه سیندا مزین اولدی

Дозв. цензурою С.-Петербургъ. 24 Марта
1893 г. Тип.-лит. Бр. Каменскихъ
въ Ташкентѣ.

Шифр Узб 3/41.
Сборник.
Размер: 16 × 25,5 см.
Объем 206 страниц.
Место издания: Ташкент, 1311/1893 г.
Издательство: Типолитография братьев Каменских.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге 24 марта 1893 г.
Издатель: Шах-Мурад б. Мулла Шах-Нимет Ахунд.





روی الحسن عن ابی الحسن عن الحسن جدّ

یا رب خلق غزیب تارک ایلامونی

اوقوغانغه مبارک ایلامونی

خمسهٔ امیر علی شیر نوائی

یعنی امیر علی شیر نوائی نور الله مرقده

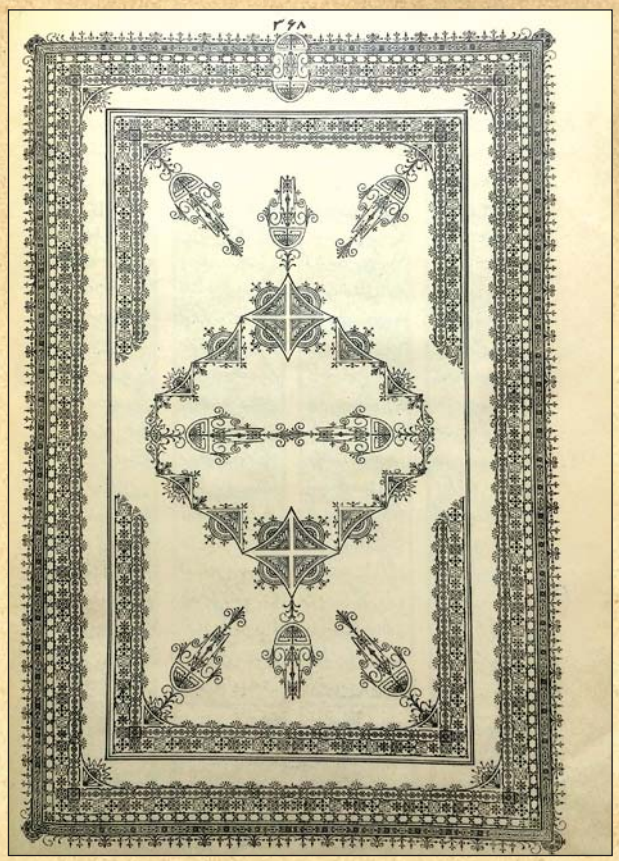
یتی افلاک نی مونکا یارات

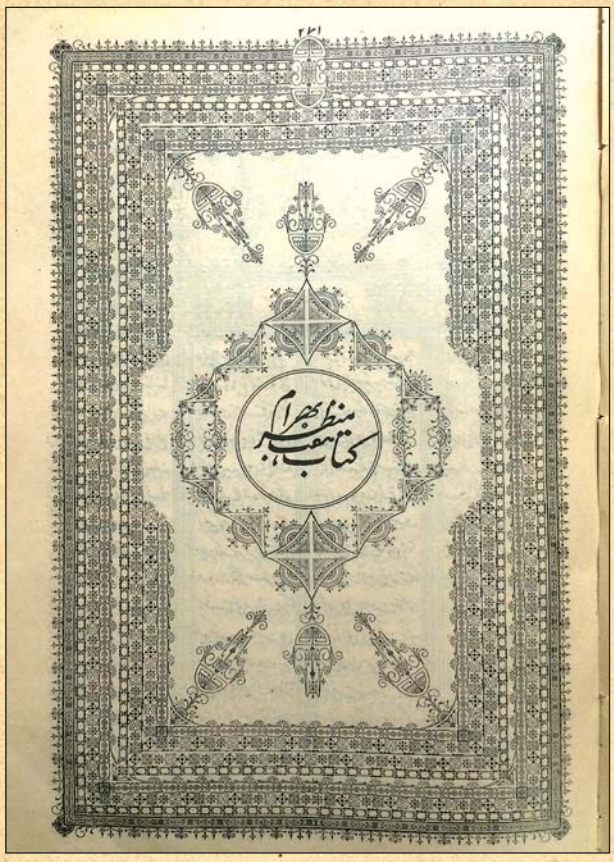
یتی اقلیم ایلین خریدار ایت

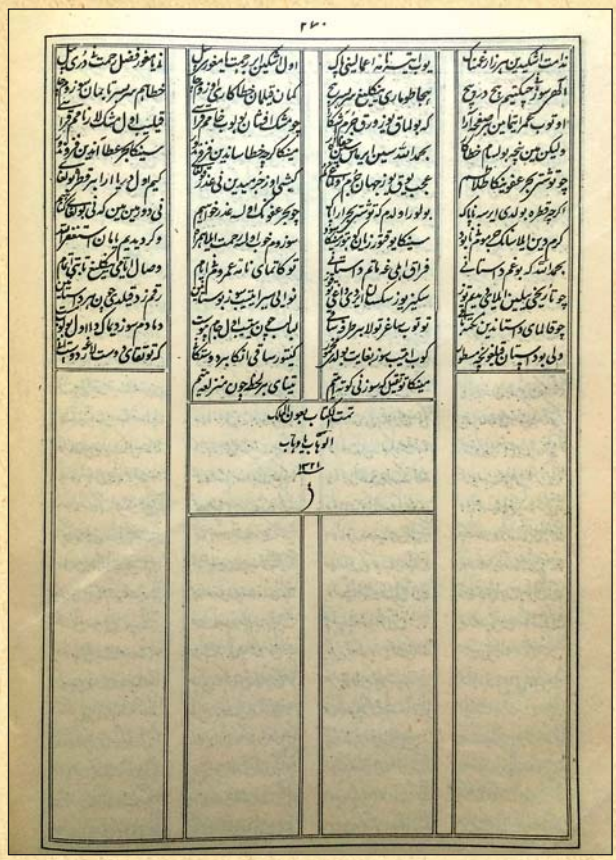
ان احسن الحسن الخلق یحسن صدق رسول الله

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 13 Августа 1901 года.
Электро-Паровая Типо-Литографія О. А. Порцева, въ Ташкентѣ.

Шифр Узб 3/32.
Хамса.
Размер: 25,5 × 37,5 см.
Объем 512 страниц.
Место издания: Ташкент, 1322/1904—1905 гг.
Издательство: Электропаровая типолитография О.А. Порцева.
Переписчик Мухаммед-шах б. мулла Шах-Нимет.
Дозволено цензурой в Санкт-Петербурге 13 августа 1901 г.







« ترجمان » مشتریلرینه هدیه‌در.

چل حدیث

این نسخه چل حدیث مع ترجمه مولوی جامی
و امیر علی شیر نوائی در باغچه سرای باهتمام
اسماعیل بک غصپرینسکی محرر و ناشر جریده ترجمان
در مطبع خود بزیور طبع آراسته گردید

قرق حدیث

مولوی جامی حضرتلرینك فارسی یه و
میر علی شیر نوایی نك ترکی یه ترجمه لری
ایله

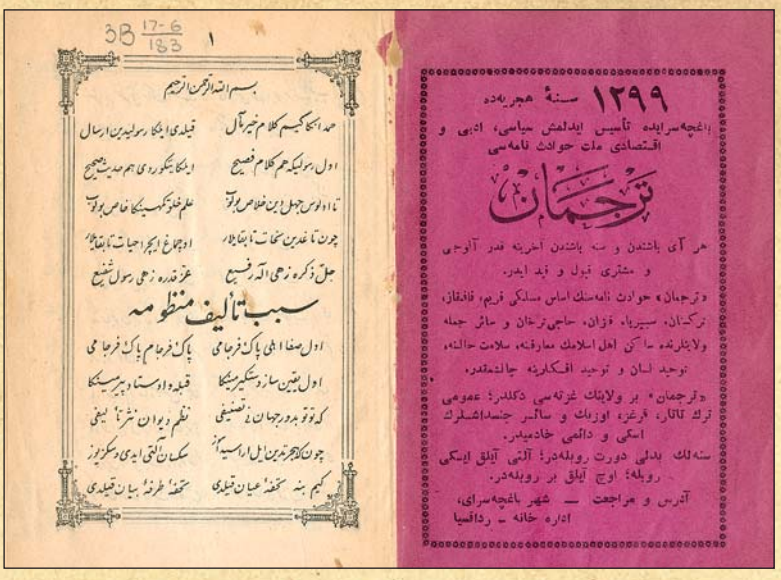
محرر و ناشر جریدهٔ « ترجمان »
اسماعیل بك غصپرینسکی

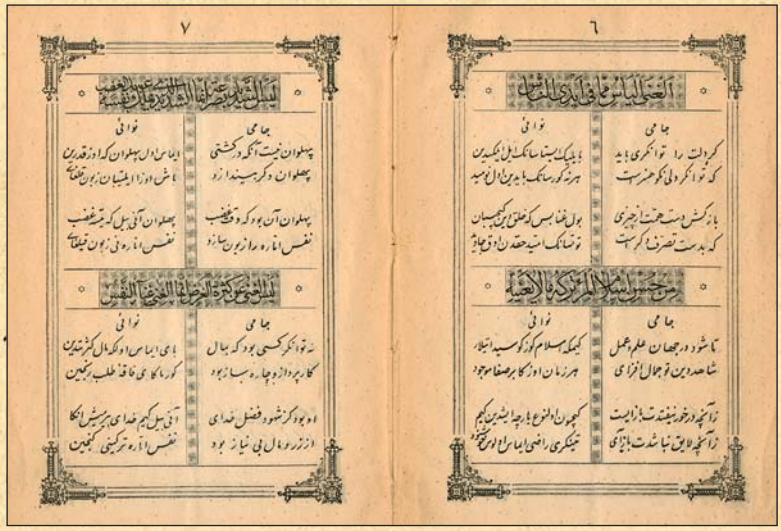
همنی ایله شهر بغچه سرایده نشر اولوندی.
هجریه ۱۳۲۵ - ۱۹۰۷ میلادیه

« ترجمان » جریده سنك الکتریك باصمخانه سی

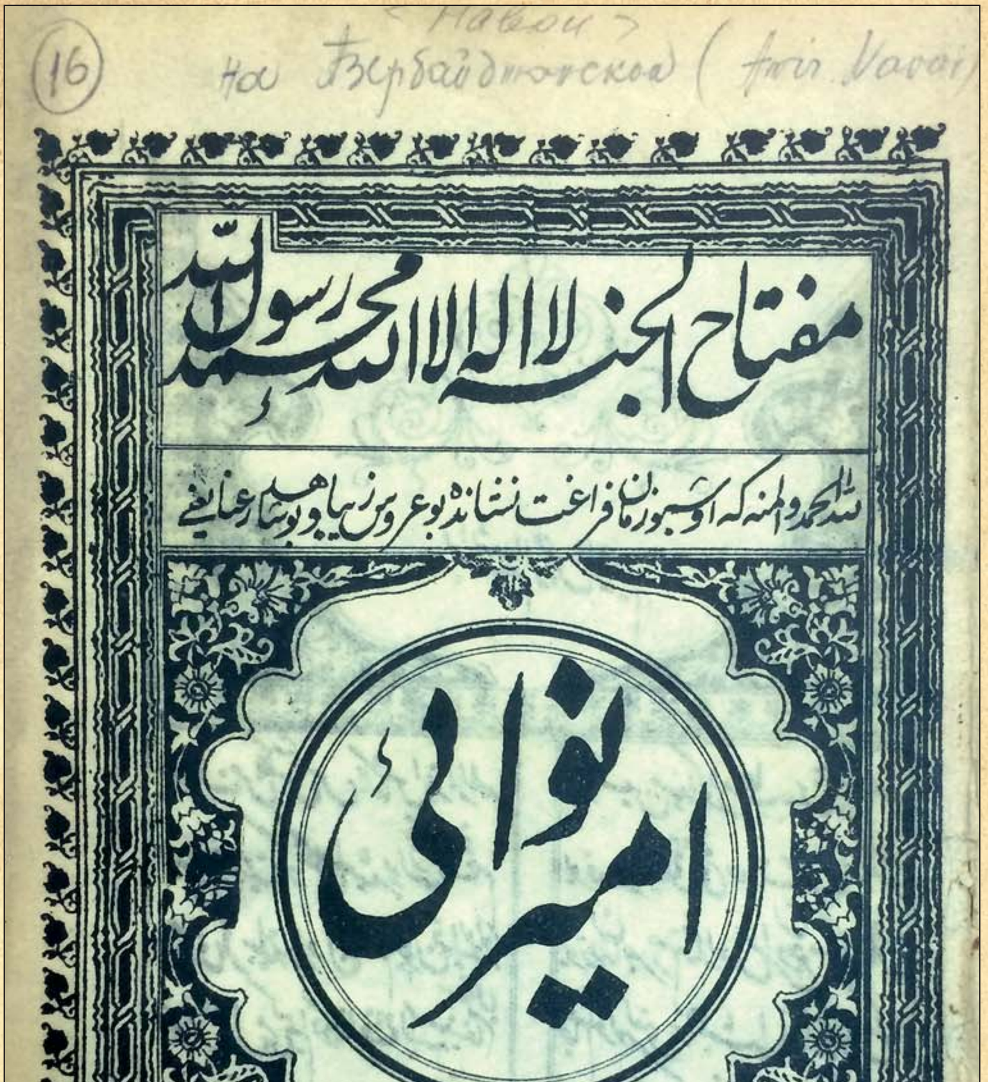
Безплатное приложеніе къ 77 номеру газеты «Переводчикъ»

Шифр 3В 17 — 6/183.
Сорок хадисов.
Размер: 13,5 × 19 см.
Объем 115 страниц.
Место издания: Бахчисарай, 1325/1907 г.
Издательство: Типография газеты «Терджеман».
Издатель: Исмаил Гаспринский.
Бесплатное приложение к № 77 газеты «Терджеман» («Переводчик»). Последняя страница — сура «Фатиха».





Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации


(16)
<Навои>
(Amir Navai)

مفتاح الجنة لا اله الا الله محمد رسول الله

لله الحمد والمنه که اوشبو زمانده فراغت نشانده بو عروس زیبا و بو نگار رعنایی

امیر نوایی

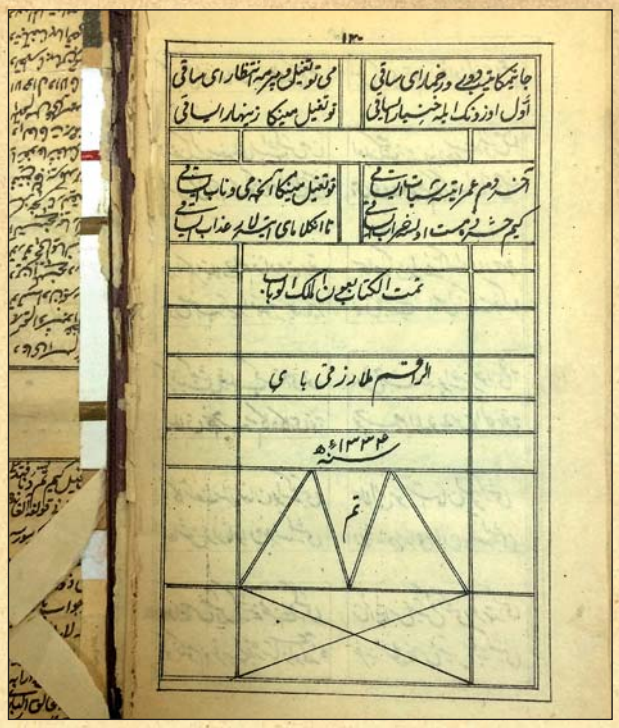
باهتمام تاجر الکتب ملا میرزا احمد ابن میرزا کریم مرحوم

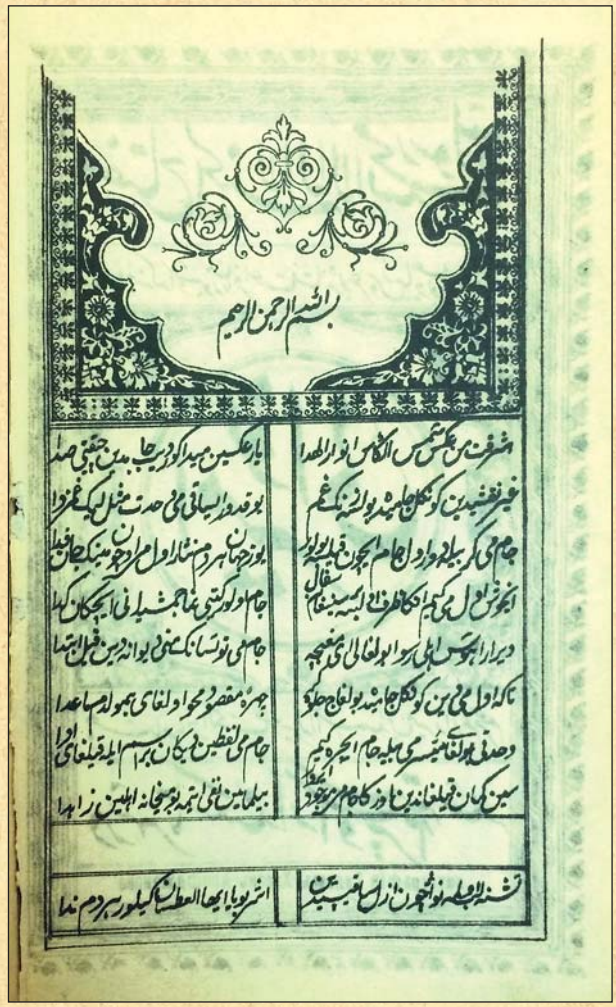
در شهر تاشکند آرا و پیراسته شد

Литографія Гуламъ Хасанъ Арифджанова
Стар. Ташкентъ

1915

Шифр отсутствует. Инв. № 360.
Диван.
Размер 13,5 × 23 см.
Объем 96 страниц.
Место издания: Ташкент.
Издательство: Литография Гулама Хасана Ариф-джанова, 1333/1915 г.
Издатель: издана попечением муллы Мирзы Ах-мада б. Мирза Карим.
Переписчик мулла Ризки-бай (ملا رزقی بای).





У Малого подъезда Эрмитажа. Лист из альбома рисунков Александра Никольского. Зима 1941—1942 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уборка зала.
Рис. Веры Милютиной.
Весна 1942 г.

Академик И.А. Орбели в своём служебном кабинете. Рис. Георгия Верейского. Март 1942 г.

10 и 12 декабря 1941 года в Школьном кабинете Эрмитажа состоялись чтения в честь 500-летия великого Навои. Ему же посвящалось состоявшаяся уже 29 декабря научная сессия в Институте востоковедения. Вступительное слово произнес директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели. «В необычное время, переживаемое нашим городом и всей Советской страной, в невероятной обстановке собрались мы, чтобы отметить замечательную дату в жизни советских народов, вспомнить оставшееся бессмертным имя великого поэта и просветителя Алишера Навои, — сказал он. — Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде осажденном, обреченном на страдания голода и стужи, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе народа, о его несломленной воле, о вечно живом гуманном сердце советской науки».

В память о бессмертном подвиге ленинградских востоковедов мы помещаем в качестве приложения к Каталогу подстрочные переводы газелей Навои, выполненные Николаем Федоровичем Лебедевым, сохранившиеся в фондах Российской государственной библиотеки. Они были изданы в Москве, в Союзе советских писателей, на стеклографе тиражом всего 50 экземпляров в 1940 году, когда страна готовилась к 500-летнему юбилею Навои.

АЛИШЕР НАВОИ

Алишер Навои

Я 308.
756

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

/ИЗ "ЧАР ДИВАН"/

Свой стр 17
Стр 19-2

Подстрочный перевод
ЛЕБЕДЕВА Н.Ф.

Под редакцией проф. БЕРТЕЛЬСА Е.Э.

М. 1940

40-55033
Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА

Засверкали от отражения Солнца - чаши лучи лотинового пути
"Посмотри на отражение друга в вине",раздался вопль из чаши.

Если в чаше сердца есть,кроме образа /друга/,ржавчина горя,
То нет,о,виночерпий,такого исцелителя горя,как вино единения.

Если чаша вина такова,то ради этой чаши можно
Пожертвовать ста мирами в каждый миг. Тысяча жизней - жертва
тому вину.

О,как хорошо то вино,для которого всякий разбитый черепок
Станет чашей,показывающей мир, а пьющий его нищий станет
Джемшидом,x/

Когда в кабачке на людей познания падет бесчестие /ты/,
мальчик-маг,
Если поднимешь чашу с вином,начни с меня, безумца.

Если только в чаше сердца засверкает от того вина
Лицо искомого,исчезнет в тот же самый миг все, что помимо
него.

Единение будет достигнуто в чаше с вином,
Ибо тот,кто произносит слова: "Чаша с вином",этим именем
достигает единения.

Существует иная чаша с вином,чем ты полагаешь,
Не отрицай,отшельник,не ведая людей этого дома,вина.

О, свиток лица твоего,на котором почерком вечности надпись!
Точка вечности - тугра xx/ на предисловии твоей красоты!

Между атомами каждый атом,который существует,вспоминает о
тебе.
Каждая капля среди дождей говорит о тебе.

Прислужница твоего искусства такова, что в миг
Она сделала небесное зеркало более светящимся /полированным/,
чем вечернее озеро.

Солнце приняло форму от преклонения пред твоим лицом,
Локоны ночи - украшены ветром твоей любви.

Твое искусство так околдовало утро,
Что уста его всякий миг выявляют пламя его любви.

Словно горят уста его от жжения того пламени,что
Пузырьки появляются на небосводе в виде звезд

И царь и дервиш нуждаются в твоем дворце,
Воспитаны твоей милостью и невежда и мудрец.

---

x/ Джемшид - легендарный царь древней Персии, обладавший чашей, отражавшей вселенную.
xx/ Тугра - род печати.

Пред лицом розы соловей говорит о твоих тайнах.
Мотылек в огне свечи безумно влюблен в твою красоту.

Боже! да будет место Навои между влюбленными.
Дай /сделай так/, чтобы его язык говорил тебе хвалы.

О ты, от проявления красоты которой на всех падает любовная тоска.

От этой любовной тоски на базаре двух миров сотни воплей.

Тебя найти очень трудно, но не найти легко потому,
Что твое появление скрыто, но сокрытость твоя явна.

Когда ты подожгла капище луга своими огненными росами,
Как саламандра, вспыхнул от того огня страстью к розе влюбленный соловей.

Почему стал смятенным, словно его отражение в зеркале, Медджун,
Если Лейла не показала отражения своего лица в зеркале?

Почему сто роз от огня страсти открывает лицо Вамыку
Если роза-Агра не открыла ланит своего лица?

Если Ширин не скрыла в своих устах слово /любви/,
Почему станут от кровавых слез Бархада дикие камни рубинами?

Солнце то краснеет, то желтеет потому,
Что в саду твоего искусства есть сто тысяч таких блистательных роз.

Если от луча твоей красоты огонь свечи не становится цветником,
Почему мотылек, подобно Халилю[x], сам кидается в огонь?

Навои! Каким языком /какою речью/ сможет разгласить твою хвалу?
Когда шип описывает райскую розу и немой становится говорящим.

О, ты, желание чьего стройного, как алиф, стана в разрушенной душе,
Драгоценный камень сокровища твоей красоты в этом опустошенном сердце.

В смехе твоем невинность такова, что шалуньи
От игр скрывают свои лица в смеющихся розах.

Если твое слово я назвал дыханием Мессии, о, друг,
Не порицай, ибо ошибки попадаются и в коране.

---

x/ Халиль - прозвание пророка Ибрахима /Авраама/, по легенде ввергнутого тираном Немродом в огненную печь.

Я сказал, что вздох моего больного сердца оставит след в твоем сердце,
Но разве будет слышен голос больного сердца среди наковален?

О, Навои, людям, испытавшим любовные страдания, разрушает сердце
Каждый вопль, который он издает среди стонов.

Хотя твоя жестокость и обрекает меня на умирание,
Но раз это от тебя, то это вечная жизнь для меня.

Советчик, не удерживай меня от любви к той периподобной,
Потому, что для меня наступило время безумства, пора влюбленности.

Пока я читал знаки любви, повторением урока
Повесть о Вамыке, Фархаде и Меджнуне x/ была для меня.

Я встревожен, как небосвод, потому что от тусклых звезд
На теле моем каждый день /возникает/ сто десятков тысяч скрытых ожогов.

Не проявляя страданий я уже близок к смерти, о врач!
Но знай, что покусилась на мою жизнь такая-то.

О ты, что говоришь: - умереть среди любви есть ущерб, а жизнь - выгода.
Все, что для тебя польза, то для меня - ущерб.

Я видел существо имманентного, светлое, как солнце.
Так что потенции, словно тень, стали тленны в моих глазах.

С тех пор, как я понял, что этот тленный кабачок не вечен,
Пение и пир народа стали для меня надгробным плачем.

О, горе, если я об"явлю о любви к тебе, будет грозить мне смерть,
А если я буду скрывать /любовь/, то и тогда есть опасность для жизни.

Собирался притти тот месяц, чтобы оживить мертвых,
Мне же, живому - смерть лучше, чем жизнь.

Увы, меня рассек на мелкие части меч разлуки.
Одну от другой /отделил/, но сам-то он не отделим от меня!

От огня моего сердца дерево становится золой, наконечник стрелы - каплей воды /расправляется/.
Если та шалунья притеснительница метнет в меня стрелу.

Разрывая я ворот, увидев стрелу, вылетающую из под той брови,
Чтобы, когда пустит она стрелу, не защитила меня рубашка.

---

x/ Вамык, Фархад, Меджнун - имена героев поэм.
Каждое из этих имен синоним понятия "влюбленный".

Из глаз моих потекли слезы от вина разлуки,о,господин кабачка,
Сделай мне очки из осколков винной бутылки.

Ветер разлуки,развевай катву моего тела так,
Чтобы на пути небытия ураган не мог догнать меня.

О, Навои! Если у меня нет больше надежды на свидание,
То почему же мне больше жестокости,чем другим влюбленным?

Брось в огонь тот кипарис,если не будет того стройного стана!
Отдай ветру розу,если лепт не будет тех розовых!

Холодный ветер моих вздохов ночью печали будет дуть на гору разлуки.
Хорошо, если до зари эта гора не станет плоской.

В безумии, о, горе! Каждый миг возрастает мое страдание!
Разве же в любви к той пери не возрастало мое страдание?

Глава кабачка не возьмет в залог твои рубища, о,шейх!
Он не даст вина, если самость[x] не будет заложена.

Если ты хочешь спасения в том свидании, чего печалиться о нищете?
Да не будет никогда добра, и не будет этого подлого мира!

О,Навои, не удивляйся,если та пери назовет тебя Меджнуном.
Может ли быть влюбленным в пери тот,кто не стал Меджнуном.

Я коснулся двумя пальцами губ ее на том лице
Так, как соловей касается лепестков розы своим клювом.

Нежный пушок на твоем лице - вода ли,скрывающаяся среди зелени,
Или это зеркало,которое со всех сторон покрыла ржавчина?

Разволоченные басмой две твои брови на лице твоем -
Два павлина,блистающие в цветнике.

В цветнике вырастает роза,а на солончаке - сорняк.
Что,кроме вероломных людей,может быть в этом вероломном мире?

Если ты вечно ищешь спасения от несправедливости людей времени,
То не поднимай головы от кубка в хмельном похмелья.

Навои! Если ты стремишься достигнуть истины,отряси подол от мира,
Если любовь твоя чиста,не оставайся среди этой скверны!

x/ Самость - отвлеченное понятие от слова "сам",Это философский термин восточной философии,передача его термином "сущность" была бы недостаточно точной.

Во сне я увидел возлюбленную и смеющегося соперника возле нее,
От ревности я каждое мгновение скрежещу зубами во сне.

Если во время свидания с той пери я вспоминаю о разлуке с ней
Как помешанный, я буду проливать слезы в миг смеха.

Зеркало - это врата рая, чтобы посмотреть
Словно бы гурия пришла, а твоего отражения в зеркале нет.

Как делает звезда при свете солнца,- исчезло солнце,
Когда солнце твоего лица взошло в том сиянии.

О виночерпий, поднеси чашу, может быть и придет веселье,
Долго ли будет мучиться от разлуки мое сердце в печали?
x/

Моя самость слезы уничтожили во мне до того,
Что я не узнаю себя, посмотрев на свое отражение в воде.

Когда Навои отправляется в сторону любимой, печаль остается,
Как остается тень от того, что перед солнцем.

С тех пор как на розе мускусным почерком ты получил начертание,
У меня на странице души появилось сто линий печали.

Сжоты в моем сердце заставили /меня/ испытать усладу тоски по тебе,
Наслаждение не дается тому, кто не добудет денег.

Когда ты украсила лицо, а полумесяцем брови, зарей
В глазах моих появилась кровь, а стан мой согнулся.

С тех пор, как явился вечный, идолы уничтожаются,
Все кумиры будут поражены с тех пор, как явится этот кумир.

Пустив ход красу, чего только не сделает та пери среди влюбленных,
Если бы она не скрывала своего лица,то и само время помутилось бы разумом.

Сколь губительной должна была степь любви,
Человек как только ставил туда ногу, в его глазах уже появилось царство небытия.

Дайте мне поплакать, что осела пыль моего сердца,
Ибо ведь мешает пыли когда внезапно в воздухе появляется влага.

Пролей винный поток, о, виночерпий! ибо от разлуки
В степи сердца появился караван страданий и печали.

О ты, блеск чьей красоты зеркало среди душ человеческих,
Но как красота,совершенно проявляется в человеке

Если не найти вкуса в шербете твоих губ,
Тогда что такое одарение жизнью в источнике жизни?

---

x/см.стр.

Почему мир зажегся сиянием от огня твоей красоты?
Если красота Иосифа не пала /не озарила/ среди Ханаана?

Если от твоего солнца не пало бы луча на его руку
То как сделался бы белым карман Моисея из дома Имрана?

Если бы не подул ветерок твоей милости,
То не влюбился бы соловей в розу в этом саду.

Если бы оно не взяло благовония цветника твоего бытия,
То никакой рисунок существования не стал бы возможен в земном мире.

Схвати и брось Навои в море милости,
Потому что он потонул в винном море среди греха.

Отражение гущ любимой упало в чашу.
И вину придает вкус жизни на небе.

Сердце так мечтает о ее устах,
Что притаилось оно в теле словно бутон.

Как я могу сказать: взгляни на тот лик в разлуке!
Ведь разве может сиять ночью солнце?

Не говори почему твое сердце в покое,
Тот локон близок, успокаивающий сердце.

Для того, чтобы сделать птицу сердца добычей других,
Она спутала птицу моего сердца там силком/= как приманку/

Тот юный маг вышел пьяным из кабачка
И снова посеял раздор среди ислама.

Навои сгорает в огне, жаждет он взглянуть
На родинку среди щеки цвета розы.

Пусть сгорит мое сердце, если оно будет уважать другую.
А также каждое сердце, которое проявит страсть к тебе.

Я не могу добиться цели, кого бы я ни просил о свидании,
Но также и каждый человек, который добивается свидания с тобой!

Если я буду любоваться красотой других, пусть вытекут мои глаза!
А также и глаза других, если они будут любоваться на твою красу!

Пусть онемеет мой язык, если я сделаю явным воспоминание о других,
Но также и всякий чужой язык, который помянет о тебе.

От ревности из за нее для моей души всякий глаз нарцисса-пламя,
Если та нежная шалунья вдруг выйдет в сад.

В конце концов я, может быть, достигну милой, благо тому магу, который меня
Обеспечит чашей в разваленном кабачке.

Навои, не будь добычей шалуньи века
Хотя бы даже на ланиты для она спустила расчесанные локоны ночи.

О, ты,розовым лепестком чьего лица смятен и изумлен утренний ветер,
Подобно безумцам кружится по твоей цветущей улице утренний ветер!

Бежать ему невозможно,да даже и шевельнуться, x/
Если не оживет он от тонкости твоих животворящих лалов.

Она не распустила свои гиацинтовые локоны, почему же
В опочивальню дует распространяющий амбру утренний ветер?

Как может скрыться вздох в моем разрубленном на куски теле?
Нет возможности утренний ветер скрыть под щепками и пылью.

Вздохи немощных на улице той розы каждое утро
Так как в цветнике со всех сторон дует утренний ветер.

Пей чашу, когда повеет утренний ветер, ибо не найдет
Тебя он, если даже долго будет искать в этом саду времен.

Обещание луноликой не может быть крепким,
Утренний ветер не может ни на миг укрепиться на одном месте.

Неудивительно, если Навои будет плакать и вздыхать в ее улице,
Когда в цветнике делает явным свой вопль утренний ветер.

О,горе! тот мальчик - маг,каждый миг,когда наливает неразбавленное вино
Сотрясается от его придирок этот древний разрушенный кабачек.

Ворот его разорван,сам он бесстрашен/нагл./,на талии у него зуннар,
В одной руке у мальчика - нож,в другой - чаша с вином.

Его взгляд - убийца, он отнимет жизнь у людей ислама,
Его локон - шнур для удушения благочестивых людей.

На его лице сто тысяч отблесков пламени народа неверных,
Во вред вере его волосы падают ста тысячами искристых завитков.

Сел он на земле у порога кабачка,
Осадок из его чаши каплет на землю,и дух входит в погребенных в ней людей.

Его взгляд при этом упал на меня и,смеясь,
Он с сотней тысяч любезностей сказал мне так.

О,Навои! Тому, кому будет уделом этот дух,
Бог вдохнет дух и ему будет прекрасный возврат.

---

x/ Рубии.

Погода была хороша и в руке моей была чаша чистого вина.
Я пил, но только от печали чашу кровавой воды/кровавых слез/.

Хватит ли у меня смелости сказать: выпей чашу!
Без нее нет желания пить вино,нет решимости,нет воли,нет силы.

От этого горя мое сердце полно кровью,так же, как чаша,
В моих глазах каждый миг вращаются слезы, похожие на водяные пузыри.

Так как она поняла,что воля уходит из моих рук,
Она рассмеялась, стала нежной,как чаша и сделала мне упрек.

Выпила чашу и осыпала меня сотней нежностей,
Ее опьянение вмиг сделало меня пьяным до бесчувствия.

Так как виночерпий отразил в зеркале чаши свою красоту,
Разве плохо, что бедное влюбленное сердце изжарено?

Навои, будь благодарным в этот миг в рай свидания,
Ибо после ты снова испытаешь мучения в аду разлуки.

Не удивительно, что черный локон - вуаль для твоего лика,
Ведь не удивительна для солнца темная завеса,когда наступает вечер?

В глазах моих зажегся огонь, от печали из них текут слезы.
Когда ударит молния, туча прольется дождем.

Может быть стало мечетью то, что было кумирней,
Ибо на твоем лице две брови - михраб.х/

Мечта о твоих волосах - в море моих глаз с тех пор, как любовь
Следуя указаниям сердца,кинула в воду канат.

Твое лицо, которое от жары тонет в поту,
Назови его солнечным ручьем или влажной розой,

Похмелье одолевает, а дверь в дом вина закрыта.
О, открыватель дверей, сжалься надо мной!

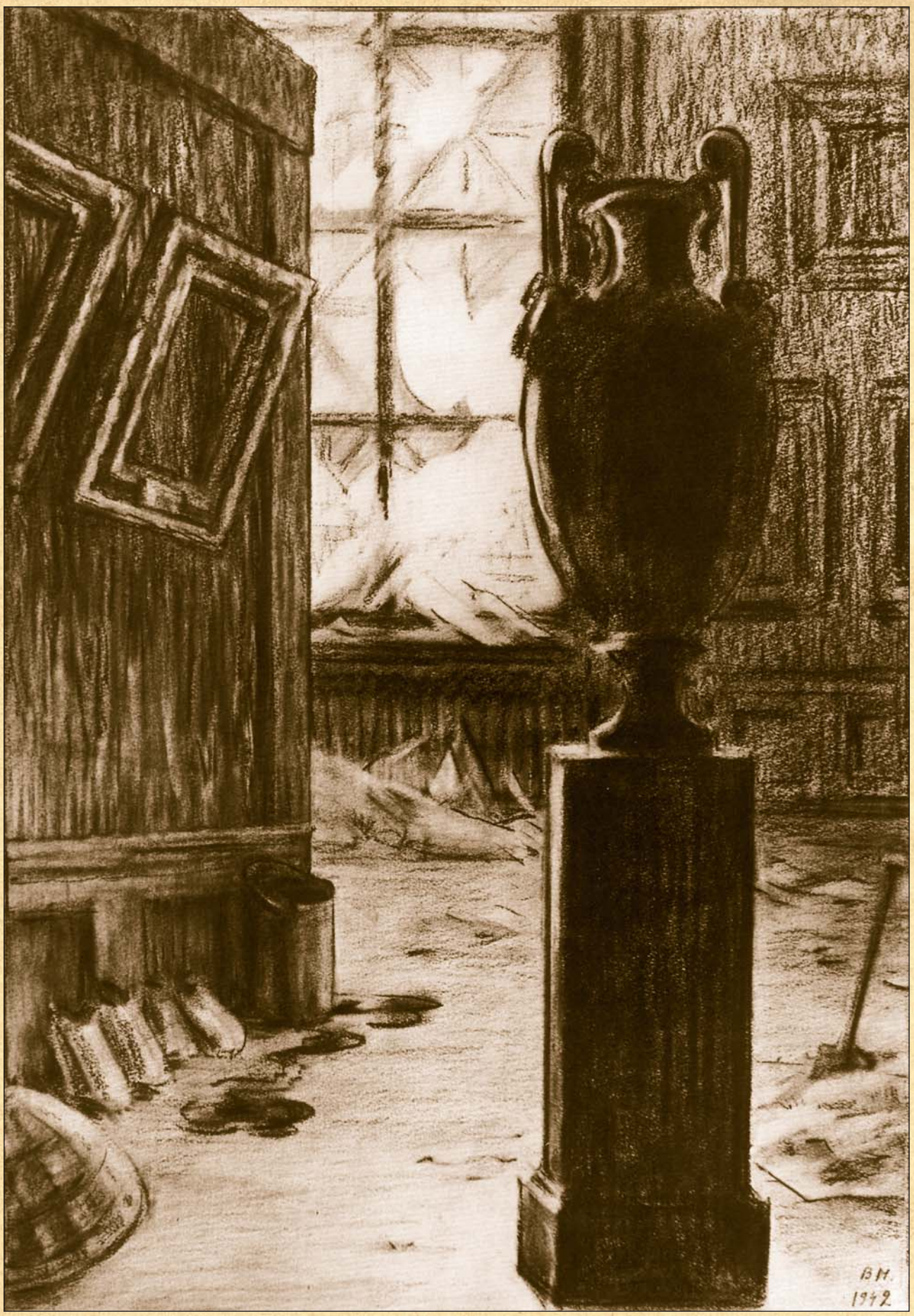
Навои! если придет учитель и откроет дверь кабачка,
Не поднимай головы от его ног, если даже голова твоя станет прахом.

Я гуляка, стремящийся к верности, помышляющий о любви,
Иди сюда и выпей чашу, не томись от похмелья!

х/ Михраб - род ниши в мечетях.

Школьный кабинет, где до войны занимались дети — юные друзья Эрмитажа, стал местом проведения торжественных собраний и научных конференций. Рис. Александра Никольского. 1942.

Разбитое окно и ваза.
Рис. Веры Милютиной. 1942.


ВМ.
1942

От твоих губ больная душа стала бессильной,
Не будет она бессильной, ей будет сладостей сон.

От моих слез погибла моя честь /= блеск лица моего/,я узнал
Что ртуть делает золото тусклым.

В разлуке с бровью каждая подкова, которую я беру,
Всегда становится,о душа моя,подобна михрабу 1/

Пояс ,обнимающий твой стан,от зависти
Кажется моему взгляду змеем, свернувшимся клубком.

Это мечта о твоих рубинах перед моими глазами,
А не кровавые слезы из под моих ресниц.

Рука разлуки из нити души вопль
Заставляет раздаться, как плектр из струны/извлекает звук/,

Не удивительно, если ты забудешь человеческое достоинство,
Держась всегда в своре бешеных собак!

Навои,не мучайся понапрасну,ища ее уста,
Ибо это драгоценность крайне редкая,

Твои волосы -черная ночь; о сладкогубая, стройная, как тополь
Твое лицо - сияющая звезда среди ночи.

В печали по тебе я до небес вознес/вопли/: "О господи",
О господи,найдет ли принятие это "О господи".

На твоем лице губы - пламя среди воды, это крайне странно!
На твоих губах пот - вода среди пламени, это крайне дивно!

Мечта о ней в больном сердце, а мне печаль.
Ведь она нежна, а там нет ничего кроме боли и страдания.

Пусть твой пес с"ест мое сердце,разорвав на куски,ведь
непристойно бы было бросить его ему,порезав на куски,

Чтобы ни пришло от судьбы, пей вино! потому что нет различия,
Снизойдешь ли ты к нему или прогневаешься.

Навои ,не умирай, потому что, если искомый тобой не хотел бы
Твоего сердца, зачем он тогда вложил бы в него столько горя
и стремления?
Не находи красы,сердце не нашло радости в любви,
Ведь "прекрасная просьба " для него - право требовать любви.

1/ Михраб - ниша в мечети, указывающая направление на Мекку, т.е. подкова мне напоминает изгиб твоей брови и я молюсь на нее, как на михраб.

Если в саду времен не распустится роза красоты,
Что удивительного, если соловей окажется без песен?

Ее огонь достиг лица, как подожжет он сердце,
Если арканы локонов не будут причиной в этом деле?

Отдаст ли человек свою сладкую душу с горечью,
Если сладкие губы не произнесут с кокетством горькой речи?

Зажги огонь любви у меня в душе светочем солнца,
А если нет, погаси светоч моей жизни, дунув на него.

О виночерпий, если нет огня любви, зажги огонь вина!
Чтобы обратились в пепел в миг боль и усталость, терния и шипы.

Если навои, только увидев звезды красоты, умрет, неудивительно
Ибо, когда прошла жизнь, взошло это счастливое светило.

О, ты цветник чьей красотой хорош, а свидание с кем еще лучше
Если для людей хороша твоя нежность, то моей душе жестокость твоя еще лучше.

Когда ее рубины спросили о состоянии моего сердца среди разлуки,
Какая беда может быть от той, распросы уст которой так хороши

Не говори, что та луна в этом мире или гурия в раю хороши,
Не видал я того /мира/, /но/ здесь все еще лучше!

Для солнца закат на небе не так хорош, как для меня
Красный кафтан той луны поверх ее голубого терлика x/ хорош!

Пользуйся молодостью, ибо я понял старея,
Что хороша любовь тех джигитов и хорошо время молодости.

О, отшельник, восседай торжественно в зените ханжества,
А для Наваи прах небытия и нищеты лучше!

Всасывай твои губы, я глотаю кровь, о, любимая!
Пей вино! а мне удел -кровь сердца.

Сказали : от твоей любовной тоски лишь подруга найдет лекарство,
О, горе! Я сгорел от любви, а любимая об этом не знает.

Вступая на твою улицу, сердце мечтает о твоих бровях потому что
Чужестранец всегда селится в уголке у михраба x/

---

x/ Род поддевки.
x/ Михраб - ниша в мечети, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

К поблекшему лицу прибавь вопль сердца,
Ибо удивительны стоны соловья осенью.

Ради Аллаха, смешай мой щербет со смертельным ядом,
Потому что дело мое зашло так далеко, что для него не придет
уже Мессия, о, врач!

Как бы мне успокоить расстроенное любовью к этой луне мое
сердце,
На подобие того, как обманывают сумасшедших лживым рассказом.

Пока четки и плащ еще не заложены за вино в кабачке невзгоды,
Настоятель монастыря не назначит народу /носить/ христианские
пояса и кресты.

Если твоя душа будет беспечна, поручи ее бедами судьбы,
Так как ребенка учитель наказывает фалеком.

О, Навои, от ее жестокости я говорю, что отринул любовь
Но стоит ей скрыться из глаз, как уже опять нет терпения и сна.

Прахом ног стала моя презренная душа, глотая кровь.
Чтобы только ухватиться за локон ее и, держа нить его, поце-
ловать.

Когда она распускает кудри в колодезь подбородка должны
упасть тысячи сердец,
Если она не помешает этому, поставив над тем колодцем светоч
лица.

Пересекать губительную степь любви трудно,
Но я вступил туда, охлаждая ее воздух ветром ее вздохов.

Гулять в саду времен, производя шум, -
Попусту гулять, пугая птиц жизни.

Чашей единения с тобой, если ты оживляешь людей, то знай на-
верное, что
Навои, который должен умереть, глотает кровавую воду разлуки.

Вчера вечером, в мою хижину вошла та, розовощекая, спеша,
От быстрой ходьбы, оросив розы розовой водой пота.

Сделав ресницы, словно ночные бродяги, кинжалами для похищения
души,
Она сделала мускусный шнур из своего спускающегося до пояса
амбрового локона -
струны.

Своим подобным солнцу лицом, она осветила мою темную хижину,
На меня пала дрожь и я взволновался, как пылинка.

Она села, смеясь, схватила мою руку и дала мне место около себя.
Начала беседу. Каждое свое слово она превратила в драгоценный
камень хорошей воды.

И сказала: "Мой печальный, бедный влюбленный, как ты живешь без меня?
Я стал нем и не мог осуществить желание, - ответить ей.

Она вынула флягу вина и наполнила кубок.
Выпив, она обратилась ко мне, кокетливо и мягко упрекая меня.

Говоря: "Эй, Меджнун, или ты увидел пери, что лишился сознания?
Возвращай со мной, выпей этот кубок, откинь покрывало /смущения/.

Я выпил, испустил вопль, пал к ее ногам, потеряв сознание.
Не вино, а ласка ее опьянила меня до потери сознания.

Я горю. А окажет ли это действие на ее сердце?
А если окажет действие, то будут ли у нее вести о моем положении?

Я все время выжидаю, стеная. Та неверная
Бросит ли хоть один взгляд на мои страдания?

О, проповедник! От искр моего вздоха горит небо.
Спроси, будут ли такие искры в аду?

Если спросит, скажи, что мое дело - быстро бегать по ристалищу.
Есть ли еще такие бегуны в золотых поясах?

Погляди на мое безумие, я обнимаю каждый кипарис в саду
Разве будет хоть один из них тем кипарисовым станом сереброгрудым?

О, приятель, спроси в саду времен у садовника
Кроме беды бывают ли иные плоды у побега любви?

О, Навои! Сколько я ни нищенствовал, она не спросила:
О, боже! Неужели тот печальный Меджнун до сих пор ходит от двери к двери?

Я блуждаю по ее улице, пусть люди бросят на меня взгляд,
Если /меня/ умертвят, цвет моей крови останется в ее земле.

Если в мое сердце разлука вонзит сто десятков тысяч кал,
Я, издавая стон,
Воскликну, что эти раны однажды будут излечены сладостью единения с ней.

Твоя стрела вошла мне в сердце и я бесконечно буду оберегать ее
Как бы не сломалась она вдруг эта бутылка.

Я погрузил сердце на ее улице в боль и страдания.
Если она увидит меня в таком состоянии, может быть/она/
возьмет мое сердце.

Кровь моих слез оросила пыль на ее улице,
С тем, что может быть из этой глины будет построен дом для
ее собаки.

Ты желаешь вступить в ограду единения с ней, мужественно
/бей ногой/ступай/ о, шествующий,
Не иди медленными шагами, полагая, что устанет сердце в этом
хождении.

Навои постоянно пьет вино несчастья с тем, что когда нибудь
Рисунок его жалобного напева, может быть, останется у певца
на пиру времен.

Твои глаза - убийцы, которые убивают людей, глядя /на них/
Не взглянуть на меня, сколько бы ни умоляли их мои глаза.

Каждый раз, словно пес, пробираюсь я в другую лазейку,
Каждый миг, когда она выгоняет меня со своей улицы

Подобно разбитой чаше, у которой во все стороны течет вино,
Течет кровь. Ведь камень печали разбил мою голову.

Так нежно/тонко/ тело ее, что, когда выпьет чашу вина
Идет оно по ее телу к желудку и явно всегда,

Любовь к тебе, если вырвется из моего пылкого тела, не диво,
Разве можно скрыть огонь в щепках?

Соловей направил свои крылья к розе в этом саду
А зимний ветер ее листья развеял.

Тот, кто предлагает людям своего времени напиток притеснения
Тому первому достанется выпить этот напиток.

Слова любви в предвечности закреплены на свитке моей души
Все остальное кроме этого написано на скрижали моего забвения

Я сказал той, что мечет стрелы в мое сердце: как имя твое
скажи!
Она сказала : посмотри, его написали на наконечнике моей
стрелы.

Если есть последователь у Вамыка и Меджнуна, что удивитель-
ного, что
Скрепу /тугра/ любви положило на меня перо предопределения?

На листах любви о ты, читавший/их/ сто тысяч бед,
Но на сто десятков тысяч больше того написано на листах мо-
ей разлуки.

О, ты, кто просит о толковании любовной боли, я
Кончиком жала страдания закрепил его на моей развалившейся
лачуге.

- 14-

Зачем читаешь ты в преданиях о грусти Якуба/Якова/?
Таких сто и одно бедствие закреплены в моем доме печали.

То, что ты разделив мое тело на части, расстроил /его/,
Толкование этого написано на частицах моей расстроенности.

Историю моей смерти от раны/нанесенной/мечом любви,
О,Навои,изложив в стихах, запиши в моем диване.

О,утренний ветерок! Скажите успокаивающей сердце о моем состо-
Скажи той с иконами -гиацинтами,лицом-розой и телом- /янии
розовым кипарисом

О том, что в тоске о ее рубинах я напрасно проливаю кровь,
Среди наслаждений пира, полной чашей пьющей вино/любимой/
скажи.

О горечи желания,яде вина,цветет слезы
Скажи сладким губам и блестящим словам моей своевольной
смутьянки
Говоря: -почему в ночь разлуки твоя судьба стала темной-
Не спрашивай у меня это слово, а скажи его моему вечеру,не
знающему утра!
Так как в любви к той пери я оставил имя и честь,
Всадник сердца! Скажи это в долине разлуки моей обесславленной

О,чудотворец,начало моих дел было мятежно.
Озарит ли конец его луч милосердия,скажи!

Нет успокаивающей сердце Навои в печали.О,спутник,
Если увидишь его состояние,пожалуйста,скажи о нем успокаиваю-
щей его сердце.

Это не заросль тюльпанов,нет это огонь охватил пир от моих
вздохов.
Это не вечерняя заря,нет,пламя охватило небо от разлуки с
землей!

Люди сказали : огонь того лица сожжет дома.
Когда я услышал эти слова, на меня бездомного пал огонь.

Блеск твоих щек спалил войско моего терпения,
Сверкнула молния бедствия и на тот караван пал огонь.

Развеяла ли роза свой дом и пестрым стал ветер
Или от несправедливости неба на идущий кипарис пал огонь?

Я сгорел,я умер! Ведь когда ты открыла лицо,зажигая людей,
Ты метнула огонь на людей,но на меня немощного пал огонь.

О,Навои! Знай,что вздыхаю о ней я безвольно.
Скажут - на лесные чащи Мазандерана пал огонь.

Я буду много бить челом у ее ног и,если выпью вина,-достигну
единения,
Где в кабачке магов другой,подобный мне, поклонник вина?

С тех пор, как сердце разбито разлукой,кровь течет непрестанно
Подобно бутылке,вино которой проливается, когда она разбита.

Если я потеряю сознание, то не убивайте,о,мальчики магн!
Потому, что сегодня первый день нарушения покаяния и я пьян.

Я и дом вина! ибо виночерпий и певец
Пленили меня силком локона, и радостью чаши.

Не проявляй тщеславия и гордыни на пиру величия,
Ибо такие заносчивые бывают унижены еще одной /лишней/ чашой.

Нет товарища, который в степи небытия,взявшись за руку друг
друга
Был бы на дороге мне и спутником и подмогой.

Видя меня пьяным, не разбивай мою чашу, о,шейх!
Потому, что опьянила меня так чаша предвечности.

Подобно тому,как крыша сползет,теснимая потоком,так в кабачке
И я от потока вина опустошен и согнут.

Навои, утонувший в вине, стал очень слабым.
На его шею накинули аркан из волоса горлышка бутылки,

Если миру будет причинена скорбь от небосвода,
Это будет причиной для огорчения этого больного.

Может быть в день смерти Фархада и Меджнуна
Любовь сделала меня наследником их бед и страданий.

Я собрал жатву разлуки,посеяв семена свидания,
На пашне веков бывает ли земледелец подобный мне?

Если та луна перестанет посещать меня, из меня выйдет душа,
Я - жив, если та жизнь помедлит /возле меня/ хоть миг.

Путь любви мне и Меджнуну
Так достался, что не найдет небосвод третьего такого.

Ты спрашивай о пути небытия у людей немых и безмолвных
Ибо не знает учения любви спорщик и вступающий в дискуссии.

С Навои в любви приключатся сотни бед,словно
Все бедствия небосвода сыплются только на него!

О,смятение локонов,смешение сотен томлений,
Эти невиданные цепи и причина томления и исцеление от него!

Ты слишком нежна была в деле свидания,о,сердце!
Ведь нежно то лицо,у которого природа нежна.

Если я буду жаловаться на печаль разлуки,она скажет:"терпи"!
О,горе!
Для ядовитой и пагубной болезни невиданы все средства.

Когда, наголая меч, заносит его над головой,словно щепки,
О, горе! во все стороны летят со всех голов венцы.

Если из-за твоей жестокости я ослабев, что за беда в том
Ты богата, а я нищ, ты шах, а я из людей нужды.

Твоя прямая шея бела, а ветви кудрей твоих - черны,
Так же, как у эбеновой стрелы сочленения из слоновой кости.

В стране любви злодей - султан красоты,
Ибо от владений сердца он взимает подать - звонкой монетой
веры.

Небо считай лампадой,чистое сердце-стеклом,
Не вздыхай, потому что от ветра найдет ущерб яркий светоч.

Вздох пагубен, о,Навои, ведь рана сердца загноилась,
Найдут ее люди, если воздух будет поражен зловонием.

Твои рубины убийцы -не нуждаются в жизни
Безверие твоих глаз нужно вере.

Твои губы нужны моему сердцу так,
Как Искандер нуждается в источнике живой воды.

Когда ты скакала по ристалищу это - не бедствие,
Если зрители нуждаются в беге.

Мое сердце хочет стать мучеником любви,
Ибо оно нуждается в очаровательном,вкрадчивом взгляде.

Бежит птица моего сердца из хижины горя,
Хотя оно - филин и нуждается в руинах.

Твое лицо - круг луны,я нуждаюсь в нем
Так же, как бедняк нуждается в хлебе.

Будь нищим в винной лавке небытия,
Коли скажешь,что не нуждаешься в султане.

Я более нуждаюсь в ней,чем она во мне,хотя
Она верно во многом нуждается,если смотрит по всем сторонам.

Навои не нуждается в душе, но
Сотней душ он нуждается в милой.

**Ночью путь в эрмитажные бомбоубежища был фантастичен до жути.
Лист из альбома Александра Никольского. Фрагмент. Зима 1941—1942 гг.**

**Золотая гостиная.
Рис. Веры Милютиной. 1942.**

В кабачке успокоился мой слух,отшельник, какая польза в
твоих криках?
Ведь поутру на радении много завывал и так шейх.

О,Навои!Он передал свою хырку и оказал милость
Когда заложил ее мне вместо звонкой монеты за вино.

От любви меня предостерегает простоватый шейх.
Не говори"простоватый шейх", скажи "шейх глупый,как собака".

Что мне считаться с соломой,плавающей поверх вина,
Если шейх расстелет свой коврик на воде.

Свет невозможен от него, ибо
На путь заблуждения попал шейх.

Ладью корыстолюбия в море лицемерия
Погрузил и сделал из своего жезла весло шейх.

Расставляет сеть коварства для удовлетворения народа,
Сделав свои четки зерном - приманкой шейх.

В гнев придут дикие звери и в похоть домашние,
Если шейх скажется сыном человеческим.

Шейх войдет в число людей, если сделает глоток
Из чаши с вином в кабачке небытия.

Я добровольно стал бы его рабом,
Если бы я нашел честного шейха.

Считает себя мужем,хотя
С множеством убранств своих он - только самка,шейх.

Навои хочет чистодушного джигита,
Что за печаль, если мешает простоватый шейх?

На ее лице сбоку амбровые родинки
Как будто в огненный уголь пала амбра и поднимает дым.

Моя слеза в море печали вызвала жалость в ее сердце,
Я заморский купец,извлекающий пользу их жемчугов.

На пиру печали я шах.На моем желтом лице кровавые слезы-
это вино рубинового цвета, а то позолоченная чаша.

Мое сердце просит подаяния,но не находит твоих уст,
Что бы тебе удовлетворить его хотя бы обещанием?

Приди, и пусть на пути твоем прах будет жертвой твоей голове
И тело полно страданий и душа истерзана болью.

---

* Страница 17 в источнике отсутствует.

Сотри из твоих помыслов всякие заботы о бытии и небытии, ибо
В конце концов, не останется для тебя ни бытия, ни небытия !

Ты стал распространителем пьяной мелодии, о, Навои!
Виночерпий, наполни теперь /чаши/ вином, музыкант играй теперь на лютне.

И обувь на ее ногах - груба, и на голове тюрбан - грубый,
Чтобы убивать влюбленных с головы до ног она груба.

Как мне устранить у нее грубость, ведь если у других
Есть какое-нибудь дело, то все ее поведение - грубо.

Тот человек будет знать каждый миг как я умираю,
С которым каждое мгновение кровожадная, скверная будет груба.

О, ветер, сильно было мое опьянение ночью в саду,
Только поутру я погрузился в сон, не дуй так грубо!

О, юный маг, если главу кабачка сделало грубым похмелье
Наполни чашу быстро, влей в нее крепкое вино похмелья.

О, Навои, если век не исполняет твое желание, не раздражайся,
Так сто желаний не стоят и одного мига раздражения!

Я, который вошел в степь разлуки, как смерч, не зная покоя,
Ах! О горе! /бессильный/ и скиталец и ничтожен.

В мое голое тело со всех сторон вонзилось сто тысяч шипов.
Каждый шип зажигает искра от огня моего сердца.

Фархад, который прокопал ногтями гору печали,
Приблизится к горе, которую я прокопал, и будет пристыжен.

Если бы я однажды узнал тяжесть печали разлуки
Я бы не пожелал единения, даже если оно продлится сто лет.

Друзья! Не сейте семена любви и привязанности
Ибо печаль разлуки бывает их плодом.

О, утренний ветер! Навои исстрадался от его больной души.
Отнеси и рассей ее перед собаками любимой.

Имя этого темного убийцы - ночь разлуки,
Не называй его дымом моего вздоха - это день влюбленных

В теле от разлуки с твоим лицом тысячи стрел печали,
Как будто она дым из капища сердца.

Не из костей узлы в нитях моего тела,
А из боли моей узлы тела.

У той шалуньи в игре, чтобы выгнать из сердца
Разум, сознание и терпение - есть бедственное об"ятие.

Сон навевает голос воды, но отнимает сон
От глаз людей голос потока моих слез.

Если, играя, та луна прольет мою кровь, не будет страшно,
Ибо все это игра прихотливой судьбы.

На сто кусков разбила она мою голову и оттолкнула Навои,
Она не знает, что всеми костями можно играть.

В моей темной ночи, где сверкают молнии - беды
Каждый миг из пасти дракона тоски вырывается пламя.

Степь разлуки, о горе! как мне пройти, ведь за каждым шипом
Вонзившимся мне в тело вздымается другой шип.

Во время любви положить на меня оковы зачем ищут друзья, ведь
Каждый вопль разрывает все мои связки /=оковы/ одну от другой.

Чтобы исцелить меня ты спрашиваешь о моем состоянии, о врач,
Этот рассказ заставь рассказать того, кто знает о своем состоянии

Среди гор и долин мое положение столь трудно, что
Меджнун-ли, Фархад-ли увидят меня, изумляются сто раз.

Сколь черна ночь моей разлуки, ибо не светит ничуть
И то пламя, которое от моих вздохов вырывается к небесному своду.

Можно ли из письма понять мое состояние, о шалунья?
Ведь сожжет бумагу толкование моей разлуки, когда будет написано.

О виночерпий, не затягивай речи, подыми чашу с вином, потому что
Повесть о разлуке не сократится сколько бы она не рассказывалась.

В ту ночь, когда в моем сердце мечта о твоем локоне,
До зари мое слабое тело извивается, как змея.

У твоего порога каждой ночью я со слабой собакой,
То мое тело подпирает ее голову, а то моя голова ее тело.

О, пери, берегись горения сердца, ведь
От молнии моего вздоха крыло ангелов загорается

Если я о сне в разлуке и о горении вечерних вздохов моих
Расскажу, продубится народ, погруженный в последний сон.

Если я буду унижаться, не будет это удивительно, если случится в любви
Драконы изучают путь пресмыкания.

Своим огненным лицом не сжигай народа, потому что
Свеча сжигает сто мотыльков, - но сжигает и себя саму.

Не удивительно, что блистают стройные, как тополя от вздохов о Навои,
Ведь деревья всегда трясутся от дуновения ветра.

В доме сердца начертан образ твоего лица,
И цвет его не изменится от дыма моих вздохов.

Так расположена на твоем круглом подбородке родинка
Словно это индиец в /магическом круге/ заклинает пери.

Может быть вода была водой жизни, а дыхание - дыханием Мессии
Когда рука предопределения замешивала твою глину.

Какой бы камень ни бросили через отверстие моей раны в мое сердце
О, виночерпий! Сделай меня пьяным, ибо пришел мухтэсиб x/

Пусть он не найдет моих следов, в тот миг, когда будет штрафовать.

Навой с нежностью поцеловал твое лицо во сне.
Скажи же каково толкование этого сна!

---

x/ Мухтэсиб - чиновник полиции, наблюдающий за исполнением предписаний.

Если я не умер этой ночью, почему такие жалобные и печальные вопли?
И почему воют твои собаки над моей головой?

Если ночь печали своими муками не отняла мою душу,
То почему же тогда звезды не трогаются с места?

Дом тела опустошен. Терпения, решимости и разума
Не осталось. Что же такое это отравление влюбленных?

Ты погубила мое безумное сердце и пустила на ветер мою душу.
Снова пришла ты. Что же такое тогда опозоренный в степи упрека?

Любовь истребила мою человеческую суть и не отнимает от меня руки,
Я не знаю теперь, что же такое ее стремление?

Так как звук не вмещает в речи тайну любви, о законовед!
Что такое болтовня ученых людей?

Ночь разлуки меня безумного темнотой погубила,
Какое же еще желание в ее голове?

Так как нельзя не испытать того, что предначертано предвечно.
То к чему же все попытки людей изменить его?

О, Навои, раз нет в любви возможности свидания,
Для чего столько искушений помыслам моего безумного сердца?

Всегда, когда в моей памяти появляются те глаза и брови,
На бровях моих появляются складки, на глаза мои навертываются слезы.
Камень, брошенный той луной, я положил на свое сердце.
Если я проведу во все стороны рукой по его/ сердца/ ране, тот камень завертится на моей груди.

Я исчез от слабости и боязни, убила меня ревность, когда
В ее цветущей улице утренний ветерок явно прогуливается.

О, безумцы, историю моего сказания
Не слушайте, ибо от слушания закружится голова.

Величайшее служение - смотреть на образ того идола
Потому, что, когда смотришь на ее изображение, на память приходит художник.

Приди, многие поражаются обычаю этого древнего кабачка,
Ведь там ночью вращаются сотни серебряных изображений летучих мышей.

Навои со звонкой монетой жизни отправляется в кабак,
Как только его сердцу вспомнится та кокетливая разбойница.

Этой ночью свеча и утро разодрали ворот
Как будто узнали, что я умираю в разлуке с тобой.

О появлении любви дали знак Вамыку и Меджнуну,
Которые были записаны раньше /меня/ в свитке любви.

Влюбленные ищут избавления из колодца разлуки
По ее улице распространялись подобно полчищу муравьев.

Глаза кабачка, при мысли о единении с тобой, прикрою,
А те, кто пытался остановить это /единение/, сбились с толку

Шахом становится нищий в кабаке,, нет, нет я ошибся,
Разве видали когда-нибудь там шаха нищие?

О, Навои, прямо ставь свою ногу на улице любви,
Ведь там, от воды слез, люди часто скользят.

Друзья, плачьте горько, горько о моем безумии,
Ибо падшая на мое сердце печаль по временам погружает его в огонь.

Если ветерок не хочет изранить все сердца,
Почему же он тогда рассыпает и разбрасывает ее локоны?

Я боюсь, что будет оскорблен твой нежный стан,
Когда мягко рассыплются по твоим плечам твои мускусные косы

Кольцами, кольцами ты метнула на мою шею шнуры локонов,
Должно быть, возлюбленная приговорила меня к повешению за того,
преступление моей любви!

Любовь такой воспитатель, что добьется она, достигнув меня
Что стану я соловьем, когда откроет лицо та розощекая.

О, Навои, та роза стала неверной, огнепоклонницей,
Удивительно ли, о горе, горе, если она зажжет твою душу огнем зуннара.х/

х/ Зуннар - пояс, который носят/или огнепоклонники и христиане.

Коли я открою огонь сердца, загорится весь мир.
Коли я дам ему разгореться, загорятся девять небес.

Не рассыпайте по вате, не кладите камфару на мою рану.
Ведь и вата займется и мазь загорится.

Коли сердце загорится от жгучей печали по ней, это не будет странно.
Ведь лицо в огненной разлуке с ней каждый миг загорается.

От искры огня любви мое тело так разгорелось, как
Коли молния падет на сор, он загорится.

Закипев в источнике глаз, слеза подожгла мое тело.
Кипящая вода на какую часть тела ни попадет, загорится.

О, Навои, пролей влагу вина на огонь моего серда
Ведь сердце не вытерпит того огня и загорится.

Не повесили на твоем уже, поверх лица драгоценные камни, -
Это расстались угли с лучом того огня.

Не гвоздь и подкова для того, чтобы целовать ногу твоему коню,
А с небесного Рахша опустились молодой месяц и звезды.

В лице твоем не пот из капель живой воды,
А красоту солнца рука творения убрала украшениями.

Это не наконечники стрел вышли из моего тела,
Когда я вынул их, я потетел, ибо приросли к телу крылья.

Не говори, что на свитках ее ланит добрые знаки x/ /=пушок/
Это изготовила любовь приказ убить меня.

Не испытывай похмелья весной, выйди в степь.
Ведь тюльпаны взяли много чаш цвета лала.

Если Навои дал похитить свое сердце и не нашел его,
Оно в руках того, в руках у кого все похитители сердец в мире.

Пока в кабачке еще есть признаки юных магов,
О, старец кабачка, моя голова у этого порога.

---

x/ В то же время надпись.

Если я вне себя буду вопить, это и не будет странно, потому что в кабачке
Куда ни взглянешь, везде поступленное бормотание.

То старец кабачка причина, то юные маги,
Нет, нет! мое желание - вино, а это только предлог.

В кабачке нет различия между глиняными черепками и золотым кубком.
Шах стал равен здесь нищему - это дом удивительных дел.

Тайны единения ищи от старца трущоб
Ибо наставление шейха -проповедника обман и пустая болтовня.

Если виночерпий и вино не зажгли огня в моем сердце,
Что за огненные языки вырываются каждый миг при его вздохе.

Знай, жизнь - только миг, не ищи у нее верности.
Увы, она такова же, как и люди /нашего/ времени.

Из глаз брызнула слеза, огонь сердца принес плод,
Такое пламя возникло из него, удивительное это семя!

Неверием она сделала, кажется, дом моего сердца, капищем от
Потому что тот огонь никогда не гаснет и горит там /в серд.

Мотылек подобно мне беспокоен в огне любви.
Ведь и его жжет серебротелый кипарис.

Умирать с желанием и без ислама не удивительно, о, мусульмане!
Если убийца, как у меня своевольный неверный!

Но что мне день и ночь, их свет и мрак, если я
Желаю нежного пушка на лице и розовых щек.

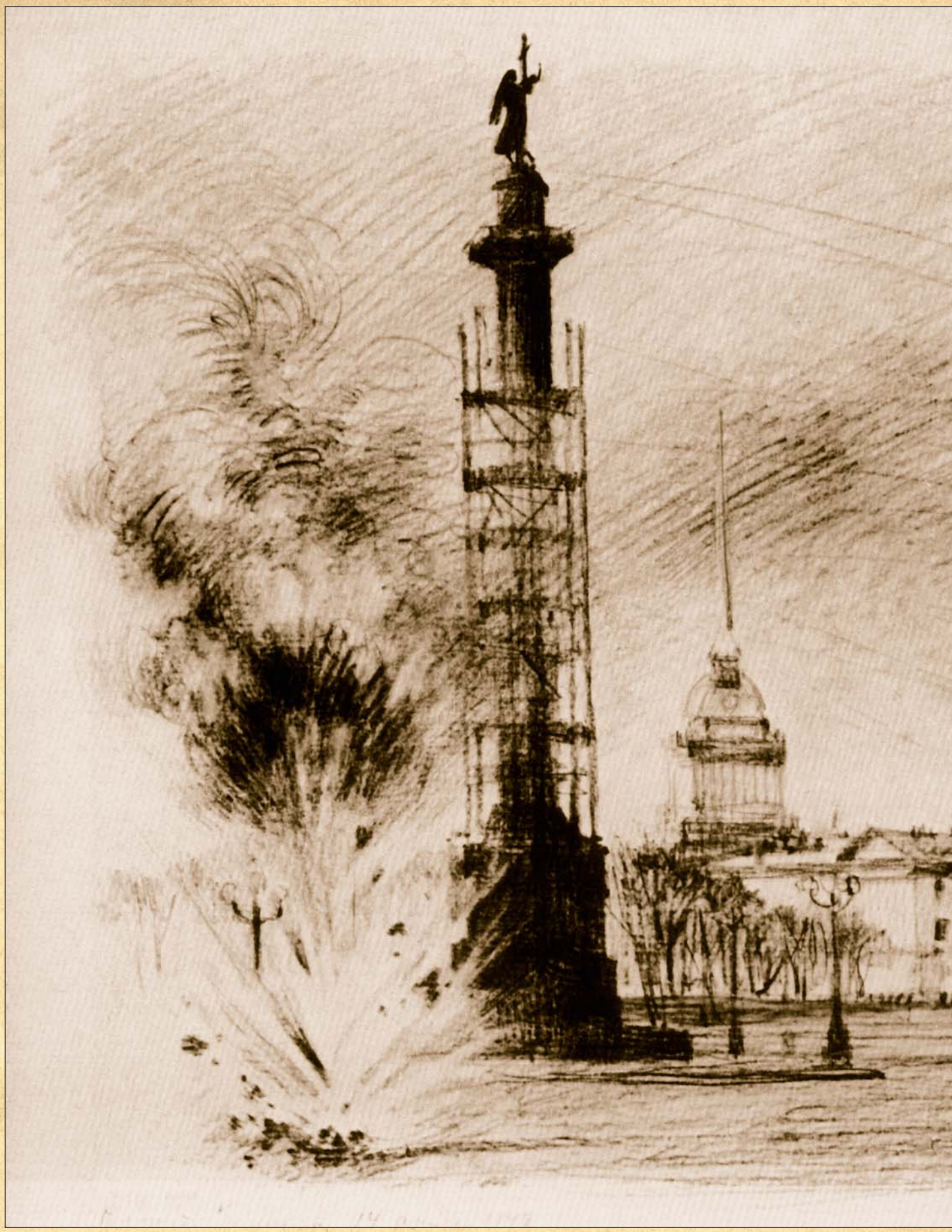
Может быть, птица души хочет быть добычей родинок и локонов?
Ведь птицам, подобным ей, подходят такие силки и зерно в них.

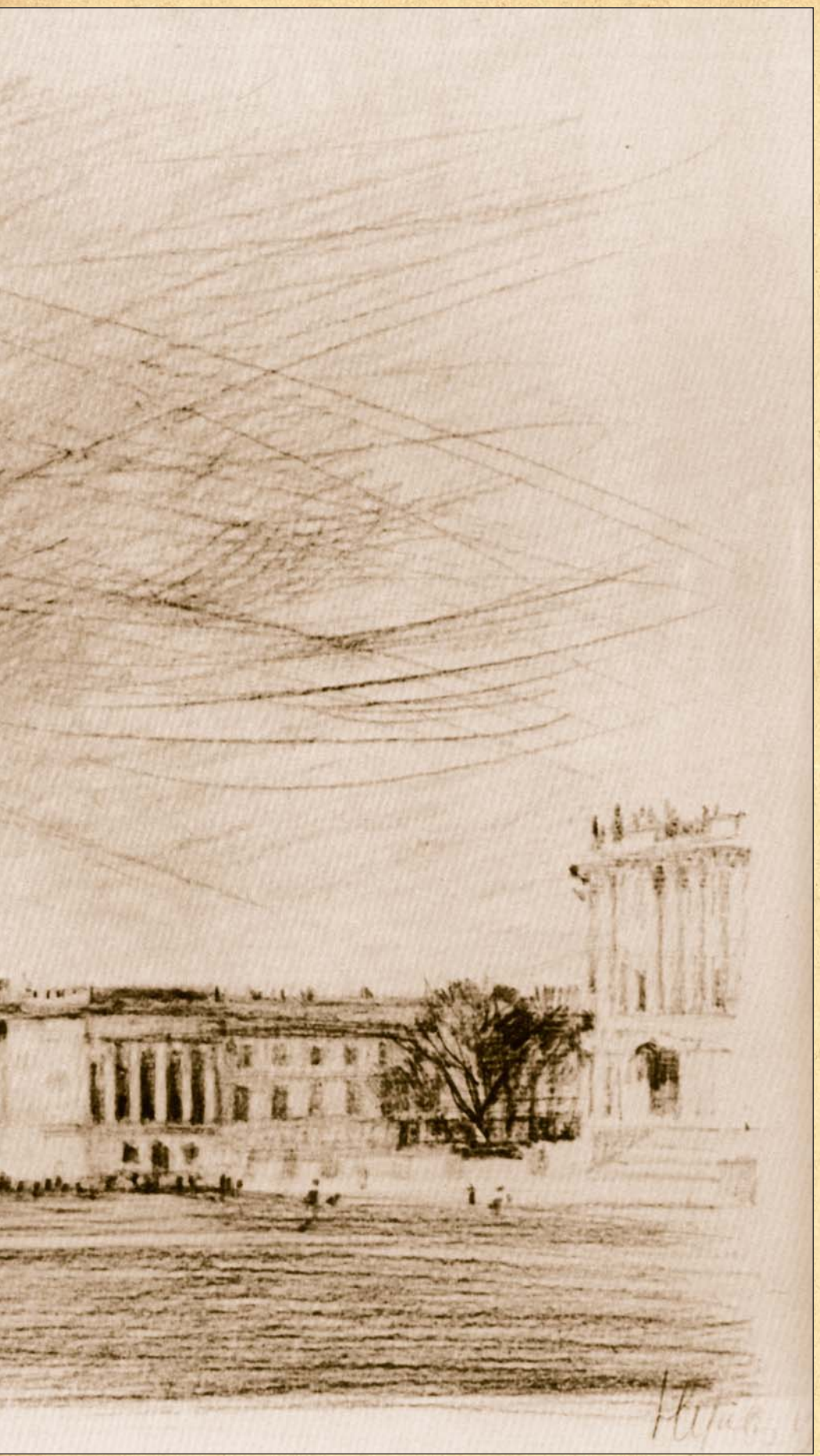
Пусть возьмет она, как нарцисс, долю от наслаждения в жизни,
Ведь у него в середине пяти камфарных кругов -золотая чаша.

Раз людям века необходимо придерживаться цвета времени
То /понятно/, что когда век неудачный и люди в нем неудачны.

О, Навои, так как у людей века нет напева /средств/,
То жаждать того, чего нет- пустая мечта!

1/ Т.е. сообразоваться с эпохой.





**Дворцовая площадь
14 октября 1942 года.
Рис. Николая Павлова.**

В разлуке с ее родинками страдание всего сердца безмерно.
Черное смятение от ее тавра все время возобновляется.

Во сне я видел облик Юсуфа, вспомнив о моей милой,
Словно бы, он /Юсуф/ мерка для формы, а та /моя милая/
для чистого духа.

Мой сон улетел, потому что рот моей раны зарос, о, друг,
Словно бы, она приносит мне сон, это - зевок.

Из-за ее вкрадчивого взгляда - палача я не узнал о состоянии
ее сердца,
О, утренний ветер, ради бога! Что за слухи на ее улице?

Я описывал ее рубины - целую книгу на листов души,
Переплет этой книги со всех сторон из нитей души.

Из его раны течет много крови, или это от безумия,
Что на улице той пери каждый миг ожидается мое безумное
сердце.

Знай в мою невинность, кельи тела
Есть охотничья хижина для того, чтоб охотник души мог охо-
титься за дичью страсти.

Себя она накормила, убив Навои, его кровью,
Хотя каждая капля ее - румяна для райских роз.

Из лепестков огня розы одежда на моей подруге,
Это не одежда - это огонь, что горит в моей душе,

От крови птицы души пролесть приобрел цвет пальмы,
Или же одежда красного тюльпана на моем гордо выступающем
кипарисе?

Есть опасение убийства, но есть еще и надежда на сострадание
Это алая одежда, которая на моей немусульманке.

Вероятно не бывает в ночь свидания мотылька, который не
сгорел бы -
Ведь этот пояс цвета заката на светоче моей опочивальни.

В беседе с розой да не держит себя кипарис слишком вели-
чественно!
О, утренний ветерок, ведь та /красавица/ в розовом кафтане
около меня!

О, виночерпий, налей вина цвета розы, принеси чашу!
Мой обет во дворце - отказ от отшельнических опасений.

О, Навои, не заставляй соловья души желать каждую розу
Он около моей смеющейся в розовом кафтане, у которой губы -
розовый лепесток.

В саду времен, где лист розы возбуждает веселье,
Не лист розы это, а яркое пламя, сжигающее занявшиеся шипы.

Подумай, видя разноцветные розы,
Ведь эта костра распустилась для убийства соловья.

Так как к сладкому напитку свидания примешан яд разлуки,
То, поэтому, лучше воздержаться от этого ее шербета.

Каждую ночь погружают в огонь людей века
Небосвод, когда сыплет цветами звездных искр.

Хотя Фархад убит мечом притеснения,
Но не спасся от этого убийственного меча и Парвиз.

Вступи на путь небытия, схватившись за свою голову,
Потому что нет на этом пути иной заручки для человека.

Желание утра свидания с тобой надо омрачить,
Потому что ночь разлуки распространяет мускус и сыплет амбру

О, соловей, ты не увидишь лица розы утра
Если ты не станешь, как Навои, в этом цветнике встающим посреди ночи.

Если бы никогда не познакомился с той луной,
На голову мою не сыпались бы беды от судьбы

Если я был неумеренным на пути любви, сколь изумительно
Что мне не выпадало никогда это дело.

Вследствие притеснений ее не говори: Держись за оставление любви, /оставь любовь/
Разве может это когда либо быть дозволенным от людей верности

Я пленен бедой любви, но не хочет
Избавиться от этой беды такой пленный.

Так как нет лекарства для болезни любви, о горе!
Не находила ни эта неисцелимая болезнь никогда излечения.

Распространились имена Вамика и Фархада, но не было
Никогда и нигде такого дела, как событие со мной

Не слушай своего сердца мирон, Хорошо
Если чаша, показывающая мир никогда не станет темной.

Если мне будет много мучений от людей века спроси:
Кто это видел когда либо верность от этой породы?

Чтобы мне пришло, будь довольна, потому что для сердца народа
Никогда не вычеркивает написанного писец судьбы.

Человек не видит в любви мучений таких, какие я вижу всегда
В печали от разлуки /он/ беспокоен и нетерпелив, как я всегда

От стрелы твоего взгляда и от смятенного твоего локона не
было /такого человека/
У которого бы как у меня истерзалось сердце и расстроилась
судьба.

Не было никогда подобно тебе неверной обету в веках,
Но не было никогда и столь крепкого как я в верности.

Если ты скажешь; " погоню я коня по праху тел возлюбленных"
Много искав не найдешь ты верно столь всегда униженного в
прахе, как я.

Я сказал: "Никогда не было в саду времен такого соловья как
я";
Она сказала: "была ли когда нибудь такая розовощекая как я?"

Если возлюбленная станет виночерпием не говорите об изгнании
Человеку всегда опьяненному как я, чашей единения.

Не смея я сказать: "не было в жестокости подобной тебе".
Но никогда не было и подобного мне в перенесении притеснений!

В беде разлуки никто не был так безнадежен как я, хотя
Не было никогда и никого столь полного надежд в свидании с
ней как я!

С тех пор, как глазам моим и сердцу стали явными те локоны и
лицо
От глаз моих отлетели сон ночью и от сердца терпение днем.

От непрерывных потоков слез ночью разлуки полосы появились
на моем лице,
У звезд появился обычай при восхождении ночью печали дви-
гаться.

С тех пор, как с мечтой о тебе, я оп"янен вином любви,
Не буду я ни на один миг от счастья любви в одиночестве.

Новый месяц зашел, нарцисс осыпался, уничтожены стройная роза
и кипарис,
Всевышний бог, что же это за брови и глаза оказались, боже,
что за стан и лик!

Не удивительно, если прямой кипарис, как тень, склонит перед
тобой голову
Ибо, ведь если стан человека прям, то и тень его пряма.

Жеманство розы и кипариса на лугу не нравится моему сердцу,
Моя душа - жертва тебе, блесни твоим станом, покажи лицо!

Я иду из монастыря в кабак, устрой пир, маг!
Подними песть магов, о, музыкант! О, юный маг, жги вином!

- 29-

Так как в кабачке маров имя друга стало предметом радения,о, виночерпий!
Давай мне чаши будь их девяносто,будь девять.

Для Навои при воспоминании о красавице цель - его любимая,
Принадлежит ли она к племени Барлас,Арлат,Сулдуз или носит звание Тархан.

Не уходи,я не могу и миг быть без тебя!
Приди! Не могу я вытерпеть ни одного мгновения без тебя.

В смертный час не выходи из моего сердца,ибо для этого путешествия
Душа не сможет расстаться со страной тела без тебя.

Если на винном пире ты пожелаешь моей радости,виночерпий,знай
Что я,выпив вина,Кевсер,x/ не могу развеселиться без тебя.

Благодаря вину твоей любви я потерял сознание,если захочешь
Вернуть мое сознание,приди сюда, я не могу очнуться без тебя.

Моя имя подобно соловью и розе без тебя не будет на языке народа,
Хвала,что ни слова я не могу вымолвить без тебя.

Так как Навои увидав тебя,ни на миг не узнает себя,то
Не уходи,ибо ни на миг не могу я узнать себя без тебя.

Белеть начала голова,сыпаться начали зубы,
Собирайся в путь,к концу идет дело!

Когда пустилась в путь моя юность, пришла мне на голову старость,
Таково,оказывается хождение взад и вперед на пути небытия.

Кто от сорока пустился к пятидесяти,
Из моих дел увидит, что добра не жди.

Доказательство того, что улетит из жизни,как стрела,
Тот человек,у которого посох,как натянутая тетива у согнутого как лук стана
Раз со всех шести сторон враг мне семь небес,
Какая мне польза,шестьдесят ли мне лет,семьдесят ли?

Юность -весна, а зрелость - осень,
Кто сказал это слово,сравнил дряхлость с зимой?

Ни от зимы нет мне радости, ни от осени и весны,
Когда на весну мою надвинулась осень, а на осень зима.

Странно это, как истомится человек от жизни,
Скажешь: долго живи! Проклятием ему это пожелание-добра,

О,Навои,люди небытия держат путь к избавлению
Если хочешь достигнуть цели, следуй и ты за ними!

---

x/ Кевсер - райский источник

В зените красоты солнце твоего лица - счастливое предзнаменование
Твоя родинка - индийская планета счастья.

Я сказал, что разожгу описанием твоей красоты свою любовь,
Я не знал, что язык будет немым при восхвалении.

Достойна она взлететь на крыльях прекрасного пушка /на лице/,
Прекрасная, которая беспечна о бедах любви и печали.

Я хотел отказаться от любви в сердце своем, но увидев его состояние
От возбуждения сильной страсти оно, оказывается, чувствовало себя плохо.

Не успев моргнуть, ее вкрадчивый взгляд проливает кровь сотни людей,
Достигнув меня, несчастного, она не обращает внимания.

С тех пор как живописец начертил портрет той подобной пери,
я - понял,
Что это изображение самый разум делает безумным.

О, виночерпий, оживи меня чашей свидания
Ибо похмелье чаши разлуки - удивительно убийственно.

Если бы Навои захотел стать руководителем пиров,
Он стал бы игрушкой для детей на улице опозоренной любви.

Мне - ничему дело - каждый миг ходить в стороне /ее/ улицы,
Кидать пищу собаке и умолять привратника - дело.

Следуя за окровавленным сердцем на том лугу
Дело - искать бутонов на кустах роз.

Ходить к ней и душу и сердце от ревности
Обоих /сердце и душу/ под сотней предлогов отвращать от слез - дело.
Если мечта о тебе войдет в мое сердце из стран попрека
Мое дело - со всех сторон оберегать мое бессильное тело.

Если я скажу: - о, виночерпий, держи бурдюк с вином!
То прими это.
Его дело - держать, ваше дело - глотать.

С каждым мигом все безумнее становится потерянный Навои по ночам.
Наше дело - направлять его в улицу разума.

Чтобы ни делал тот жестокий кумир, все кажется прекрасным,
Когда кокетливая и очаровательная она выходит с пира пьяная.

Лицу твоему так подходит чаша твоих рубинов
Как в свежем цветнике прекрасна чаша вина цвета Лала!

С двух сторон твоей луны подобно Сухейлю /Канопу/ и Зохре /Венере/
Виднеются две драгоценных жемчужины в твоих ушах.

Твои глаза, которые сладко покоятся на лице, кажется, что это
На мягком ложе лепестков тюльпана покоится газель.

Как может род человеческий насладиться беседой с ней.
Если в ней одной красота гурии, рожденной от пери.

Я и красота ее! Раз увидеть - отдать душу!
Хорошо это или не хорошо у людей нашего века!

О, Навои, если от друга ты хочешь только его самого, то
Милость и немилость ее должны быть для тебя одинаково хороши.

В ее лице и губах, оказывается, столько сладости,
В ее глазах и бровях, оказывается, столько горя!

От ее красоты бежала и пери, называя ее гурией.
У одного человека, оказывается, столько величия!

Когда солнце увидело красоту моей луны, оно закрылось,
Оказывается, небесные тела столь грубы!

Вину твоих рубинов источник жизни если примешать,
Оно еще пьянее станет, вот насколько оно чисто!

Когда она творила зло, я бы не погиб,
Если бы я узнал, что потом ее нежность увеличится.

Когда я ходил в степь беды, если бы я только подумал,
Знаю ли я хоть одну сотую часть ужасов, которые там есть!

Она сказала: я - рабыня слов Навои,
Оказывается, при такой любезности у нее было и остроумие!

Почему на ее лице появились гневные складки?
Никто не видел волн в источнике солнца.

Услышав о свидании, волнуется мое сердце
Не думай, что оно стояло в раздумье с тобой.

Я не хочу твоих рубинов, я их выпущу изо рта.
Как больной, который держит душу во рту/готов испустить последний вздох/.
Я погибаю, когда она опоясывает свой стан.
Ты сказал бы : на погибель мою она опоясывается.

В болезни я, ради ее собаки, рассыплю душу под ноги
Приди на ее улицу, чтобы она/собака/ тащила мои кости.

Виночерпий, принеся чашу, ибо тоска наступает на меня,
От этого незрелого сердца будет она отстранена.

Сто кусков сердца, которые собрал Навои.
Та шалунья пришла и снова разбросала их.

—oo—

Когда зима на мускус/черноту/ночи брызнула толченым серебром камфары,
Для наслаждения зима сделала черное и белое радостным.

Хоть в Индустане и нет снега, но свою белую постель
Разостлала по-индустански этой ночью немощная зима

Хотя по цвету они и мрачны, но благодаря снегу
Зима сделала эфиопов ночи светлыми и чистыми.

Есть обычай зимой пить вино в белом доме
Пусть бог сделает ее лицо белым, ведь зима установила благие законы.

Пир и вино согрели ее дом, а люди пира вином/согреты/
Ошибка это, что зима славится холодом.

Дом ее близок к разрушению, но знай, пользующийся мгновением,
Что зима благоустраивает жизнь розоцветным вином

Если ты захочешь власти Джема, конечно, пей утреннюю чашу,
Если зима вызовет у тебя похмелье от ночного вина утром.

О, навои, при помощи вина ад сойдет за жаркое облако,
Если при помощи снега и льда зима расстается с холодом.

—oo—

Мечты об одной луне истерзали этой ночью сердце
Так, что войско сна бежало из страны /= черноты/ глаз.

Не от свежих ли ожогов стало черным сердце?
Если нет, может быть от дыма разлуки небо сделало свое лицо черным?

Меня ударила молния беды для того, чтобы сжечь житницу моего тела,
В моих глазах впервые загорелся огонь разлуки.

Позор людям, неверным в любви, добро тому,
Кто звонкую монету своей жизни приносит в жертву перед убийцей.

Если она скажет, что праху ее ног цена - жизнь, увы!
Философский камень жизни она слишком низко расценила жизнью!

Глаз просил подаяния годы, а царица красавиц
Хоть бы раз удовлетворила его желание, показав ланиты.

Если ты хочешь свидания, не беги от бед! Ведь показали
Нежность верные люди, как ни были жестоки неверные.

Глава кабачка не наполнит чашу веселья, пока я не уничтожусь.
Это благо найдет лишь тот, кто уничтожится в кабачке небытия.

Навои остался без всего, когда предвечно производили дележ,
Людям достались песни, а ми остались нищими.

--oo--

Хафиз в своих стихах как соловей пел тысячу мелодий
Нет подобных ему, столь сладкозвучных, как Хафиз, в наше время.

В мире, когда он читал, появлялось удивительное смятение.
Нет подобного ему, так охватывающего мир смятением, как Хафиз.

Словно милость бога сделала его Хафизом/понящим наизусть Коран./
Так в этом положении был им усвоен Коран.

Его пение отнимает жизнь и дает питание духу.
Душу народа Хафиз приглашает в гости на свой пир.

Если кто-нибудь скажет : "Он отнимает жизнь", будет ли жалко?
Ибо жертвой с головы до ног жизнь -/ебе/ Хафиз да станет.

У тебя есть пение Давида и дыхание Мессии
Есть Хафиз, хоть и не много тоже было в веках.

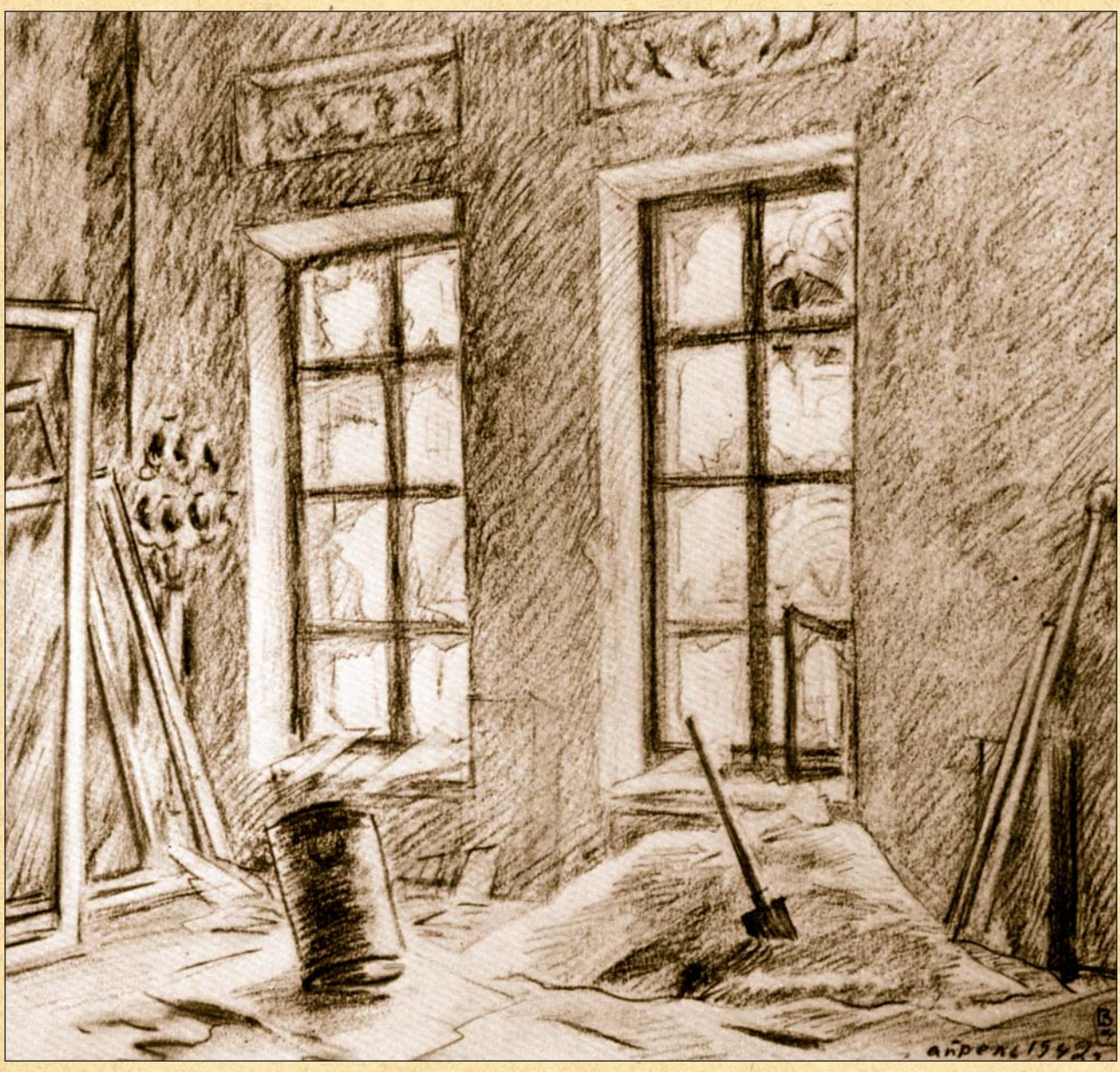
О, Навои, не говори почему ты стал добычей его мелодий.
Когда народу был добычей сладкогласый Хафиз со своей кровью.

Весной музейные работники взялись за ломы, лопаты и мётлы — предстояло очистить от снега и льда, грязи и мусора огромную территорию, окружающую эрмитажные здания. Рис. Николая Павлова. 1942.

Блокадный светильник. Рисунок в дневнике Александра Никольского.

Дневной паек хлеба. Рисунок в дневнике Александра Никольского.

Апрель 1942 года. Рис. Веры Милютиной.



Каждый день мое смятенное сердце печальнее, чем оно было прошедшей ночью.
Каждую ночь мои льющие слезы глаза льют еще больше крови, чем прошедшим днем.

Сделай мою смерть легче свидания с тобой, ибо
От разлуки с тобой состояние мое миг за мигом все труднее.

Мое состояние настолько трудно, что, отнимая жизнь, смертный час
Чем скорее придет, тем благодарнее я буду.

Долготу и черноту ночи печали глаза мои и сердце знает,
Ибо не было никого более смятенного и не знающего сна, чем они.

Поток моих слез так взрыл во все стороны степь разлуки,
Что эта пустыня стала более неровной, чем горы.

Если я увижу ее красоту, более сильную, чем это солнце,
Я буду во стократ ничтожнее перед ней, чем атом /песчинка/.

Когда та луна, слово Лейли, показана мне сияние,
Она увидела меня безумного в любви, более безумным, чем Меджнун.

Шейх Кааби лицемерен,, а глаза кабачка предан небытию,
В трущобах не нет никого, кто страдал бы больше от похмелья, чем я.
Что среди пропойц нет более беспечного, чем я, не диво,
О, Назон, не утверждай же, что это несет больше благодати!

Каждый миг безверие вносит опустошение в дом моей веры.
Мусульмане! Разве в этом городе нет мусульманства?

Когда ее красота сияет, что поделать, я замечаю ее красу,
И мое изумление каждый миг сменяется изумлением.

Не удивительно, если твои рубиновые губы орошены моей кровью/
Я полагаю, что эта, пьющая вино, в данный миг пьет мою кровь.

Сердце, с тех пор, как великий мрак твоих локонов избрало жилищем,
Омрачилось его судьба, увидело оно сто разных несчастий.

Я утаил рану любви, огонь разлуки опалил мое тело,
Рань еще больше сердце, потому что все равно в нем не осталось тайны.
Твои губы - это чаша Джемшида, твое лицо - это зеркало Искандера.
Тебе принадлежит и власть над миром красоты.

Если нет человечности во мне и в любимой, это не удивительно, ибо
В Меджнуне нет человечности и в пери гуманности.

Ты - гость на пиру мира, выпей два-три кубка и ступай,
Ведь это пребывание в гостях вдруг приведет к огорчению

Если все трудности сделаешь себе легкими,
Может быть то, что заключают в себе трудности, приобретет легкость.

В саду посыпала на тебя роза белые и красные лепестки,
Как и маха народ осыпает золотыми и серебряными деньгами.

Что за повеление, что каждую ночь до зари
Ты проводишь в наслаждении и покое, я-же - в муках бедствую.

Увидя ее, я от удивления прикусил руку,
В палец впился зуб, а язык прорезал ногтем.

Звонкую монету души поделили смертный час и разлука с тобой,
Так же, как найдя выгоду, разлучаются два товарища.

Твоя улица, должно быть, рай, ибо между твоим раем и твоей улицей
Та же разница, как между адом и раем.

Мир непрочен, жизнь - неверна,
О, как сладостно хоть миг насладиться с друзьями.

Достигнуть цели трудно, ибо
В глазах помутилось, ночь темна, конь хром, путь ухабист.

Ты сказала: Не успею притти, как тотчас же убью Навои
Он умер от этой тоски. Приди же, ради бога, поскорей!

Как изумительно, открыв твое лицо, сжигать сто домов!
Ведь это значит от огня одной свечи сжигать мир?

Раз ты сделала сердце добычей, зачем же ты хочешь вдунуть в мое тело огонь,
Ведь нет обычая, поймав птицу, сжигать гнездо.

Сжигая мое слабое тело, не огорчайся моими стонами
Ночь солому - значит получить дым один и только!

Знай - от закатного огня и от полета звезд ночь печали
Вызвала во мне желание моим вздохом сжечь небеса.

Загорелось мое сердце в теле от твоих стрел, потому что
Если западет огонь, так нельзя сжигать заросли тростника.

Народ влюблен в тебя, я горю. О горе, на скольких
Людей бросать огонь, а сжигать меня бессильного!

На небосводе сто тысяч отверстий от моих вздохов - стрел, о сердце!
Сжигать его то же, что сжигать мир.

Почему роза стала огнем,деревья дровами, а гиацинт дымом,
Если небосвод не хочет сжигать этот сад.

Навои, положи огонь всех влюбленных к себе в душу
Так как хорошо прежде всех других сжечь грешника.

Моя луноподобная прихворнула,а я от этого горя погиб,
Кто же? Я-то здоров, а она болеет!

О,друзья! Только бы судьба не вела себя дерзко,
А то, если сто тысяч нам подобных умрет ради милой, чего
бояться!

Не отнимай чистой души, о господи, ради души чистых!
Ведь если возлюбленная не чиста, жалко было бы чистую любовь!

Я грудь, как рубашку разорвал, ибо когда роза рубашку
Разрывает, что же делать соловью, как не разрывать себе
грудь?

Если сто чистых душ будет принесено ей в жертву,этого мало!
Зачем мне существовать, если я только темный прах!

Разве люди не уходят из этого сада, не осушив до конца
рубиновой чаши,
Благо тому, кто не подымает головы от вина, словно лоза!

О Навои, что за губительная беда,оказывается,болезнь друга,
Ведь это недомогание убивает влюбленных!

Она спалила мою душу,когда открыла пламенные лалы,
О,горе,от источника жизни моя душа погибла!

От огня моего слабого тела она заж гла мир,
Словно для того, чтобы разжечь большой костер,она разожгла
щепки,

Ты сказала : - не выпускай вздохами дым от огня сердца,
Если твоя речь верна, зачем же ты пронзила мою грудь.

Завеса для взгляда - дым вздохов и капли слез
Увы,препятствуют моему желанию звезды в небесах.

Не говори, что в расселине сердца можно похоронить терпение
Убийца - разлука совершил убийство и выкопал там могилу.

Если Навои хочет похожую на цыганку, не удивительно это,
Если тюрчанки так забыли верность .

Нет для меня покоя в цветнике,нужна успокаивающая мое сердце
Что мне делать с кипарисом и розой, нужна моя красавица
со стройным телом и розовым лицом.

Если пери, как птицы, испугаются меня безумного,
Нет у меня печали, нужно, чтобы была мне покорна моя
периликая шалунья.

Нет у меня связи с луноподобными на улице рассудительности,
Та азартная кокетливая шалунья моя, пьющая вино, нужна мне.

В Каабе у людей веры и неудачников только одно лицемерие,
В кабачке мне нужна неверная, бесстрашная, своевольная .

Роза и лилия не нужны мне, о, садовник!
Нужны локон, благоухающий гиацинтом и щека цвета розы.

О, народ кабачков, опозоренное мое сердце стремится в эту
сторону,
Я пришел, я расспрашиваю, мне нужен мой гуляка с дурной
славой.

О, Навои, в ханаке я не нашел ничего, кроме раздора,
Мне нужен покой в углу кабака, словно хуму /большому, глиня-
ному кувшину/.

Долго ли печалить/тяготить/ мою израненную грудь?
Долго ли делать слезы кровавыми от крови ран!

Долго ли от разлуки с рубиновыми губами я буду пить кровавый
кубок?
Долго ли будет мой кубок наполняться кровавыми слезами любви?

Долго ли будет она скрывать свои щеки, словно пери и
Превращать меня в меджнуна, опозоренного на весь мир?

Долго ли от любви к луне, о, горе, меня, потерявшего разум
Будут день и ночь делать незнающим покоя, как небосвод?

Она/ дала мне пагубную болезнь любви, облагодетельствовала
мою душу.
Так ли делают благодарным при помощи щедрот разоренного?

Народ мира жаждет избавления от злодеев,
Но условие таково: надо сначала распроститься со злодейским
миром.

О, Навои, если пыль разлуки не осядет, какая польза
Превращать один глаз твой в реку Тигр, а другой в реку
Джейхун/ Аму-Дарью/ ?

Через ряд твоих родинок,черные глаза и брови твои,
Может быть, все это опалило твое солнце.

Ты растянула струны моих слез,пусть же и тебя
Растянется,о,господи,жизнь твоя в наслаждении.

Не сыпь на мою голову камни,потому что,возлюбленная,
Я сплел для твоей головы венец,покрытый драгоценными камнями.

О вздох! Ты вылетел из сердца через рану его,
Потому что твои вопли зажгли сердца людей.

Как тебе в локонах,о,сердце!
Ведь пропадет во тьме твоя жизнь!

На Паласа грусти,о,атласное небо!
Мне не подходит твоя драгоценная материя.

Навои стал тленным,о,тоска и печаль !
Его снесите на улицу небытия .

Будь жестокой или верной,все равно ты похитительница моего сердца
Убей меня или оживи, все равно ты моя душа.

Хочешь отойди от меня,блестящая с нежным станом.
Хочешь подойди ко мне,ты,мой плавно выступающий кипарис.

В моем сердце - ты.Скажи же мне,как ты смотришь на любовь к тебе.
Ведь я же такой поверенный скрытых тайн твоих.

Ты всегда блестящая,не кори же меня за мои вопли и стон,
Ведь ты же причина моих воплей и стонов.

Вспомни одно-два слова/раздавшиеся/ из ее губ,о,больная душа
Хоть на эти один-два мига,пока ты-мой гость.

Хотя ты и сделала меня подобным безумцу,но пойми,
Что появляешься для меня в мире лицом подобных пери.

Умер Навои от любви к тебе, ты назвала его неверным!
Ведь ты моя упрямая,нежная,подозрительная!

При помощи утра твоей щеки ты радость людей сделала вечной,
Но мой вечер лишила надежды на утро свидания.

Стремись к ее влажным рубинам,оставь источник живой воды,
О,сердце, если ты пожелало вечной жизни!

С тех пор,как отблеск ее бровей и глаз упал на чашу неба,
О,судьба,
Ты одним из них уподобила месяц, другим солнце.

О,певец!Ты заставил небо устыдиться его Венеры,
Ибо каждая капля/пота/ у тебя изумительная звезда.

Ты мечталэ о свидании со стройной красавицей,о сердце,
О горе,подвесок с ее меча ты сделало амулетом мне на шею.

Вино услады ты пил из битого черепка,в котором кормят ее собак,
О,Навои, ты черепок сделал чашей, себя - Джемшидом.

О,любовь,снова ты ударила мою душу огнем разлуки.
Превратив мое тело в пепель, ты метнула пепел в небо.

Не называй их звездами,ибо,кажется,даже и ангелов опалили
Искры от огня моих вздохов, которые ты заставила подняться в небо.

Ты заключила свой вьющийся локон в сердце и только!
Но им ты смела всякие помыслы о ком-либо ином

Ты верно хотела поцеловать ее ноги,о моя радостная слеза!
Что ты выбежала во время свидания этого бедняги с красавицей.

Ночь разлуки очень темна,о слеза,как будто бы ты
Вместе с холодным ветром моих вздохов погасила небесные свечи.

В ночь разлуки, если ты не фокусник,о,небосвод,
Как же ты скрыл таз солнца в своей голове?

Навои не прекращает бить поклоны у твоей двери,
Сколько ты ни прогоняла его с этой улицы.

От огня любви не сделала ли ты мою судьбу несчастьем и бедой?
Не сделала ли ты мое жилище черным с помощью ее дыма?

Не сделала ли ты вздох молнией бедствия, чтобы сжечь меня?
Не превратилось ли твои слезы потоком беды, чтобы утопить меня?

Не рассекла ли ты мечом жестокости мое тело на суставы,
Разлукой не разорвала ли все суставы?

Не говори, о, зоркая: "что я сделала, я лишь разок взглянула!"
Раз взглянув, не огорчила ли ты меня сотней тысяч бед?

О, сердце, то, что ты сделало со мной, еще умножило жестокость,
Не знало ли ты, или, зная, хорошенько не сделало?

Если я стану жаловаться на тебя, о, небосвод, не говори, что это будет недопустимо.
Не удовлетворив моего желания, разве ты не выполнил желания других людей?

Навои, ты ведь не плавал в море любви,
Что этот глаз ты не сделал арыком, а другой Аму-Дарьей?

На лугу, дабы придать блеск лицу, ты взяла кубок,
Сколь горько оно /вино/ было, что подожгла ты груди роз.

Не диво, если твои слезы непрестанно текут, о, глаз,
Ведь друг прошел, не взглянув, а ты осталась глядеть /ему вслед/.

В ночь разлуки ты, о, небосвод, взял бремя моей тоски,
Ибо ты не двигался и, словно, застыл.

От бега ее коня, вздымающего горячий ветер, словно пламя,
Что случилось с тобой, о, сердце, что ты так взволновалось?

Я сказал: о, музыкант, оживляющий душу напев!
А ты, потянув струну разлуки, заиграл умерщвляющую песнь.

О, птица души, ты очень жаждешь цветника свидания,
Видно, ты очень мучилась в этой силке.

На пути к небытию ты не пошел вместе с Навои,
От хождения по этой степи, о отшельник, разве ты не устал?

О, ты, кто спрашиваешь обо мне из-за любовной бури, не спрашивай!
Видя в моих глазах воду, пойми: в сердце моем огонь.

О, пери, не отгоняй всегда моего сердца, называя меня безумным,
Когда будешь вести спор о красоте, береги сердце!

О, весна красы, молнией свидания исцелили меня.
Но не накладывай на мое бессильное сердце клейма разлуки.

От беспечности ты хочешь поиграть в саду.
Поиграй же хоть разок во влажном саду моих глаз.

Не делай моего безумного сердца вечно раненным, о, пери!
Если ты сто раз просишь меч злобы, то ударь же, наконец, раз!

Вошел народ любви в степь небытия. О сердце Меджнун,
Если ты хочешь пути, чтобы не заблудиться, то не отставай от каравана.

О, Навои! Если ты опьянишься нищетой в кабачке,
То, когда захочешь склонить голову, положи под подушку свой глиняный черепок.

Так много крови пролило на лугу печальное сердце,
Что уж не бутон, а целый розовый куст плодом принесло сердце.

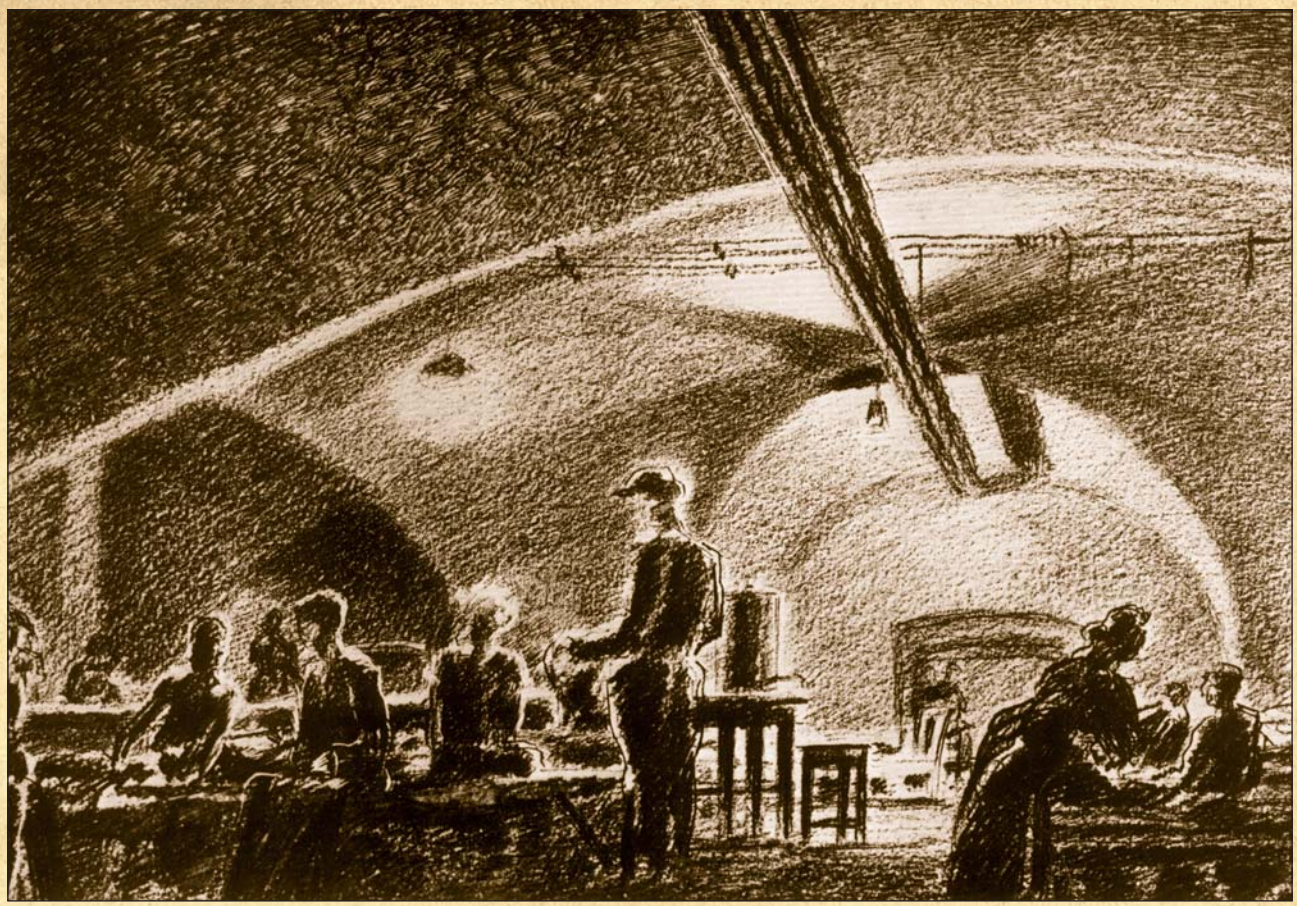
Какие розы распустятся в цветнике печали подобно бутону,
Если скрытые раны свои сделает сердце явным?

Если ты прольешь кровь на лугу, может быть на сосне
Откроет уста своей раны каждое истерзанное сердце.

Фитили из моей раны извлекла и приказала зажечь.
Может быть в печали по тебе она кладет клеймо ожидания на сердце.

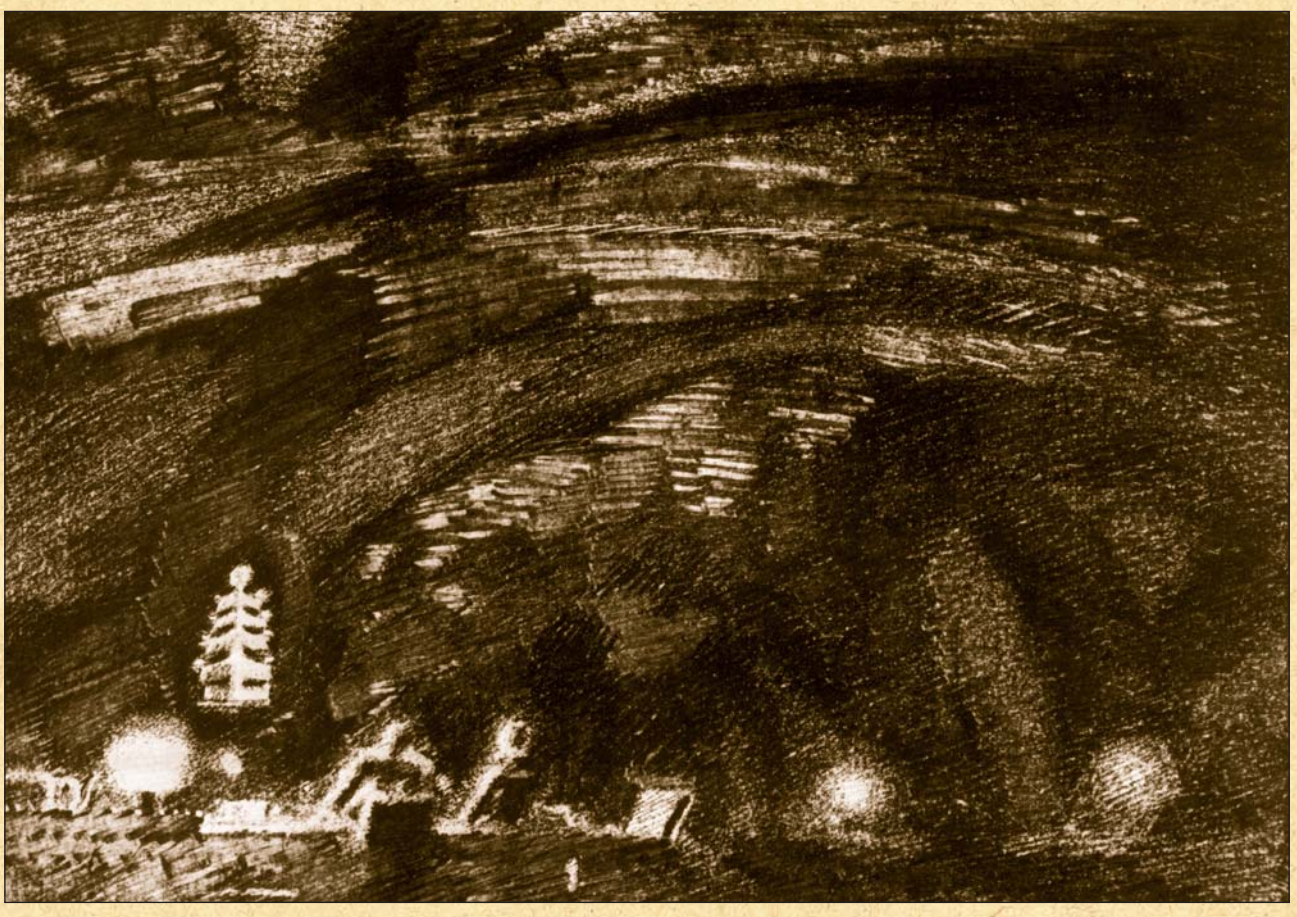
Как нашел ты запах любви и цвет верности, о, соловей?
Этим розам в саду не отдавай, смотри, сердца!

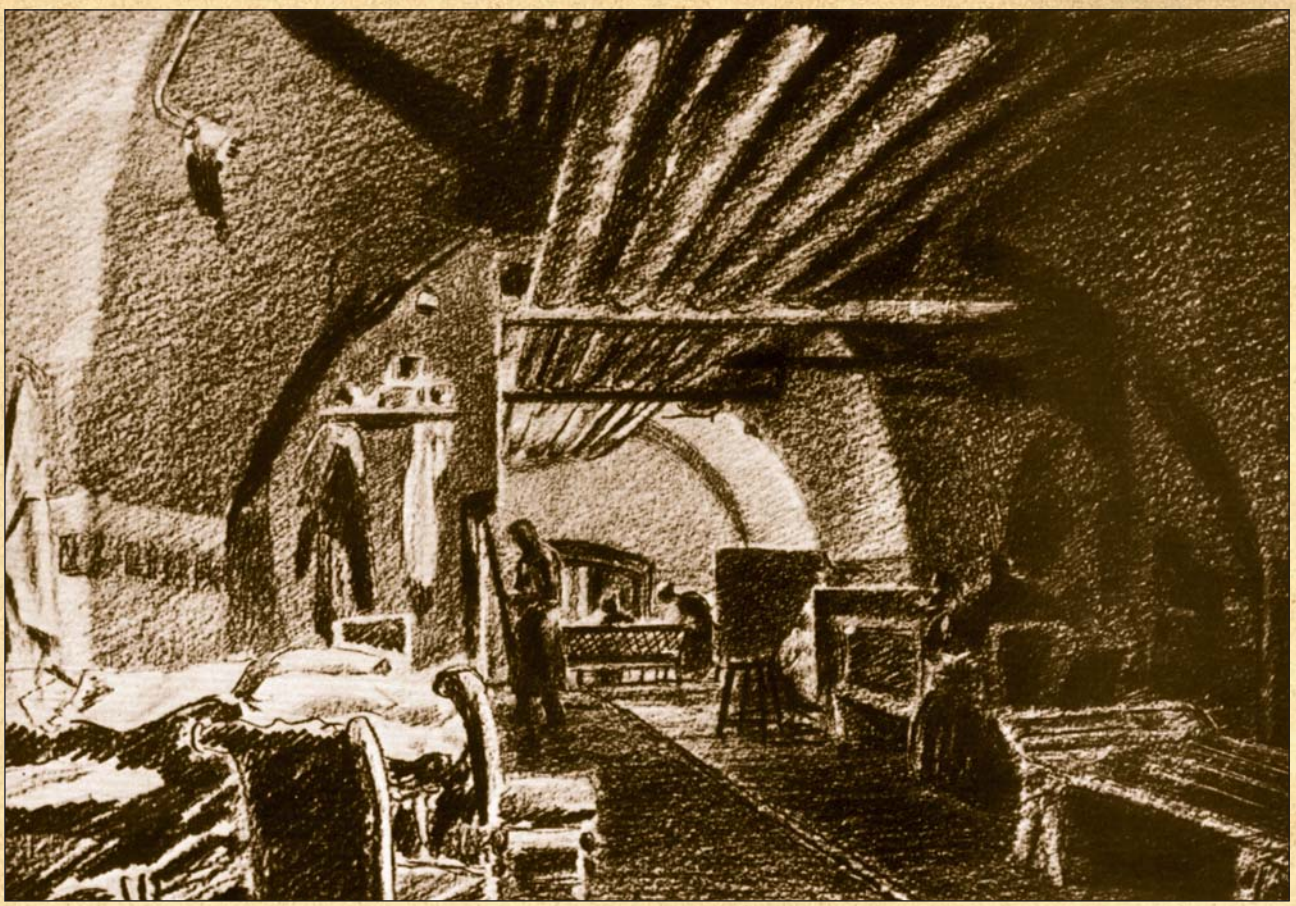
Навои хочет избрать покидание ее, но
Когда же сердце даст ему волю в этом деле?



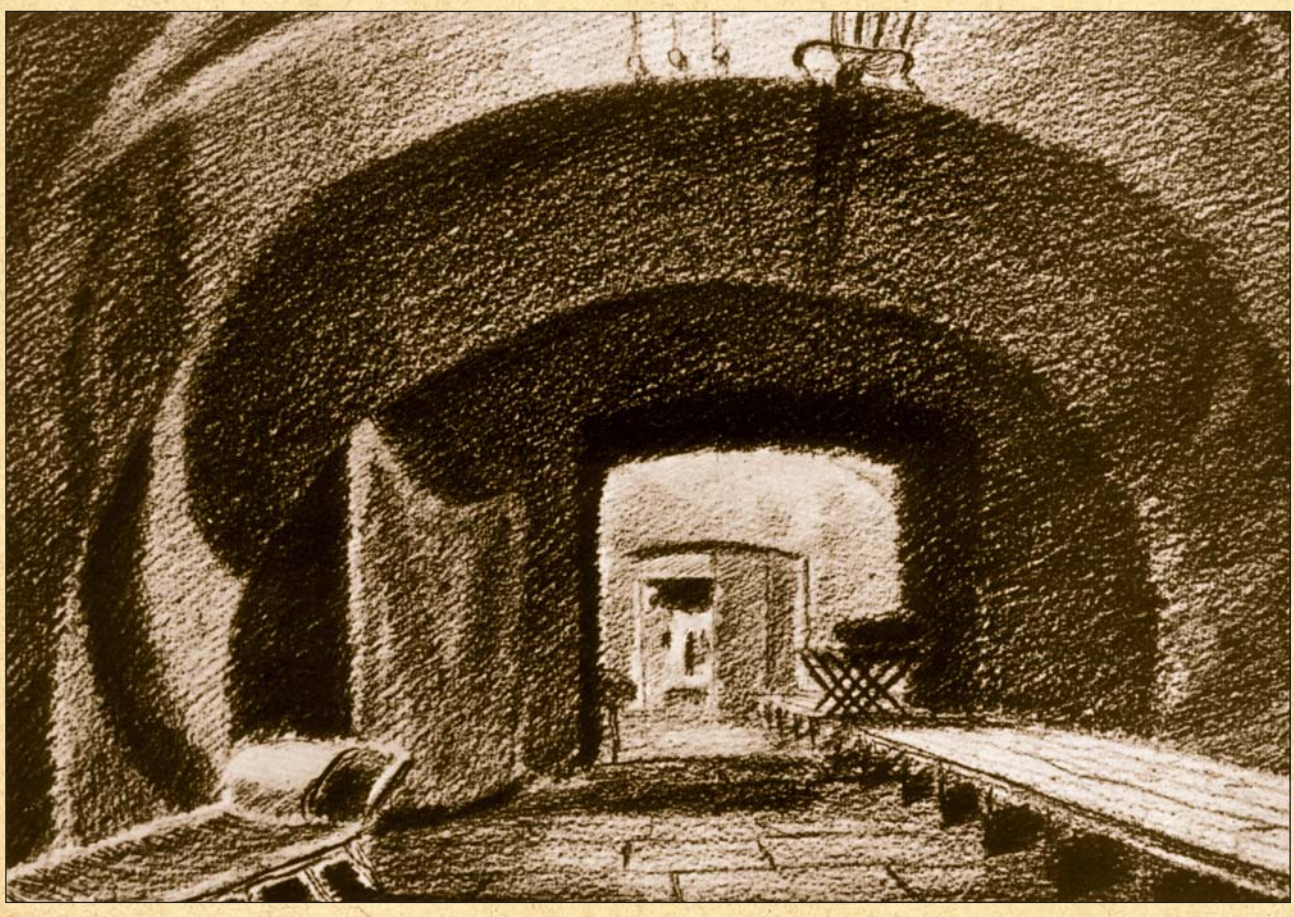
Осенью и зимой 1941 года двенадцать бомбоубежищ Эрмитажа населяло две тысячи человек — музейные работники, ученые, деятели искусств.

Новогодняя ёлка в эрмитажном бомбоубежище.





По утрам обитатели бомбоубежища расходились по своим делам: кто поднимался в залы Эрмитажа, кто уходил в Академию художеств, кто с этюдником под мышкой направлялся на улицы осаждённого города.



Листы из альбома рисунков Александра Никольского. Зима 1941—1942 гг.

Друзья! Так как я убит разлукой с тем станом-кипарисом,
Посадите кипарис, если вы захотите поставить памятник на моей могилее

С горой разлуки на плечах, я стремлюсь к ней с поспешностью
От страсти такая худа не будет тягостной моему телу, подобному сухому листу.

Не удивительно, если я от слабости назвал твои локоны гиацинтами, ибо
Больному ночь влюблённых, мартовская ночь и ночь зимняя одинаково длинны.

Из ревности не дают друг другу любить со душа и сердце.
Совсем так, как завистливые бывают скупы и богатствам людей.

Как ты мечом разлуки нанесла сто ран моей груди,
То у меня есть сто доводов, если каждая рана - довод.

Если, делая твоего лица, Навои - мир твоим глазам,
Не удивительно, ведь людям веры неверные презренны.

Снова в разлуке с ней каждый день для меня - сто лет.
Но, знай, скольких дней длиннее каждая ночь.

Ты скажешь: "Я убью!" О, разлука, мое тело,
Но вообрази себе, что от слабости я не могу найти смерти.

Я умер/о, сердце /мое/! Не расставайся с той красавицей,
Если твоя душа любит кого-нибудь другого, кроме нее, расстанься с ним!

Хотя меч печали и разрубил мое тело на сто кусков,
Но, чтобы воздать хвалу за это, я хочу, чтобы каждый из них стал языком.

От печали по тебе, подобно тюльпану, разорвалась моя рубашка,
От дыма разлуки и крови очей она черна и красна!

Раз ты не нашел на этом лугу верности у бутона и розы,
Не осыпайся, подобно бутону, а распустись, как роза.

Навои! Почему так возносишь небеса?
Верно от моего горя так облегчилась их чаша!

Я не понял, что /служит/ завесой твоему лицу,
Ведь красоте солнца только облако может быть завесой.

По щекам ее не локон ли развился?
Если нет, то лицу розы чистый мускус будет завесой.

Если твоя стрела не видна в моем израненном сердце,
/изрезанном на куски/
То неудивительно это, ведь вертел не виден, так как
кебаб ему завесой.

В разрушенном сердце тот клад красоты сто благодарений,
Ведь ему будет завесой от глаз народа эта порча.

Увы, прекрасная певица. С ней хорош я
Что поделает тот, кто делает себе книгу завесой?

Ты увидишь ее, если устранишь завесу "самости",
Хоть увидать и мечтает сто тысяч завес.

Навои, не стремись увидеть ту розу, ибо
От лепестков на ее лице завесы без счета.

Когда твои ланиты среди сада увидела роза, изумилась она,
Она осталась без лепестков. Почему? Очень расстроилась роза!

Увидев, что то лицо порозовело от вина, подобно
Истерзанному от разлуки с тобой сердцу, облилась кровью роза.

Моя розощекая в стране красоты стала падишахом
Совсем так, как в царстве лужайки роза стала султаном.

Когда она желает прогуляться в саду для предотвращенья
с глаза судьбы,
Со всех сторон в весенние дни щитом ей стали розы.

Хочется мне ее рубинов, когда вспоминается мне тот ворох
роз,
Вина просит сердце, так как много роз на ее пиру.

Ни ночью, ни днем, не переставай призывать к вину, о, соловей!
Ибо только пять дней на этой стоянке у тебя будет гостем
роза.

В дни, когда цвели розы, пошел пройтись Навои и для его души
Каждая роза стала свежей кровавой раной разлуки.

Разве удивительно, если я непрестанно плачу кровью из-за
людей /моего/ времени.
Потому что от них печаль и еще раз печаль и горе за горем.

Нельзя сказать слова о их злобе или нежности.
Ибо от тех многих и ее /злобы/ много, а от этих немногих
и ее /нежности/ немного.

Небосвод словно влачит вьюк горя из-за людей века,
Что от тяжести звезд на его теле согнулся его стан.

На скрижали их природы быть может нет буквы насилия,
В свитках их мыслей быть может нет начертания притеснения.

Если таково дело всех прочих, то эта, которая единственная
в своем роде.
Из всех людей по красоте ей мало и в сотни раз большего,
чем это!

Если люди, которые будут испытывать притеснение, все будут
нести его от того же /человека/,
То и таких, кто все же будет верен, не мало окажется.

Ее глаз - убийц, ее бровей - бед, слов из ее уст - чар
Между я, но нет в мире другой такой красавицы.

Ты не найдешь среди людей кабачка небытия сладости бытия.

Родинка на твоем нежном пушке, о,дивная красавица!
Поставила ты точку на письме /пушке/.

Упал взгляд на локоны и рот твой. Что же удивительного,
Если любовь сделает мое тело несуществующим.

Любовь бросила на мою голову огонь, а в теле
Столько же изгибов, как у фитиля свечи.

Я положил клеймо поверх раны ее стрелы
Чернота /ожога/ поверх раны стала пластырем.

Тот, кто не делает себе запретным свое "я",
В заповедник любви не будет допущен.

О, виночерпий, чашей хрустальной
Хоть на мгновенье сделай меня Искандером и Джемом!

Ведь ни Джема не осталось, ни Искандера.
Погибли и та чаша и зеркало.

Веселись, ибо успех в двух мирах
Не стоит того, чтобы печалиться хоть миг!

О, Навои, если трудно тебе быть разумным,
Крепко держись за цепь безумия.

О, ты, в лице и стан твои влюблены и роза, и стройный кипарис!
У этого в сердце стрела, а у этого в сердце - кровь.

Твоя улица такой рай, что пристыжен ею
И цветник Ирэнах/ и райский сад.

Твоего рта и губ так хотят сердце и душа,
Что сердце жертвой твоему бутону и душа жертвой твоим рубинам!

Кто не раскрывший тюльпан подобен моему сердцу, ибо у него
Явна снаружи кровь, и есть и скрытое клеймо ожога.

То из-за удивительного моего состояния, то из-за страданий моих
Каждую ночь на той улице споры и вопли. были

Когда я - безумец увидел ее, я издал вопль и умер.
Если это было нехорошо, то было и неплохо.

Если нападет войско печали, направься в кабак,
Ибо это прочная крепость, да и верное убежище.

Если ты хоть миг был весел, считай это удачей,
Ведь и время завистливо, да и люди нашего века.

Повсюду ходит та шалунья и есть надежда у Навои,
Что по ошибке, может быть, забредет она и сюда...

От огня любви в теле стало столь сильно мое горение, что
От нити искр как будто загорелась моя рубашка.

Моя печень и мое сердце твоей собаке пища трудная,
Хорошо, что моя грудь прорублена мечом твоей любви.

От слабости я пошел на твою улицу, тащась, как дети,
Пожалей меня, ибо на этом пути мой труд перешел границы.

Не говори, что твои бессонные глаза не раскрылись в ночь разлуки со мной,
Что может поделать мой легкий сон со сном смерти?

Приступим к опустошению меня, ибо от печали по тебе ночь и день
Лицу рука моя - опора, локоть мой тонет в земле.

О, Навои, он годами горел от разлуки с той неверной,
Не спросила она, что делает среди влюбленных слуга?

х/ Ирам - фигурально - рай земной. Название мифического сада в Аравии.

Не говоря "нет", если я назову твой рот воображаемой точкой.
Ибо он еще и настолько не был постижим для разума.

На твоей щеке нежный ли пушок, или это искусный калам x/
На свитке дня начертал письмена почи?

Твои глаза не несут притеснения моей души, но притеснение в том, что
В то время, как имеешь/у тебя/ я, ты жаждешь еще/новых/ притесненных.

Не удивительно, если этот лик озаряет мой темный дом.
Когда появляется солнце, оно уничтожает тень.

Трезвые люди не знают тебя, а я помешанный знаю,
Ибо повадки пери /лучше всего/ известны безумцам.

Денег на вино дай мне, о, шейх, раз у тебя есть серебро.
Ибо скупость среди всех народов осуждается.

От имени о ние твоих рубиновых губ пьянеет Навои.
Нет в веках другого такого обездоленного грешника, как он.

Все бежит от меня возлюбленная, а я, жалкий, томлюсь по ней.
У нее много воздержания, а у меня много желания.

Из-за желания/владеть/ нечестивым локоном я отдаю звонкую мечту веры,
Кто видел, испытал/, о, мусульмане, такое сильное желание?

С тех пор, как твой глаз кинул на меня взгляд, сравнивая меня /с собой/,
Ночью и днем я желаю стать больным. I/

Так как каждый твой локон - струна нить души, то сколь удивительно,
Что я пожелаю, чтобы птица души была пленена в этих силках.

Если моим прибежищем будет рай, я буду молить о твоей улице, потому что
Люди ада выражают желание попасть в рай.

Ь прогулки по саду в том, чтобы/полюбоваться/ кипарисом и розой.
На твоей улице у нас желание/увидеть/ тот стан и тот лик.

О, виночерпий, похмелье посягает на мою жизнь, так что-ж позорного, если я
Пожелаю поселить мою больную душу на улице торговца вином?

---

x/ Калам - тростниковое перо.
I/ Т.е. больным, томным, как ее томный взор.

В степи бедствий подобного мне меджнуна не видели времена.
/Меджнуна/-подобно урагану всегда блуждающего в невиданных долинах.
Ночь моя темна, сам я болен, душа моя печальна, сердце мое истерзано,
Язык мой нем,тело мое нездорово,мое дело-вопли,слезы мои-кровь.

От моего вопля печально небо,от моих слез мир окрашен кровью,
Нет успокоения для огня моей тоски,нет лекарства от тоски разлуки.

Моя голова разбита камнем печали, мое тело изранено огнем разлуки,
Я не нахожу возможности найти средство /излечивающее/ рану сердца.

Нет предела моей тоске и скорби в степи бедствий,
Нет конца моей печали и безумию в море отчаянья.

Я ослабел от горя, тоска - мое занятие, я отощал от печаль-ных дум,
Я жалок,беспомощен и убит кинжалом разлуки.

Глаза мои влажны, стан мой согнут, сердце мое озабочено и грустно.
Ни друг, ни поверенный в тайнах этой затаенной печали не разделяют.

Тот розоликий кипарис сказала "приду ночью", и не пришла,
К моим глазам всю ночь до зари не пришел сон.

Поминутно я выходил и ждал ее на дороге,
Душа моя подошла к устам моим / я был близок к смерти/ но не приходила та, недобрая шалунья.

Если она остерегалась того, что была луна, подобная ее лику,
То, когда стало темно, подобно моей судьбе, не пришла она и тогда.

Я зарыдал в разлуке о той периликой, словно безумный,
Есть ли кто-нибудь,кто,видя это, не рассмеялся?

Не убивайте меня, говоря: "сколько воды течет из твоих глаз",
Ибо все это была кровь,вода не текла этой ночью .

Не найти верного друга, но ведь всякий, кто поставит ногу
На дорогу, разве под той ногой не окажется/прах/возлюбленной?

О, Навои, вином развевели дом своего сердца,
Ибо в дом, куда пришло вино, не приходит нечаль!

Волнуется народ на улице, подруга моя прибыла,
Бедствие для народа, розовощекая моя прибыла.

Словно пыль /той улицы/ стала подобной тутия,
Верно быстрая моя всадница прибыла...

Капля за каплей льются мои слезы скорее,
Должно быть, причина моего волнения прибыла.

Если показалось оно миру, то не диво,
Что, осыпанная дарами мира, красавица моя прибыла.

Что дивного, что не хватает у меня воли/сдержать/ стоны,
Ведь моя, невольно притесняющая, прибыла.

Если распустится роза моей радости, не диво,
Ведь в мой разрушенный сад весна моя прибыла.

Благо тому, кто сейчас же после приезда друга скажет : Навои!
Та беспокойная беглянка моя прибыла!

Разлука с ее очами моими заставила заболеть,
Пленила черной немочью.

Повсюду воткнулись в меня ее ресницы,
Изранили всю мою душу.

Поутру соловей с лепестков/страниц/розы
Повторял описание ее щек.

При помощи дыхания ее уст это было, что Мессия,
Проявил воскрешение мертвых.

Лишь пылинку от солнца ее красы Иосиф,
Получив, народы всего мира смутил.

В ханжестве признался тот,
Кто от любви к ней отрекся.

Когда смог Навои бежать от мира,
Жилищем своим сделал он лачугу винотерговца.

Пришла весна, а розовый куст моей радости не распустился...
Ни один бутон его даже и не улыбнулся вволю...

Люди опьянены от чаши свидания, сто раз, увы! ч.
Мне не суждено было исцелить похмелье хотя бы одним

Людей очи озарила молния свидания, а в степи разлуки
Не осталось ни одного тигра, который не вонзился бы мне в сердце.

Тюльпаны для моего сердца-кровавые раны, ведь весной
Моя тюльпаноликая не неправилась на родину.

Как поймет, что раны моего сердца смертельны, тот,
Что сердце не пронзал отравленный меч разлуки?

Ввергнут в пламя безумия помешанный Навои и
Тот, кто не сближался с ним, спасся от сгорания.

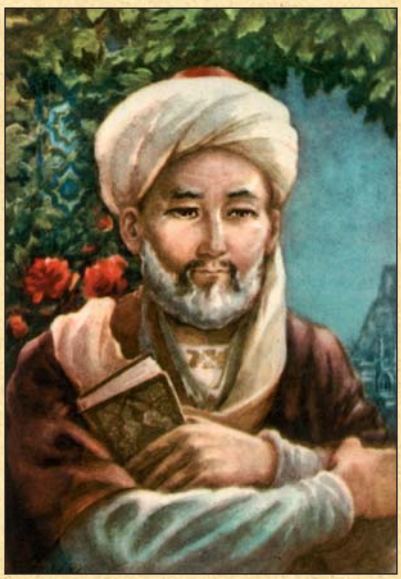
Отпечатано на стеклографе Союза Советских Писателей СССР.

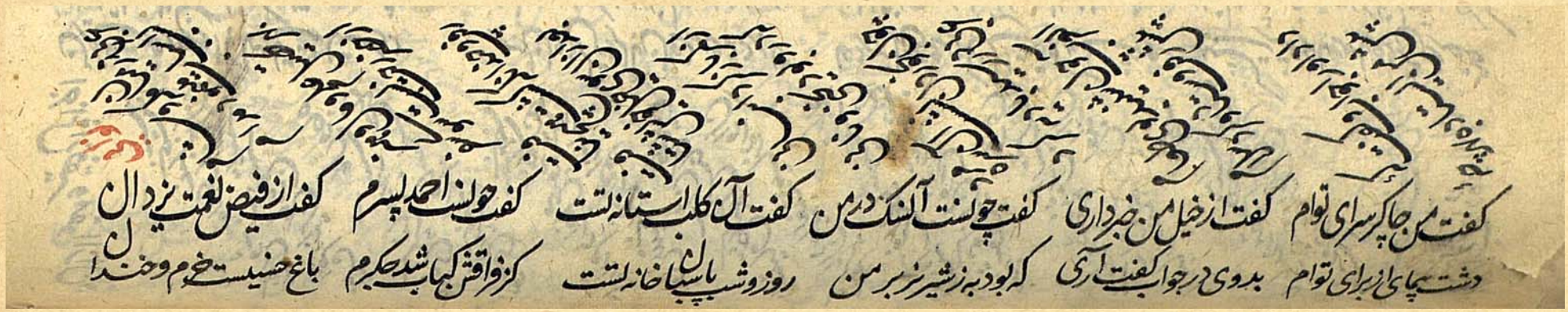
Отв.редактор -отв.секретарь Нацбюро ССП СССР.-П.СКОСЫРЕВ.

Тираж 50 экз. Уполномочен.Мособлгорлита № Б-9629.

Образ Алишера Навои

в книжной иллюстрации Узбекистана 1960–1980 гг.




گفت من جا کز سرای توام
گفت از خیل من خبر داری
گفت چونست آنسگ در من
گفت آن کلب استانه تست
گفت چونست احمد پسرم
گفت از فیض نعمت یزدان
دشت پهای از برای توام
بدوی در جواب گفت آری
که بود به ز شیر نر بر من
روز و شب پاسبان خانه تست
کز فراقش کباب شد جگرم
باغ حنیست خرم و خندان

R 306/904

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал-Кайум Хоканди — переписчик — 115.
Абд ар-Рахман — 97.
Абд Масуд-бек — владелец — 93.
Абдулла-хаджи Асадулла-хаджи-оглу — издатель — 117.
Абу-л-Касым Бабур-мирза — правитель Герата — 24.
Абу-Саид — правнук Тимура, правитель — 36.
Азиз-бек Хаким б. Абд ар-Рахман — владелец — 47.
Азимова Динара — профессор, переводчик — 24, 31
Александр Македонский (Искандер Зулькарнайн) — персонаж поэмы Навои — 29, 30.
Али — праведный халиф — 31, 63.
Арифджанов Гулам Хасан — издатель — 38, 105, 133.
Аттая Михаил Осипович — востоковед — 38.
Аттар Фарид ад-Дин Мухаммад — великий персидский поэт — 24, 30.
Бартольд Василий Владимирович — востоковед — 15, 34.
Бахрам Гур — персонаж поэмы Навои — 29.
Белосельская-Белозерская (Скобелева), Надежда Дмитриевна — даритель — 37.
Бертельс Евгений Эдуардович — востоковед — 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 34, 137.
Бехзад — художник — 33, 107, 123.
Болдырев Александр Николаевич — востоковед — 35.
Боровков Александр Константинович — востоковед — 34.
Брейденбах П.Ф. — издатель — 38, 115.
Верейский Георгий — художник — 136.
Волин Семен Львович — востоковед — 21, 34.
Гаспаров Михаил Леонович — литературовед — 17.
Гаспринский Исмаил — издатель — 38, 129.
Гегель Георг Вильгельм Фридрих — великий немецкий философ — 19.
Гёте Иоганн Вольфганг фон — великий немецкий поэт — 14.
Гиясиддин Баходир — отец Алишера Навои — 24.
Державин Владимир Васильевич — русский советский поэт-переводчик — 27, 30.
Джалилова Рано Пулатовна — востоковед — 15.
Джами Абдуррахман — выдающийся персидский поэт — 18, 19, 26, 31.
ал-Джурджани ‘Абд ал-Кахир — персидский филолог, теоретик арабской стилистики — 20
Диларам — персонаж поэмы Навои — 29.
Дмитриева Людмила Васильевна — востоковед — 21, 34.
Довер — английский врач — 66, 67.
Еремин Игорь Петрович — литературовед — 21.
Жирков Лев Иванович — востоковед — 59.
Зайцев Илья Владимирович — востоковед — 21, 38.
Иванов Сергей Николаевич — востоковед — 34.
Исмаил-хан Буруджирди, по прозвищу Сарбаз — поэт — 63.
Йазди Шарафаддин — тимуридский историк и поэт — 18.
Йакдил — поэт — 63.
Йусуф — владелец — 82.
Кази-Ахмед — персидский ученый, теоретик каллиграфии — 20.
Кайс — персонаж поэмы Навои — 28.
Каменские, братья, — издатели — 33, 103, 111, 125.
Каримов Ислам Абдуганиевич — Президент Республики Узбекистан — 10.
Касим Али — художник — 113.
Каюмов Азиз Пулатович — академик АН Узбекистана — 31.
Крачковский Игнатий Юлианович — выдающийся востоковед, академик — 19.
Круговых Игорь Эрикович — председатель Общества дружбы и сотрудничества России с Узбекистаном — 11.
Куделин Александр Борисович — востоковед, академик — 21.
Кылыч Нияз — владелец — 95.
Лахтин С.И. — издатель — 38, 121.
Лебедев Николай Федорович — востоковед-тюрколог, переводчик Навои и других тюркоязычных классиков и сказок — 35, 51, 91, 136, 137.

Лейли — персонаж поэмы Навои — 28.
Липкин Семен Израилевич — русский советский поэт-переводчик — 28, 79.
Лихачев Дмитрий Сергеевич — литературовед — 17.
Лютфи — великий узбекский поэт — 24.
Мани — персонаж поэмы Навои — 29.
Махдум-и Азам — 76.
Махмуд Музаххиб — художник — 13.
Милютина Вера — художник — 135, 147, 157, 177.
Мирза Ахмед мирза Карим-мерхум-оглу (Мирза Ахмед Карим; мулла Мирза Ахмад б. мирза Карим) — издатель, заказчик — 119, 133.
Мирза Исметулла Самарканди — переписчик — 63.
Мирзо Чучук — художник — 23.
Миртаджиев Равшан — скульптор, автор памятника Алишеру Навои в Москве — 11.
Мох Михаил Николаевич — художник — 35.
Мулла Исраил — владелец — 66.
Мулла Мухаммед Йунус — переплетчик — 71.
Мулла Йулдаш Хоканди — переписчик — 105.
Мулла Йунус — владелец — 66.
Мулла Мухаммед Усман — переписчик — 109.
Мулла Наср ад-Дин ибн мулла Курбан — владелец — 67.
Мулла Ризки-бай — переписчик — 133.
Мулла Сейид Хваджа — заказчик — 109.
Мухаммед-Амин — 54.
Мухаммед-Латыф б. Мухаммед-Шариф — переписчик — 47.
Мухаммед Хасан б. Мухаммед Аман — переписчик — 76.
Мухаммед-шах б. мулла Шах-Нимет — переписчик — 127.
Насираддин-шах Каджар — шах Ирана — 63.
Никитский М. — востоковед — 34.
Никольский Александр — художник — 134, 146, 156, 176, 177, 186—187.
Орбели Иосиф Абгарович — академик — 11, 34, 35, 136.
Павлов Николай — художник — 166—167, 176.
Пиотровский Борис Борисович — востоковед, академик — 35.
Платон — великий древнегреческий философ — 20.
Полоцкий Симеон — русский барочный поэт — 21.
Порцев О.А. — издатель — 33, 127.
Путин Владимир Владимирович — Президент Российской Федерации — 10.
Пушкин Александр Сергеевич — великий русский поэт — 10, 14.
Рахим-хваджа ишан б. Али-хваджа ишан — издатель — 121.
Рейнер — фабрикант — 93.
Рождественский Всеволод Александрович — поэт — 25, 35, 45.
Сейид Камаль б. Абд ар-Рахман махдум — переписчик — 71.
Сирадж ад-Дин махдум Сиддики — переводчик — 119.
Скобелев Михаил Дмитриевич — генерал-адъютант, владелец коллекции рукописей — 37, 63.
Старостин Анатолий Васильевич — переводчик — 57.
Сулейманов Хамид Сулейманович — востоковед — 37.
Султан-Хусейн Байкара — тимурид, правитель Герата — 15, 24, 25, 31, 33, 36, 107.
Тимур (Тамерлан) — основатель империи Тимуридов — 36.
Урунбаев Асам Урунбаевич — востоковед — 15.
Фархад — персонаж поэмы Навои — 27, 28.
Хаджи Абд ал-Малик Абд ан-Наби-оглу (Хаджи Абд ал-Малик б. Абд ан-Наби) — заказчик — 103, 115.
Хартманн Мартин — востоковед — 37, 38, 63.
Хасан — Хусейн — 54.
Ходжа Мухаммад-Исхак Вали — 76.
Ходжа Фазлуллах — 25.
Хосров Парвиз — персонаж поэмы Навои — 27, 28, 123.
Шах-Мурад б. мулла Шах-Нимет Ахунд — издатель — 125.
Шекспир — великий английский драматург и поэт — 14.
Ширин — персонаж поэмы Навои — 27, 28.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Ак-Коюнлу — 36.
Андижан — 119.
Аравия — 28.
Армения — 27.
Бахчисарай — 38, 129.
Башкирия — 10.
Бухара — 37.
Герат — 24, 25, 34, 113.
Иерусалим — 53.
Коканд — 37, 38, 109.
Ленинград — 11, 34, 136.
Мекка — 53.
Москва — 10, 11, 34, 35, 37, 136.
Россия, Российская Федерация — 10, 11, 34, 38.
Самарканд — 25, 37, 38, 63.
Санкт-Петербург — 34, 95, 103, 111, 115, 117, 125, 127.
Симбирская губерния — 95.
Синьцзян — 37, 38.
Советский Союз — 35, 37.
Средняя Азия — 14, 37, 38.
Татарстан — 10.
Ташкент — 10, 15, 31, 37, 38, 103, 105, 111, 115, 117, 119, 121, 125, 127, 133.
Узбекистан — 10, 11, 37, 38, 197.
Хорасан — 24, 25, 31, 36.
Хорезм — 29.
Шираз — 36.
Яркенд — 38, 76.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТЕЙ И ШТАМПОВ

عبده قلیـــچ نیـــاز (Благочестивый Кылыч Нияз) — 95.
عبد مصود بك (Абд Масуд-бек) (1320/1902—1903) — 93.
عبد خدای یوسف (Раб Господа Йусуф) (1224/1809—1810 или 1324/1906—1907) — 82.
Азиз-бек Хаким б. Абд ар-Рахман (1233/1817—1818) — 47.
Мулла Хусейн — 67.
Мулла Наср ад-Дин ибн мулла Курбан — 67.
Мюрид-и хваджа Исхак Йангураи Ходжам Назар хваджа ибн Нийаз (1186/1772—1773) — 76.
Хаджи Баки бин Абд-Нафи — 76.
Хусейн б. Йахйа — 76.

Библиотека ГИМ — 63.
Испол. — 77, 82.
Научная библиотека Института востоковед. НКП РСФСР — 76, 82.
Научная библиотека МГИМО МИД СССР — 77, 82.

Московские списки произведений Навои в хронологическом порядке

Датированные

22 сефера 1188/3 мая 1774 г. — МГИМО(У) МИД
1211/1796—1797 г. — НИОР РГБ
1217/1802—1803 гг. — МГИМО(У) МИД
1238/1809 г. — НИОР РГБ
1259/1843 г. — НИОР РГБ
1269/1852—1853 гг. — ИВ РАН
1281/1864—1865 гг. — ГМВ
1292/1875—1876 гг. — ОПИ ГИМ
Шабан 1309/март 1892 г. — ГПИБ

Недатированные

1850-е годы — ОПИ ГИМ
1860-е годы — ОПИ ГИМ
XIX в., вторая половина — ОПИ ГИМ
XIX в., конец — НИОР РГБ
XX в., начало — ОПИ ГИМ

Литографированные издания Навои в хронологическом порядке

Ташкент, 1304/1886—1887 гг. — РГБ
Ташкент, 1311/1893 г. — РГБ
Ташкент, 1894 г. — РГБ
Ташкент, 1897 г. — РГБ
Ташкент, 1315/1897 г. — РГБ
Ташкент, 1900 г. — РГБ
Ташкент, 132[0]/1902—1903 гг. — РГБ
Ташкент, 1322/1904—1905 гг. — РГБ
Бахчисарай, 1325/1907 гг. — РГБ
Коканд, 1328/1910 г. — РГБ
Ташкент, 1333/1915 г. — МГИМО(У) МИД
Ташкент, 1334/1915—1916 гг. — РГБ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГМВ — Государственный музей Востока
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека России
ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук
МГИМО(У) МИД — Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бертельс, 1948 — *Бертельс Е.Э.* Навои. Опыт творческой биографии. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.

Бертельс, 1965 — *Бертельс Е.Э.* Навои // Избранные труды. Т. 4. Навои и Джами. М.: Изд-во восточной литературы, 1965.

Бертельс, 1965а — *Бертельс Е.Э.* Навои и литература Востока // Избранные труды. Т. 4. Навои и Джами. М.: Изд-во восточной литературы, 1965.

Варшавский, Рест, 1987 — Подвиг Эрмитажа. Текст С. Варшавского и Б. Реста. Л.: «Аврора», 1987.

Волин, 1946 — *Волин С.Л.* Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях // Алишер Навои. Сборник статей под редакцией чл.-корр. АН УзССР А.К. Боровкова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Гаспаров, 1975 — *Гаспаров М.Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М.: «Наука», 1975.

Гегель, 1971 — *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. Т. 1 — 4. М., 1986—1973 // Т. 3. М.: Изд-во «Искусство», 1971.

Дмитриева, 2002 — *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

Зайцев, 2001 — *Зайцев И.В.* Тюркские рукописи в Государственной публичной исторической библиотеке // Восточный архив. М., 2001. № 6—7.

Зайцев, 2004 — Исламская рукописная книга из московских собраний // Islamic Manuscripts in Moscow Collections. Государственный исторический музей, 17 августа — 20 сентября 2004 г. Каталог выставки. Автор-составитель И.В. Зайцев. М., 2004.

Зайцев, 2011 — *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи ИВ РАН и восточная археография в Москве // Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения. Материалы круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 2011.

Зайцев, 2014 — Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: каталог. Составил И.В.Зайцев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока).

Заходер, 1947 — *Заходер Б.Н.* Введение // *Кази-Ахмед.* Трактат о каллиграфах и художниках. Введение, перев. и комм. Б.Н. Заходера. М.-Л.: «Искусство», 1947.

Кази-Ахмед, 1947 — *Кази-Ахмед.* Трактат о каллиграфах и художниках. Введение, перев. и комм. Б.Н. Заходера. М.-Л.: «Искусство», 1947.

Клепиков, 1959 — *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.

Крачковский, 1956 — *Крачковский И.Ю.* Арабская поэзия // Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

Куделин, 1983 — *Куделин А.Б.* Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII—XI в.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

Куделин, 1994 — *Куделин А.Б.* Автор и традиционалистский канон // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: «Наследие», 1994.

Куделин, 1998 — *Куделин А.Б.* К проблеме соотношения традиционного и оригинального в средневековой поэтике (о «подражании» в классиче-

ских литературах Ближнего и Среднего Востока) // Россия — Восток — Запад. М.: «Наследие», 1998.
Куделин, 2003 — *Куделин А.Б.* Средневековая арабская графическая культура: от изобразительных фигур к рисуночному письму // *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: «Языки славянской культуры», 2003.
Лихачев, 1979 — *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М.: «Наука», 1979.
Михайлов, 1988 — *Михайлов А.В.* «Западно-восточный диван» Гёте: Смысл и форма // Иоганн Вольфганг Гёте. Западно-восточный диван / Изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: «Наука», 1988.
Навои, 1959—1960 — *Алишер Навоий*. Хазойинул-маони. I, II, III, IV. Илмий-танқидий текст асосида нашрга тайёрловчи Ҳамид Сулаймон. Тошкент, 1959—1960.
Навои, 1964 — *ʻАлӣшӣр Навāʼӣ*. Диван. Издание текста, предисловие и указатели Л.В. Дмитриевой. М.: «Наука», 1964.
Навои, 1970а — *Алишер Навои*. Сочинения в десяти томах. Т. 8. Ташкент: «Фан», 1970.
Навои, 1970 — *Навои Алишер*. Суждение о двух языках. Перев. А.Н. Малеховой // *Алишер Навои*. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Ташкент: «Фан», 1970.
Навои, 1972 — *Навои А.* Поэмы. М., 1972.
Навои, 2014 — *Навои А.* Жемчужные строфы. Перевод Д. Азимовой. Ташкент, 2014.
Пиотровский, 1995 — *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб.: «Наука», 1995.
Роузентал, 1978 — *Роузентал Ф.* Функциональное значение арабской графики // Арабская средневековая культура и литература. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1978.
Сазонова, 1991 — *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: «Наука», 1991.
Собрание, 1987 — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. XI. Под редакцией А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент: «Фан», 1987.
Hartmann, 1902 — *Hartmann M.* Die Skobelew-Sammlung orientalischer Handschriften im Historischen Museum zu Moskau // Orientalistische Litteratur-Zaitung. Leipzig, 1902 (Jg. 5; Februar 1902), № 2.
Navāʼī , 2015 — *ʻAlī Shīr Navāʼī.* Dīvān of the Aq Qoyunlu Admirers (1471). Ed. by Aftandil Erkinov. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2015 (Studia Culturae Islamicae No.101).
Zaytsev, 2002 — *Zaytsev I.* Turkic Manuscripts in the State Public Historical Library in Moscow // Manuscripta Orientalia. Vol. 8, № 4. December 2002.

В оформлении издания использованы иллюстрации из книг:

Алишер Навои (1441—1501). Линогравюры Ивана Кириакиди: Альбом. Ташкент: Узбекистан. 1968.
Алишер Навои: Альбом эстампов к 525-летию со дня рождения / Союз художников Узбекистана. [Б.м.] : [б.и.]. 1968.
Алишер Навои. Образ Навои в миниатюр. живописи Востока. Ташкент, 1991.
Подвиг Эрмитажа. Л.: «Аврора», 1987.

Фото на с. 4: Памятник Алишеру Навои в Москве. Скульптор Р. Миртаджиев.

Справочное издание

Рукописи и литографические издания Алишера Навои
в московских собраниях

Автор-составитель *И.В. Зайцев*

Редактор *Ал.А. Полещук*

Дизайн: *И.И. Меланьин*

Верстка, вывод оригинал-макета: *Ар.А. Полещук*

Подписано в печать 15.03.2016. Формат 60×90/8.
Тираж 1000 экз.